

А. КОМАНДОР

СО ВКЛЮСОМ
ГНННН

Огнёв — город на окраине Технократической империи. Высокая стена защищает его от полного опасностей внешнего мира и от тварей, что обитают в лесах. Однако и в стенах города небезопасно. Власти ведут борьбу с порченными — мутантами, которых стало слишком много после затронувшей весь мир Катастрофы. Люди живут в постоянном страхе, ведь любое несогласие с законами империи карается смертью.

Ив поступил на службу к могущественному теневому барону, чтобы обеспечить себе и своей сестре безбедное существование. Ради денег он готов на все, ведь от этого зависит жизнь Милы. Но есть болезни, от которых не может избавить пересадка органов. Когда у Милы вдруг проявляется мутация, всем планам на будущее приходит конец.

Глава 1

— Рейды участились... — полушепотом проговорил мужчина и украдкой оглядел зал: не проявляет ли кто интереса к их разговору.

— Кого они ищут? — Его собеседник склонился над столом, почти касаясь бородой стакана. В нос ударил ядреный и кисловатый запах шнапса.

— Кто знает. Порченных. Тех, кто укрывает порченных. Тех, кто штампует эти гребаные листовки.

Бородатый поморщился, задержал дыхание и сделал большой глоток. На языке остался привкус гнилого картофеля и ржавчины, а живот словно вспороли ножом, но это был единственный алкогольный напиток, доступный простым работягам вроде него.

— Зачем их укрывать? Они *другие*. Им не место среди нормальных.

— Поди докажи это какой-нибудь мамаше, которая родила долгожданного дитятку на старости лет, но — вот беда! — малой получился с хвостиком или лишним глазом. Разве ж она отдаст по доброй воле уродца? Вот то-то и оно! Они ныкают незарегистрированных детей, а нас, законопослушных граждан, потом шмонают.

Оба замолкли, сделали по глотку. Бородатый отставил стакан подальше, чтобы не вдыхать эту вонь.

— Ну и дерьмо! Никогда не поверю, что в прошлом шнапс был *таким*: брага из картофельных очистков, настоянная в бочке для дождевой воды.

— Хочешь нормального самогона — вали из города.

Мужчины усмехнулись и выпили ещё. Оба знали, что лучше уж терпеть гнилостный вкус шнапса, чем попытаться удачу за стеной в поисках лучшей доли.

Пьяное спокойствие бара нарушил внезапный грохот. Входная дверь с громким треском ударилась о стену после чьего-то бесцеремонного пинка. Все мигом обернулись на шум, напряжённые и встревоженные, судорожно пытаясь сообразить затуманенным сознанием, не давал ли кто из них повода. Каждый знал, *что* обычно следует за таким вот пинком в дверь.

В проходе застыла громадная фигура, очерченная бледным светом с улицы. Хозяин бара после секундной заминки вскинулся:

— Эй, какого хрена ты де... Шлак? — грозное выражение на его немолодом лице вмиг сменилось на испуганное.

Фигура сделала шаг — тяжёлый сапог звякнул о бетон металлическим мыском — и завсегдагаи тихо охнули. Это был наголо обритый широкоплечий мужчина с небрежной щетиной на бугристом от шрамов лице. Он широко и недобро улыбался, и от этой улыбки с подточенными на манер пилы зубами можно было запросто навалить кирпичей. Однако не зубы или внушительный рост заставляли прохожих шарахаться от него, а две пары накачанных рук, каждая из которых в обхвате как бревно. В городе был только один свободный порченный с четырьмя руками, и каждый гражданин знал, что ему лучше не переходить дорогу.

За плечом гиганта остановилась фигура поменьше, нормальных человеческих габаритов, в натянутом на самые глаза капюшоне плаща. Остальную часть лица скрывал респиратор — хороший, действующий, не то, что маски с фильтрами, которые болтались на шеях большинства присутствующих.

Гигант, которого хозяин назвал Шлаком, в несколько резких шагов преодолел

оставшееся до бара расстояние, водрузил ладони на старую деревянную стойку и навис над владельцем:

— Поболтаем?

Второй небрежно захлопнул дверь, не вынимая рук из карманов темного плаща, и тоже приблизился к стойке. Хозяин нервно сглотнул, и этот звук оказался самым громким во внезапно притихшем баре. Он поднял крышку стойки и слабо проговорил:

— Сюда, — после чего повел нежданных гостей в подсобное помещение. Походка стала деревянной, он нервно мям пальцы, а на лице была паника.

— Кто это? — зашептал бородатый, провожая взглядом пришельцев.

— Шавки Тощего, — процедил его собеседник и потянулся к стакану. — Сдаётся мне, пора валить отсюда.

Они шли за владельцем мимо полок со стаканами и бутылками. В баре воняло пластиком и пылью, но больше всего этой кислятиной на картофельных очистках, которую так любят местные. Притихшие посетители пялились на них с глупыми лицами, а некоторые уже медленно отодвигали стулья, чтобы убраться от греха подальше.

Хозяин толкнул дверь в подсобку, пропустил вперёд незваных гостей и закрыл ее, кинув в щель такой беспомощный и затравленный взгляд, будто навсегда прощался с заведением. Ив усмехнулся — звук из-под респиратора вышел приглушенным шипением. Неважно, богат человек или беден, неважно, торговец он, политик или лидер секты: все реагируют одинаково, когда Шлак приглашает их поболтать в запертой комнате.

Едва дверь с обреченным щелчком захлопнулась, Шлак схватил владельца за грудки и со смачным шлепком приложил о старое дерево. Раздался удивленный всхлип и резкий шумный выдох, с которым воздух покинул лёгкие. Владелец обмяк в лапищах Шлака, притиснутый к двери на некотором расстоянии от пола.

— Тощий передаёт привет, — выдохнул ему в лицо громила, обнажив зубы-пилы в широкой ухмылке. Четырехрукому ублюдку эта работа доставляла неподдельное удовольствие.

Бледный словно мучной червь хозяин торопливо залепетал:

— Я все оплачу, даю слово! Сейчас трудные времена, участились рейды, клиентов стало меньше, выросли налоги...

— Тощему плевать на твои проблемы, — перебил глупые и сотни раз слышанные оправдания Ив. Респиратор приглушал звуки, искажал их, но суть должник поймет и так. — Он хочет видеть свои деньги за партию самогона и натуральных овощей, которые ты должен был отдать на прошлой неделе.

— Да-да, конечно! Все будет, я все отдам, просто дайте мне ещё немного времени!

Ив холодно глянул на владельца из-за плеча Шлака. Все они говорят одно и то же. Всегда.

— Он не любит ждать.

Хозяин вытянул шею, сделал слабую попытку освободиться из стальной хватки, но получилось у него лишь жалко поскрести пятками о дверь.

— Пожалуйста! — Голос почти сорвался на писк. Ещё немного — и мужик заплачет от отчаяния. — Ради нашего многолетнего сотрудничества! Я ещё никогда не подводил Тощего!

Ив сощурился, сделал драматическую паузу, чтобы хозяин смог в полной мере ощутить отчаянность своего положения. И потом проговорил вкрадчиво, с расстановкой:

— Не подводил. Раньше. И наш босс ценит это. В знак своей доброй воли он даёт тебе ещё три дня. Потом мы вернёмся — и либо принесём ему деньги с процентами, либо переломаем каждую кость в твоём теле, так что тебя не сможет восстановить даже самый лучший хирург-биомеханик.

Владелец сдавленно всхлипнул, сглотнул.

— Я заплачу, клянусь матушкой...

— Конечно заплатишь, — весело прогудел Шлак. — Иначе будет больно...

Свободными руками гигант схватил безвольно болтающуюся руку хозяина, надавил. Раздался треск и короткий вскрик сразу за ним. Шлак запрокинул голову и захохотал во всю глотку.

— Примерно вот так, только в сто раз больше.

Гигантские кулаки разжались, и хозяин рухнул на пол, даже не попытавшись удержаться на ногах. Он круглыми глазами уставился на руку с вывернутым под неестественным углом пальцем, а из-за дрожащих губ начал пробиваться бессвязный скулеж. Шлак пнул его несильно напоследок, подчиняясь какой-то своей сиюминутной прихоти, и потянул дверь. Ив на миг задержался, навис над хнычущим стариком, чтобы послать тому полный презрения взгляд, и протиснулся следом.

Должников у Тощего было много. Вряд ли хоть кто-то из них осознавал, в какой жопе они окажутся, если посмеют хоть на пару дней просрочить платеж по договору. Нет, никто из них не думает о последствиях и рисках, когда перед глазами вырисовываются радужные перспективы и небывалые выручки, которые сулит торговля запрещенной, но такой желанной продукцией староверов. Кому-то удаётся наладить торговлю, но некоторые, такие как этот жалкий владелец низкопробного бара, очень скоро начинают проклинать тот день, когда решились на сделку с самым влиятельным и опасным теневым бароном.

Зал почти опустел за время их короткой беседы. Люди чувствуют опасность и бегут от неё, по крайней мере те, кто поумнее. За парой столов и по углам остались только вхлам нажравшиеся посетители. Одни храпели, другие бормотали себе под нос нечто бессвязное.

Шлак, у которого вечно руки чесались что-нибудь сломать, бездумно смел с одной из полок стаканы. Они с грохотом посыпались на пол и разлетелись в разные стороны. Пластиковые, в основном. Такие не разбиваются на осколки. Громила разочарованно хмыкнул и прихватил в качестве награды бутылку с мутной жидкостью, какой здесь травили народ. Ив только усмехнулся ему в спину.

— Хочешь? — Шлак протянул товарищу полупустую бутылку, которую вскрыл, едва оказавшись на улице.

— Сам пей это дерьмо.

— Ха, какие мы неженки!

— Если ты готов глотать сомнительную жидкость с запахом тухлятины — пожалуйста. Только не удивляйся, если через пару дней в брюхе дыра появится.

— Зануда. — Шлак за три больших глотка прикончил остатки так называемого шнапса, громко рыгнул и отбросил бутылку в сторону. — Все пьют — и ничего.

— Потому что у них выбора нет. Благо, я пока что в состоянии позволить себе пойло получше.

Бетонная дорога, вся в выщербинах, пятнах и трещинах, была в это время суток пустынной, а редкие прохожие, которые попадались на пути, шли торопливо, с опущенными вниз головами. Почти все носили респираторы, маски или импровизированные повязки из

кусков ткани, впрочем, совершенно бесполезные, не спасающие от вредных примесей в воздухе.

По бокам дороги сплошной стеной в небо поднимались здания из металла, бетона и стекла. Они все возводились в разное время и в разном стиле и напоминали неправильно собранную мозаику, пазл, кусочки которого впихнули как попало, лишь бы заполнить пустоты. Окна нижних этажей в основном были заколочены или зарешечены, там скрывались бараки бедноты, ночлежки наркоманов или общественные заведения. Такое жильё не выберешь по собственной воле.

Огнёв — город на границе Технократической империи, названный в честь какого-то учёного из прошлого. Раньше он был городом мечты, где передовые технологии служили на благо общества, где можно было позволить себе комфортную жизнь, наполовину запрятанную в виртуальной реальности. Однако всему хорошему приходит конец. Концом былой могучей и необъятной империи стала Катастрофа. Город мечты превратился в тюрьму, а от паршивой реальности можно спрятаться разве что в наркотических грезах.

— Не понимаю я, — заговорил Шлак невнятно из-за зажатой в зубах самокрутки, — что такого особенного в натуральных овощах. — Он щелкнул несколько раз зажигалкой, выругался: старый механизм постоянно заедал. Наконец, появился оранжевый огонёк. Громила поднёс его к кончику сигареты и затянулся. Закинул две руки за голову, третьей придерживал сигарету и удовлетворенно выпустил струйку едкого сизого дыма сквозь щели в зубах.

Ив взглянул на товарища с раздражением, как на маленького ребёнка, которому непонятны простейшие вещи.

— Они типа *натуральные*, вот что в них особенного.

— Питательные смеси, которые нам раздают, гораздо удобнее и дают больше энергии, чем, например, этот их гребаный салат из помидоров и сыра, на котором в последнее время помешались все верхи. Не, ну ты видел? Горстка овощей на один укус — а стоит как любая из этих квартир.

Свободной рукой Шлак махнул в сторону тех самых квартир, которые стоят как овощной салат. Забитые окна, вонь от канализации, грибок на стенах. Ив и сам предпочел бы потратить деньги на единственное приличное блюдо, чем на одно из таких помещений.

— Да ты хоть раз пробовал нормальную еду? Смеси, которыми вас пичкают, это полнейший отстой. Сублимированные продукты чуть лучше, но все равно отстой. Так что я понимаю, почему люди готовы платить огромные деньги за натуральную еду староверов. Наладить торговлю с ними было отличной идеей.

Шлак в последний раз сладко затянулся, отбросил дымящийся окурок в сторону и повернулся к товарищу, который при своём среднем человеческом росте едва доставал до его плеча.

— Даже несмотря на то, что это незаконно?

— Особенно поэтому. — Из-за едкого дыма слезились глаза, и Ив помахал перед лицом ладонью, чтобы рассеять серое облако. Курево никак не назовёшь приятным, но Шлаку эта дрянь почему-то нравилась. — Все шишки подсели на натуральное, как только поняли, какое дерьмо ели все эти годы. А купить продукты староверов можно только через Тощего.

Шлак потер массивный бугристый подбородок, подумал немного и выдал:

— Так почему бы не легализовать торговлю?

Ив взглянул на него из-под надвинутого на самые глаза капюшона. Здоровяк на самом

деле тупой или только притворяется? Как бы там ни было, оскорблять парня в четыре раза тяжелее тебя стоит с осторожностью. Один удар этой громадной лапищи в челюсть способен отправить любого в больницу с черепно-мозговой, а то и сразу на тот свет. Так что Ив лишь бросил презрительное:

— Ты серьёзно?

Шлак не обратил на его тон внимание. Наверно, привык, что все и каждый общались с ним в подобном тоне. Он ведь *порченный*, мутант с четырьмя руками и погаными генами, которому не место среди нормальных, *чистых* людей. Удел таких, как он, — работа в канализации или на опасных производствах, где до пятого года службы дотягивают единицы, где кожу разъедают ядовитые пары, а в лёгких формируются чёрные узелки, заставляющие кашлять кровью и кусками внутренних органов. Только так порченные могут возместить городу ущерб от своего существования, которое само по себе ставит под угрозу сохранение человеческого вида.

Они шли молча по раскрошенному бетону, окружённые бетонными стенами-домами со всех сторон. Даже небо было цвета бетона. Оно низко висело над плоскими крышами высоток и над воткнутыми в эти крыши ветрогенераторами, которые обеспечивают энергией город. Говорят, над землями староверов небо голубое, не занавешенное дымом из тысяч труб. Но какая разница, что там, наверху, если жизнь учит не поднимать взгляд.

— О! — оживленно изрёк Шлак. Он вообще редко затыкался надолго.

Ив повернул голову с недоумением, однако рядом громилы не оказалось. Тот подошёл к обшарпанной стене очередного лоскутного здания, где посреди оборванных и затертых листовок красовались новые, совсем недавно наклеенные. Шлак оторвал одну из них. Ив заглянул через его плечо и пробежался глазами по корявому тексту.

"Порченные тоже люди", — гласила надпись. Ив усмехнулся.

— Тебе зачем? Ты же даже читать не умеешь.

— Это бумажка, — заявил Шлак, сложил листовку в карман и потянулся к следующей. — В сортире пригодится. Тут наверняка что-то про мутантов. Такими только жопу подтирать, и то больше пользы.

Скоро в кармане чёрного безразмерного плаща оказались листовки "Остановим геноцид вместе" и "Верните наших детей". Только потом Шлак удовлетворенно хмыкнул и продолжил вместе с Ивом путь.

По какой-то причине четырехрукий ненавидел своих. У порченных принято помогать друг другу, потому что ни от кого больше не приходится ждать хорошего отношения, но Шлак их презирал. Может, загордился, когда Тощий выкупил его из бойцовских ям, сделал своим телохранителем и наделил правами, которыми обладали Ив и другие люди на службе у теневого барона. Надо признать, он имел полное право гордиться, и глупо было бы осуждать его за то, что исполнил мечту каждого порченного: выбился в люди.

Мужчина полез в карман за новой самокруткой, сунул её в зубы, но так и не закурил: из-за поворота улицы донесся гулкой стук шагов. Этот стук ни с чем не спутать. Каждый житель Огнёва знает его. Прохожие, слышав его, сразу поспешили убратся с дороги на обочины. Одни вжались в стены, опустили глаза и ускорили шаг в попытках не привлекать к себе внимание. Другие шмыгнули в подворотни, спрятались за ближайшими дверьми. Третьи, у кого любопытство пересилило страх, остановились поглазеть.

Вскоре стало видно приближающуюся группу: черное пятно на фоне серо-коричневых стен. Чистильщики, отряд Чистоты. Биомеханические андроиды, созданные на основе тел

мертвецов, призванные следить за порядком в городе и за его *чистотой* — они отлавливали укрывающихся от властей порченных, проверяли квартиры по наводкам соседей, шерстили подвалы и закоулки. Иногда хватали не только мутантов, и никто не знал, по какому принципу они действуют.

Ив и Шлак, как и другие, убрались с их пути. Три тройки солдат в чёрной форме неумолимо приближались. На головах неснимаемые капюшоны, на руках перчатки. Форма нужна была только для того, чтобы скрыть корпус от любопытных глаз. Говорили, что это тела мертвых порчей, покрытые металлическими и полимерными пластинами. Они поднимали и опускали закованные в сталь ноги в едином ритме, словно были связаны одним разумом. В руках — новенькие автоматы, дула которых смотрели в одну сторону, точно по линейке. Лица скрывали одинаковые стальные маски с круглыми вырезами равнодушных глаз.

Чистильщики издалека заметили Шлака. Трое крайних в ряду уставились на него своими немигающими провалами черноты. Отряд был уже совсем близко, а они все глядели и глядели, даже когда пришлось повернуть головы. Только когда отряд поравнялся с человеком и его спутником-мутантом, Чистильщики как один повернули головы вперед, будто внезапно потеряли к нему всякий интерес.

Ив проводил их хмурым взглядом. Такое поведение андроидов казалось странным. Все они были оснащены системой распознавания лиц и автоматически определяли порченных. Шлаку в этой системе отводилось особое место. Для Чистильщиков и прочих служб он был неприкосновенен, так как занимал официальную должность телохранителя Тощего.

— Видел, как они уставились? Они всегда так?

— Ага, — сквозь зубы процедил Шлак. Он снова сунул в губы сигарету и принялся яростно чиркать зажигалкой. — Гребаные биомехи. Каждый раз пялятся, будто думают, а не замочить ли очередного порча. Когда впервые их увидел, чуть не обосрался. — Он презрительно сплюнул.

— Интересно... Вряд ли тупо таращиться на прохожих заложено в их программе.

— Ну. — Шлак немного помолчал и добавил: — Наверно, они просто ненавидят порченных и бешутся, что не могут меня достать.

Он растянул губы в акульем оскале. Вряд ли Шлак серьёзно в это верил. Все знают, что у андроидов нет чувств, есть только программа, которой те следуют. У качественных биомехов, каких делали в прошлом, была и развитая программа, способная имитировать человеческое поведение. Сейчас же, во времена после Катастрофы, не хватает ресурсов собирать андроидов для частного пользования. Остались только рабочие, собранные для выполнения определенных задач. Да и то это слишком затратные технологии для обедневшего городка с ограниченными ресурсами.

Несколько метров спустя громила снова затормозил, заметив на обшарпанной стене листовку. Серый клочок бумаги с корявыми буквами, слабо трепещущий на ветру. Странно это: обычно порченных детей не учат грамоте. Кто-то им помогает среди нормальных, но зачем?

Шлак с каким-то остервенением сорвал листовку и сунул в карман. Потом повернулся к Иву, усмехнулся в ответ на его недоуменный взгляд.

— Вот же гребаные ублюдки, весь город засрали.

Огнёв — город контрастов. Внизу нищие, отбросы и сиротки медленно умирали из-за отравленного воздуха и болезней, или же умирали быстро от ножевого в подворотнях, где до них никому не было дела. Наверху политики, учёные и просто богатые, но бесполезные ублюдки жили в достатке и роскоши, способные излечиться практически от любой болезни. Дорогостоящие имплантаты и искусственные тела продлевали жизни тех, кто мог себе это позволить, ещё на пару человеческих сроков. Оставленные предками в наследство передовые технологии уживались с древними народными премудростями. В жизни современного общества прочно укоренились элементы быта, ушедшие в забвение после промышленной революции, которые вновь пришлось вспоминать на развалинах цивилизации. Пока одни пытались прокормить детей питательными смесями, другие заказывали для своих званных обедов съедобные цветы из-за стены. Впрочем, мир всегда был таким, что до Катастрофы, что после. Неравенство — это его нормальное состояние.

Тощий как никто другой понимал, что значит неравенство. Когда-то давно и он вынужден был питаться безвкусными смесями, зато теперь может позволить себе хоть каждый день совершенно бесполезные натуральные яблоки староверов, тарелка с которыми постоянно пополнялась в его гостиной.

Тощий занимал особую позицию в структуре власти Огнева. Официальная его деятельность сводилась к управлению заводами по переработке или утилизации опасных и безопасных отходов. Добившись от властей передачи прав на порченных в обмен на квоты для правительственных организаций, он сократил до минимума расходы, когда заменил роботов живой рабочей силой. Должность директора позволила ему нанимать телохранителей и охрану на заводы, поэтому все его люди были официально устроены. А уж чем они занимались на самом деле — на это посвященные верхи Огнева предпочитали закрывать глаза, пока Тощий оставался для них полезен. Услуги теневого барона оказались для правительства не менее востребованы, чем переработка химических отходов.

Просторную комнату, где любил проводить свободное время теневой барон, по периметру освещала светодиодная лента, а на одну из стен напротив дивана проецировалось видео — местное телевизионное вещание. Кроме пары диванов, низкого стола и коробочки проектора под потолком в комнате ничего не было. Тощий терпеть не мог, когда одно помещение используется для разных целей, как принято у бедноты. Благо, квадратных метров в его распоряжении было предостаточно. Пока богатенькие кретинчики боролись за верхние этажи, он занял никому не нужные подвалы. Пришлось немного потеснить местных обитателей и хорошенько вложиться в обустройство, зато теперь его хоромы превосходили размерами даже жилище мэра. В каждом помещении стоял очиститель воздуха, искусственный свет ничем не уступал дневному, и отсутствие окон владельца совсем не огорчало: он предпочитал глядеть на родной город изнутри.

Тощий набил деревянную трубку настоящим табаком, который растили на своих землях староверы. Он любил побаловать себя редкими штучками. Терпкий ароматный дым закружился в воздухе, а где-то за ним мелькали картинки из старого фильма, восстановленного с почти неповрежденных электронных носителей.

Раздался стук в дверь. Один из охранников, что постоянно дежурили у входа, открыл

дверь. В комнату вошли двое: улыбочивый четырехрукий амбал и мрачноватый паренек с бритыми висками и темными кудрями. Тощий едва удостоил их беглого взгляда. Сейчас все его внимание было сосредоточено на экране.

— Готово, босс, — пробасил Шлак, пока Ив стягивал респиратор и пытался пригладить непослушные кудри. — Припугнули чуток мелкого засранца. Обещал скоро выплатить долг. Сказал, застой сейчас, рейды, клиентов мало.

— Ох, если бы обещания этих трусов чего-то стоили! — протянул Тощий с полуулыбкой. — Ты к ним по-доброму, со всей душой. Предлагаешь выгодные сделки, рискуешь собственной шкурой, а они только ищут способы тебя надуть. Ничего нового. — Он взглянул в сторону подчинённых, которые стояли неподалеку и тоже пялились на экран. — Молодцы, мальчики.

— Стараемся, босс, — Шлак бодро отдал честь. Казалось, этот мутант не умеет быть серьёзным, в отличие от товарища, полной его противоположности, от которого не добиться даже дохлого смешка в ответ на шутку.

— Ценю. — Тощий перевёл взгляд на экран, усмехнулся. — Смотрите-ка, мэр Карина.

Старый фильм прервался рекламным роликом: одна из современных квартир на хрен знает каком этаже, с панорамными окнами, кучей растений и минималистичным дизайном. Женщина среднего возраста со светлыми кудрями и острым носом. Она взяла одно из красивых крупных яблок, которые горкой лежали в вазе перед ней. Откусила кусочек — весьма аппетитно, надо сказать, — и лучезарно улыбнулась, будто для полного счастья ей не хватало именно этого.

— Я выбираю здоровый перекус, — поделилась Карина чётко поставленным голосом. — Витаминизированные яблоки от компании "СинАгроКом" — польза в каждом кусочке!

Тощий тихо рассмеялся. Каждый такой ролик неизменно забавлял его. Сегодня Карина рекламирует свою компанию, а завтра заказывает овощи из-за стены.

Мужчина взглянул на подчинённых, которые все ещё стояли посреди комнаты в ожидании приказов, и указал на одну из ваз на столе. В первой яблоки были точно из рекламы: крупные, красные, блестящие, а во второй — будто неудачная пародия на них.

— Красивые, да? Так и хочется съесть. Но на вкус они как вата. А эти? — Он указал на вторую вазу, — мелкие, червивые, неказистые. Зато на вкус... просто сказка. Угощайтесь, мальчики.

Ив взял несколько некрасивых яблок и спрятал их в карман. Запоздало кивнул в благодарность. Шлак же демонстративно сложил обе пары рук на груди. По какой-то одному ему известной причине он презирал натуральные продукты, зато был верным фанатом всей той гадости, которой пичкали власти Огнева простой народ. Тощему эта его преданность казалась весьма полезным качеством.

Мужчина вытряхнул давно потухший пепел из трубки и принялся медленно и методично набивать её свежим табаком. Подчинённые терпеливо ждали. Ничего, пусть подождут, спешить некуда. Тощий раскурил трубку, выпустил дым. Пусть в комнате не было окон, но дым никогда не стоял густым туманом перед глазами. Воздухоочиститель отлично справлялся со своей задачей.

— Сколько вы дали должнику времени? Три дня? Думаю, стоит навестить его через два. Если он окажется на месте — деликатно напомнить о крайнем сроке. А если же окажется достаточно глуп, чтобы сбежать... Впрочем, не будем торопиться.

— Может, понаблюдать за ним на всякий случай? — тут же вызвался Шлак. Не любил сидеть без дела.

— Этим займётся кто-нибудь другой, — отмахнулся Тощий по-аристократически небрежным жестом. — А для вас двоих у меня есть ещё работенка на сегодня.

На этих словах Ив оторвался от равнодушного созерцания экрана, а Шлак наклонил голову, словно собачка, готовая ловить приказы хозяина.

— Ночью Радомир привезёт товар. Нужно убедиться, что все пройдёт гладко. Торговец меня в последнее время беспокоит.

Ив вскинул бровь. Впервые за весь разговор в его взгляде отразилась капля заинтересованности.

— Плохой товар?

— Товар-то как раз хороший. — Тощий задумался на миг, неспешно затянулся и выпустил струю дыма тонкими губами. — Радомир проявляет... как бы это сказать... излишнюю лояльность к порченным.

— То есть?

— То угощает грузчиков самокрутками — совершенно бесплатно, кстати говоря! — то ведет с ними беседы, будто с самыми обычными людьми. Эти староверы, поди разбери, что у них в головах творится. Свои правила, свой менталитет. Они живут по своим законам и совсем не понимают наших. Поэтому, Истислав, наблюдай.

Ив нахмурился, услышав собственное имя, а теневой барон усмехнулся. От парнишки было сложно добиться хоть каких-то эмоций, но полное имя его всегда выводило. И Тощего это забавляло. Тем не менее Ив не был настолько глуп, чтобы поправлять босса. Он просто кивнул:

— Я прослежу за ним.

Глава 3.1

В подвале было холодно. Ив в очередной раз поежился и накинул капюшон. Прятать лицо под капюшоном давно вошло в привычку. На улицах он пытался таким образом скрыть свою личность от посторонних глаз, а ещё — привлечь поменьше внимания, хотя и было это в принципе бесполезно. Во-первых, в лицо его знал каждый, кто имел какие-то дела с Тощим, а для всех остальных он был не более чем очередной серой фигурой в толпе низших классов Огнева, унылых, влачащих жалкое существование и не способных выбраться как за пределы прослойки, так и за пределы города. Во-вторых, не привлечь внимание, когда рядом шагает здоровенный четырехрукий мутант, не получится при всем желании. Но капюшон все же защищал от холода.

Рядом расслабленно привалившись к стене стоял Шлак со своей всегдашной улыбочкой на изрытой шрамами морде. Ив подозревал, что уроду просто нравится смотреть на выражения лиц людей при виде его подпиленных зубов, вот он и лыбится вечно. Не может же порченный и правда быть в хорошем настроении?

Шлак выудил из кармана просторного плаща самокрутку, пощелкал зажигалкой и затянулся. Тут же запахло паленым сеном и плесенью.

— Хочешь?

Ив с презрением взглянул на любезно протянутую товарищем сигарету и перевёл такой же презрительный взгляд на гиганта:

— Как ты можешь курить эту дрянь? Меня блевать тянет, даже когда я просто рядом стою.

Шлак дёрнул плечом и снова затянулся.

— Отличный лишайник. Не понимаю, что Тощий нашёл в этом староверском табаке?

— Ты его хоть раз пробовал?

— Да, однажды. Босс угостил. Подумал наверно, что хорошее и дорогое курево послужит наградой за успешное задание. Ну, скажу я тебе, такой он слабенький, что даже непонятно, курил ты вообще или просто трубку пососал. То ли дело наш старый добрый лишайник! Я его уже двадцать лет курю.

— Удивительно, как ты до сих пор не сдох.

Шлак усмехнулся, выпустил очередную порцию сизого дыма. Ив отошёл от него подальше и понадеялся, что запах успеет выветриться из его одежды по пути к дому. Бегло огляделся.

У противоположной стены на полу расположились грузчики — четверо порченных с сигаретами в зубах. Эти не производили такого сильного впечатления, как Шлак, но зрелище все же было не из приятных: у одного вместо рук из рукавов торчали уродливые трехпалые клешни, у другого вместо двух глаз был только один, у третьего на спине под курткой виднелись какие-то странные бугры, может, наросты, из-за которых мужик вынужден был постоянно горбиться. Четвёртый выглядел нормально. Повезло ему, что может скрыть свою порчу под одеждой. В былые времена такие, как он, могли прикинуться нормальными, ходить на работу, заводить семью. Но вот разработали Чистильщиков. Андроидам не важно, прячешь ты хвост в штанах или привязываешь лишнюю руку к телу. Они видят суть.

Поодаль от грузчиков привалился спиной к стене хмурый надзиратель. Он от скуки выбивал стеклом ритм и изредка поглядывал то на подопечных, то в арку тёмного тоннеля в

дальней стене зала. Больше в помещении ничего не было, не считая подгнившие ящики, кучу коробок на отгрузку и всякий мусор.

Ожидание затягивалось. Так бывает: торговцам приходится преодолевать мусорную свалку за стеной с кучей добра на руках и одновременно следить за патрулями. Удивительно, как они вообще на такое согласились.

— Эй, Шлак, — позвал Ив спустя десять минут молчания.

— Хм?

— Ты знаешь, как Тощий с Радомиром все это придумали? То есть, кто из них первым предложил обмен?

Обычно Ив не отличался общительностью и не особенно интересовался тем, что не касается его напрямую. Но этот вопрос давно крутился на языке, да и тема вполне подходила, чтобы заполнить бесконечно тянущееся ожидание.

— Ну, я в эти дела не лезу, — сообщил громила. — Просто делаю что говорят.

— Ага, как и все, — разочарованно пробормотал Ив, чуть помолчал и продолжил: — Если все это придумал босс, то что сказал им, как подбил торговцев меняться на своей территории? Типа, вам придётся идти три километра по помойкам с мешками еды в руках, где даже днём сломать ногу как два пальца обоссать. А ещё вас могут расстрелять без предупреждения бесшумные патрульные коптеры. Но это ничего, ведь вы и так каждый день боретесь там, в своих лесах, со всякой нечистью, наверно, привыкли уже к опасности. Сомнительный вариант. Значит, староверы первыми предложили заключить сделку. Значит, они реально нуждаются в наших технологиях, что готовы рисковать собой, лишь бы их заполнить.

— Тупые, скажи? — поддержал Шлак. — На хрена было отделяться от империи и уходить в леса, а потом клянуть оружие, потому что сами не могут себя защитить?

— Наверно, они не знали, что в лесах появится нечисть.

Шлак пренебрежительно хмыкнул. В этом и выразилось его отношение к староверам. Прямо-таки ответственный патриотичный гражданин, такой, какими власти хотят видеть всех жителей Огнева.

В тёмном глазу тоннеля наконец показался далекий свет. Чуть погода донеслись и тихие шаги приближающихся торговцев. Скоро стала видна магнитная платформа, доверху нагруженная ящиками, которая бесшумно парила в метре над рельсом. Груз сопровождали трое в классических имперских плащах, какие носили жители Огнева. Маскировка, рассчитанная на патрульные коптеры.

Надзиратель отделился от стены, лупанул стеклом по кирпичу и рявкнул грузчикам:

— Перерыв окончен! Подъем!

Те послушно погасили окурки, поднялись с пола и отряхнули пыльные зады давно не стиранных драных штанов. Шлак и Ив тоже подошли поближе ко входу в тоннель.

Платформа остановилась. Один из людей откинул капюшон и вышел вперед. Это был седой подтянутый мужчина с аккуратной бородкой и пучком на затылке. На шее в разрезе плаща можно было разглядеть языческие талисманы и засаленный ворот рубахи. Мужчина вежливо улыбнулся Иву и протянул руку:

— Приветствую!

Тот взглянул на морщинистую, покрытую мозолями ладонь Радомира, проигнорировал её и просто кивнул, откинув с лица капюшон. Зато Шлак растянулся в оскале и хлопнул торговца по плечу, будто тот был его старым знакомым.

— Здоров, старовер! Какие бесполезные товары нынче привёз?

Радомир лишь усмехнулся уголком рта, махнул рукой, чтобы начали разгрузку.

— Кто сегодня с тобой? — Ив присмотрелся к другим торговцам и заглянул в планшет, чтобы сверить фотографии и лица прибывших.

— Угрюм и Марек, — назвал своих товарищей торговец, и те кивнули.

Первый был среднего возраста, с тёмной щетиной и крючковатым носом. А второй оказался ровесником Ива, пареньком лет двадцати пяти, с непослушными светлыми лохмами и дерзким взглядом. Информация на планшете совпадала. Ив небрежно махнул им, чтобы возвращались к своим делам.

Тем временем Радомир обернулся к Шлаку:

— Только вы, городские, называете нас староверами.

Громила удивленно поднял брови:

— А как вы сами себя зовете?

— Истинноверцы. Свободные земледельцы.

— Ха, свободные! Круглый год ухаживать за растениями на маленьком участке земли, чтобы добыть себе еду — какая же это свобода?

Радомир улыбнулся с пониманием, будто разговаривал с малым ребёнком, который слишком узко воспринимает мир своим крохотным неразумным умишком и которому все приходится разъяснять.

— Ты просто ни разу не пробовал настоящий хлеб, Шлак. Поверь, оно того стоит.

— Этот серый круглый овощ? Нет уж, лучше питательной смеси ещё ничего не придумали.

Пока порченный и старовер болтали в сторонке, Ив следил за разгрузкой товара. На выданном помощниками Тощего планшете был открыт список, заранее оговоренный при прошлой встрече. Нужно было лишь проверить наличие товара и его качество. Ив только делал вид, что проверяет. Все-таки основной его задачей на этой встрече было наблюдение.

Пока ничего необычного: мужчины из команды Радомира помогали таскать ящики, однако они делали это всякий раз, руководствуясь какими-то своими правилами приличия, и никто уже не обращал на это внимание. Они не разговаривали и не отвлекались от работы, как и порченные, которым, впрочем, в противном случае прилетело бы дубинкой по ребрам.

Ив поставил несколько галочек в планшете, полистал список, нахмурился, обнаружив среди товаров неопознанную жидкость.

— Эй, торговец! Что в бутылках? Не вижу их в списке.

— А, это наше новое изобретение: берёзовая брага, — с воодушевлением объяснил Радомир. По голосу сразу стало понятно, какую гордость он испытывает за свой напиток. — Принёс вашему боссу на пробу. Бесплатно. Понравится — пусть заказывает на следующий раз.

Ив равнодушно кивнул и сделал пометку. Ему было плевать, какую дрянь изобретают свободные земледельцы, чтобы потешить эксклюзивом избалованных богачей Огнева, зато Шлак природным любопытством обделен не был. Он подозрительно уставился на бутылки с мутной жидкостью, а когда снова взглянул на торговца, на лице было написано сомнение в душевном здоровье последнего.

— Брага из березы? Это как настойка что-ли?

— Нет, это совсем другое. — Радомир покрутил перед собой рукой, иллюстрируя мыслительный процесс. — Такой алкогольный напиток... хм... с пузырьками, делается из

березового сока.

Шлак от души захохотал:

— Ну вы и странные, староверы! Кому вообще придёт в голову отжимать дерево?

Радомир усмехнулся тоже. Ив отвернулся от этих двоих, махнул рукой одному из грузчиков.

— Эй, ты! Поставь этот ящик в стороне от остальных.

Порченный, который внешне казался нормальным, молча кивнул и немедленно взялся за поручение, однако Ив успел заметить направленный в свою сторону взгляд из-под кустистых бровей. И взгляд этот выражал отнюдь не покорность. Коллектор хмуро уставился порченому в спину, раздумывая, стоит ли обращать внимание на подобные мелочи.

Глава 3.2

От мыслей его отвлек другой порченый, трехпалый. Грузчик подхватил своими неуклюжими лапищами большую плетеную корзину, доверху набитую яблоками. Сделал пару шагов, споткнулся. Яблоки посыпались вниз. Глухие удары о камень громом разлетелись по подвалу, будто не фрукты лежали в корзине, а камни. На миг наступила оглушительная тишина. Все до единого обернулись к порченому, а у того на лице медленно начал проступать испуг.

Надзиратель подскочил к нему в мгновение ока. Его раскладной стек со свистом рассек воздух и обрушился на спину порченого. Тот вздрогнул и издал шумный вздох. Корзина в его руках опасно покачнулась, но надзиратель ударил снова.

— Растяпа! Безмозглая скотина! — вскричал мужчина с яростью. — Ты хоть знаешь, сколько эти яблоки стоят?!

Ударил ещё раз, по рукам, по спине и плечам, быстрыми отточенными движениями. Порченый сжал челюсти и стоял, пока остальные подбирали рассыпанные по полу яблоки.

— Тварь! Урод недоношенный!

— Ну, ну, хватит с него, — сделал слабую попытку Радомир. Надзиратель не обратил на старовера внимание, и тот ухватил его руку, не дожидаясь очередного удара. Надзиратель вскинул на торговца полные гнева глаза и с угрозой в голосе прошипел:

— Будешь мне указывать, как обращаться с грязью? За собой следи, дикарь!

Он выдернул руку и размахнулся. Староверы среагировали молниеносно: вытащили оружие, спрятанное под плащами. Одновременно Шлак выхватил пистолеты — по одному в каждую руку, и навёл их на торговцев. Ив сжал кулаки, из его механических запястий выдвинулись длинные клинки.

Все это заняло не больше двух секунд. Все замерли, готовые в любой момент кинуться в драку, и только глаза бегали от одного противника к другому.

Радомир первым нарушил напряжённую тишину. Он поднял вверх руки в примирительном жесте и спокойно проговорил:

— Давайте-ка все успокоимся и продолжим работу!

Надзиратель обвел злобным взглядом собравшихся, презрительно сплюнул и опустил стек. Остальные медленно последовали его примеру, молча обмениваясь подозрительными взглядами. Шлак, явно разочарованный, распахнул свои пушки за поясом, Ив быстрым движением загнал клинки обратно под кожу и спрятал руки в карманах.

Он не любил держать руки на виду: хоть синтетическая кожа хорошо имитировала настоящую, каждый мог заметить тёмные полосы в местах схождения частей. Конечно, в Огневе механические конечности редкостью не были: даже одна из рук Шлака была из металла. Когда-то здоровяк установил её на место недоразвитой культы, чтобы иметь полный набор одинаковых рабочих рук.

Остатки товара разгрузили быстро и молча. Когда платформа опустела, грузчики принялись расставлять на ней коробки с товаром на экспорт. Радомир выудил из кармана замусоленный листок бумаги, открыл первую коробку и пробежал глазами по списку. Закрыв, перешёл к следующей. В коробках попадалось самое разное: бытовые устройства, топливо, инструменты и оружие.

Ив наблюдал безразлично, Шлак — с любопытством. Вместе с торговцем он заглядывал

в каждую коробку, посмеивался иногда или хмыкал. В конце концов он не выдержал долгого молчания и ехидно заявил:

— Вы постоянно твердите о своей независимости, но все-таки не можете обойтись без нашего барахла!

Радомир спокойно взглянул на него своим взглядом терпеливого взрослого.

— Раньше все было по-другому. Но времена изменились, появилась необходимость в том, от чего наши предки сознательно отказались. Если вещь пойдёт на благое дело, то не важно, у кого мы её приобрели.

— И на какое благое вам огнеметы? — усмехнулся четырехрукий.

— Защищать деревни от нечисти. В лесах полно голодных тварей, только и ждущих повода полакомиться человечинной. А огонь, как известно, очищает.

Надзиратель с вызовом глянул на торговца и насмешливо протянул:

— В наших подвалах тоже полно голодных тварей. Только и ждут очищения огнём!

С лица Радомира тут же сошло терпеливое выражение. Он сомкнул губы в тонкую линию и вперил хмурый взгляд в смеющегося охранника.

Ив решил запомнить это. Излишняя лояльность, как выразился Тоций. Такой настрой не пойдёт на пользу бизнесу.

— Мы закончили. — Ив набрал несколько команд на планшете. — Ваши удостоверения в порядке, пропуска активны.

Засветились браслеты, спрятанные под рукавами торговцев. Поддельные электронные документы были их единственной защитой от патрулей.

— Отлично! — с прежней вежливостью произнёс Радомир. — Приятно иметь с вами дело!

Платформа заскользила в темноту тоннеля, освещаемую единственным тусклым фонарем. Мужчины заняли свои места по бокам и скоро скрылись. В притихшем подвале слышен был только хруст гравия.

Ив кивнул надзирателю, чтобы тот уводил порченных в казарму, и оглядел помещение. Взгляд наткнулся на ящик березовой браги.

— Отнесешь это боссу?

— А сам что? Силенок не хватает? — ухмыльнулся Шлак, однако ящик подхватил.

— Я скоро подойду. Хочу кое-что проверить.

— Валяй.

Громила протиснулся в дверь, едва не задевая макушкой перекладину, а Ив надел респиратор, вытянул из кармана плаща очки ночного видения и накинул капюшон. Щелкнул выключателем — лампы под потолком практически мгновенно погасли, и помещение погрузилось в непроглядную темноту. Только очки позволяли угадывать очертания стен, коробок с товаром и неровный круг тоннеля. Ив и сам не знал, что пытается найти, но чутье подсказывало: что-то происходит. А в таких делах лишь на чутье и следует полагаться.

Коллектор осторожно ступил в тоннель, прижавшись к стене. Округлые стены были обшиты кусками металла и пластика. Металл сохранился ещё со времен постройки, хоть и заржавел местами, а вот пластиком латали позднее. Только пластика и было в достатке в новом послекатастрофном мире.

Ближе к стенам гравия было меньше. Ив бесшумно пробирался вглубь, то и дело замирал и прислушивался. Уже можно было разглядеть слабый отсвет фонаря на тусклом металле стены, тихий хруст гравия под сапогами торговцев и невнятные голоса. Ив

подобрался ещё чуть ближе, но так, чтобы оставаться вне зоны досягаемости фонарного света. Платформу и людей, сопровождающих её, уже можно было разглядеть.

Через каждые три метра попадались чуть выступающие из стен арочные крепи. Ив перебирался от одной выступающей части к другой, слушал и наблюдал. Они преодолели уже больше половины пути до конца тоннеля. Слов было не разобрать из-за эха, хоть Ив и подобрался довольно близко. Шаги впереди вдруг затихли, свет задрожал, а потом приблизился. Ив попятился и едва успел нырнуть в тень за аркой, когда один из торговцев с фонарем сделал несколько шагов в его направлении. Они слышали его шаги?

Ив затаил дыхание и вжался спиной в стену, надеясь, что старовер не сделает ещё шаг. Мужчина лишь поводит фонарем туда-сюда, постоял немного, приглядываясь, и развернулся. Ив с тихим вздохом выглянул из-за арки.

Платформа не двигалась. Один из мужчин забрался на неё и принялся копать в коробках, другой в это время подошёл к стене. Он отодвинул одну из панелей. За ней оказалась пустота. Торговцы один за другим доставали из коробок оружие и прятали его в стене. Потом приладили панель на место, мужчина с фонарем вновь оглядел тоннель, и платформа плавно тронулась с места.

Ив не стал продолжать слежку. Он увидел все, что хотел.

Щелкнул один замок, потом второй. Дверь с тихим скрипом открылась. Ив зашёл в коридор, стараясь не производить шума, и аккуратно захлопнул дверь. В полутьме стянул респиратор, повесил плащ на крючок. Там уже висело несколько курток, и плащ пришлось прижать, чтобы не соскользнул вниз. Потом снял заляпанные грязью берцы из имитации кожи.

— Брат? Это ты? — раздался слабый голос.

Ив протиснулся по узкому коридору, заваленному всякой всячиной, и открыл дверь. Крохотная комнатка едва вмещала в себя кровать и узкий шкаф, под окном стоял откидной столик и раскладной стул. Эта квартирка на четырнадцатом этаже размером с собачью конуру считалась жильём для среднего класса.

— Привет, Мила.

Сестра счастливо улыбнулась ему. Она сидела на кровати с книжкой в руках, закутанная в одеяло с разноцветными заплатками. Светлые волосы были перехвачены платком, как обручем. Ив задержался взглядом на этом платке, пытаясь понять, откуда сестра его взяла.

— Почему не спишь? Ночь уже.

— Тебя ждала. Ты поздно.

— Знаю. Работа. Зато смотри, что принёс.

Ив достал из кармана три яблока и протянул сестре. Та удивленно округлила глаза, которые и без того казались большими на её худом изможденном лице.

— Они настоящие? Это же большая редкость! — Мила улыбнулась, потянулась за яблоками, потом нахмурилась, отчего тени под глазами стали отчётливее. — Сколько ты заплатил за них?

— Подарок от босса. Бери. — Взгляд Ива снова вернулся к повязке. — Что это? Замерзла что-ли?

Мила потянулась к платку, ощупала его, будто забыла, что он там. Быстро проговорила:

— Нет-нет. Это... сейчас так многие на моем курсе выглядят. Модно, наверно.

— Ладно. Есть будешь?

Кухня была такой же крохотной, как и комната сестры, как и его комната. Но они были довольны и этим. Все лучше, чем то убогое помещение, где прошло их детство. Ив разложил складной стол, похожий на барную стойку для двоих, включил электрический чайник. Благодаря множеству ветряков, натканных в крыши, словно иголки в игольницу, электричество в Огневе стоило дешево.

В ящике с сублимированной едой осталось несколько упаковок. Надписи гласили: рис с овощами, рис с мясом, рис с морепродуктами, злаковая каша, рагу. Ив положил две таблетки риса с морепродуктами в тарелки, залил кипятком. Бурые спрессованные кругляшки начали увеличиваться и на глазах превращаться в еду.

Конечно, от натуральных морепродуктов осталось одно название. Генная инженерия — настоящий прорыв в пищевой индустрии, спасший от голода миллионы жизней при катастрофической нехватке продовольствия. Единственную клетку тысячекратно клонировали и растили, создавая субстанцию, похожую на изначальный продукт. За сбалансированный состав и быстроту приготовления — плюс, за вкусовые качества — минус.

Брат и сестра сели друг напротив друга над дымящимися тарелками с поздним ужином. Мила подула на ложку, поднесла к губам, сморщилась, снова подула. Потом принялась бесцельно возить ложкой по тарелке, то и дело глядя на брата, словно хотела что-то сказать, но никак не решалась. С ней такое часто случалось, и обычно эти неудобные разговоры ни к чему хорошему не приводили.

— Ну что? — буркнул Ив. Эти молчаливые гляделки порядком его выводили.

— Помнишь старые книги, которые ты мне приносил? — робко начала Мила.

— Ага.

— Я сегодня читала, что раньше, до Катастрофы, тоже рождались порченые. Они существовали всегда, хотя их было гораздо меньше, чем сейчас. Они выделялись среди людей, но не отделялись от них. И их уважали. Не все хотели принимать их такими, какие они есть, но в обществе это считалось плохим тоном. Таких детей не усыпляли, а наоборот, у них были особые права. Люди помогали им, пытались вылечить, создавали условия...

— Что за глупости!

— Но почему? Раньше порченые жили вместе с нормальными, почему сейчас все по-другому?

Ив уставился на сестру, чувствуя, как нарастает раздражение. Мила была гораздо младше него и все ещё глядела на мир по-детски.

— Потому что их стало слишком много. Если не избавиться от плохих генов, когда-нибудь все станут мутантами.

— И что в этом плохого?

Ив рассерженно ударил кулаком по столу — это вышло машинально, быстрее, чем можно было обдумать действия — и выпалил, повысив голос:

— Не смей говорить такое вслух! Не смей даже думать об этом! Хочешь, чтобы тебя посадили? Я заберу твои книжки.

Мила испуганно сжалась, её нижняя губа задрожала, глаза наполнились слезами.

— Не надо, пожалуйста! — выдавила девушка между всхлипами.

Ив тут же мысленно разозлился на себя за несдержанность. За пределами дома он считался самым невозмутимым и уравновешенным из оравы работников Тощего, но сестра могла вывести его из себя в два счета. Он тяжело вздохнул, взял Милу за руку и сказал мягко:

— Ты же знаешь политику империи. Либо они, либо мы. И не может быть никакой середины, никаких компромиссов. Я просто волнуюсь за тебя и не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Так что, пожалуйста, никогда и ни с кем не говори на эту тему! У властей множество способов выявлять несогласных с режимом.

— Мне не нравится такая политика! Это несправедливо!

— Справедливости нет. Есть только сильная сторона и слабая. И если мы хотим выжить, нужно быть на стороне сильных.

Девушка поджала бледные губы, выдернула руку из ладони брата и промокнула рукавами слезы. Молча съела чуть больше половины риса, отодвинула тарелку, сказала холодно:

— Спокойной ночи, Истислав, — и ушла.

Ив остался в одиночестве. Звук собственного имени вызвал новую волну раздражения, но второй раз за вечер ругаться с Милой не хотелось. Он проглотил недоеденный сестрой рис, как делал это на протяжении всей жизни, и оттолкнул пустые тарелки на край стола.

Мила с детства не отличалась хорошим здоровьем и большую часть времени проводила

взаперти. Как старший брат, Ив старался беречь её, но, кажется, это сделало её только слабее. В свои семнадцать она не знала настоящей жизни, воспитанная историями из дурацких старых книжек, которые не имели ничего общего с реальностью. Ив думал, что защищает её, отгораживая от всего плохого, но теперь, после этого разговора, усомнился в правильности своих решений.

Он помнил себя в её возрасте и то, что ему приходилось делать ради выживания. Что приходится делать сейчас. Все это — ради сестры. Чтобы ей не пришлось прислуживать в наркоманских притонах, искать объедки в подворотнях и драться с оборванцами за выпавшую из кармана прохожего монету. Чтобы не пришлось отбирать последние крохи у таких же оголодавших и нищих. Ив прошёл через все это давно, когда сам ещё был ребёнком. Воровство, насилие, предательство. Он сдавал скрывающихся порченных властям, чтобы получить пакетик питательной смеси. Думал ли он о том, что это несправедливо: менять чужую жизнь на миску еды? Либо мы, либо они. Вот и все, о чем можно было думать.

Ив убрал со стола посуду, покопался в другом ящике — с сублимированными напитками. Кинул бурую таблетку в стакан и залил холодной водой. Жидкость моментально приобрела янтарный оттенок. Почти виски.

В Огнёве все было с привкусом фальши. Почти рис с почти морепродуктами, почти кофе, почти шоколад. Почти жизнь. Уже несколько поколений современные люди не пробовали ничего настоящего. Катастрофа изменила все. Посевные поля и многоярусные теплицы за городом, которые раньше обеспечивали продуктами население, пришли в упадок. В один момент все просто перестало расти, и никакие удобрения и стимуляторы не давали результатов. Но это только полбеды. Говорят, со временем земля восстановится, а вот что делать с тварями, расплодившимися за стенами, не знал никто. Никто и не пытался узнать. Пока это проблема староверов, а город защищает стена.

Как ни посмотри, Огнев при всех его недостатках был самым безопасным местом. Если соблюдать законы и не позволять себе непозволительных мыслей.

Ив допил виски, который не принёс никакого облегчения, устало провел ладонью по волосам. Придётся ещё раз поговорить с сестрой на эту тему, напомнить, как важно говорить и делать только то, чего от тебя хотят сильные мира сего. Город будет безопасным местом для гражданина, если гражданин будет безопасным для города.

Мила заперлась в ванной, прислонилась спиной к двери и сползла вниз. Руки мелко дрожали, голова раскалывалась, будто изнутри что-то давило на череп. В последнее время боль не отступала ни на минуту, и только таблетки могли ее слегка притупить. Чего не скажешь о страхе, от которого невозможно было избавиться никакими таблетками.

Мила несколько дней подряд пыталась поговорить с братом. Но всякий раз ей каким-то образом удавалось вывести его из себя ещё до того, как она подходила к главной теме. Вот и сегодня так. Но даже если и представлялся подходящий момент, девушка не могла вымолвить ни слова. Она боялась того, что может услышать в ответ.

Миля поднялась с пола и заглянула в маленькое зеркало. Скелет, обтянутый кожей. Такая нескладная, вечно больная. Настоящая слабачка. Она и сама иногда удивлялась, откуда в теле берутся силы хотя бы открыть глаза, не то что вставать по утрам. И все это можно было бы пережить, перетерпеть — в конце концов, за столько лет она успела смириться, что навсегда останется бесполезным едва живым подобием человека. Как вдруг жизнь сделалась гораздо хуже, хотя, казалось бы, хуже уже некуда.

Девушка медленно стянула с головы повязку. Сердце болезненно сжалось, как и всегда, стоило только взглянуть на свое отражение.

Вот они, на месте. Никуда не делись. Два костных бугорка торчали из головы в окружении светлых волос. Пока что совсем крохотные, незаметные. Пока что их ещё можно было спрятать под повязкой.

Мила чувствовала, как они растут. Медленно режут кожу, причиняя постоянную боль. Из-за невыносимого зуда хотелось до крови расчёсывать припухлости вокруг них. Но больше всего хотелось однажды снять повязку и увидеть, что проявление порчи — всего лишь плохой сон.

Говорили, что мутации могут проявиться в любом возрасте. Но она никогда не подумала бы, что это коснется ее лично. Одно дело, читать новости, наблюдать, как Чистильщики волокут кого-то по улице. Печально — да, несправедливо — ещё бы. Можно повздыхать над судьбой мутантов, а на следующий день забыть о них, потому что они незнакомцы, безликие и безымянные числа в демографической сводке, к которым ты не имеешь ни малейшего отношения. И совсем другое дело, проснуться однажды и осознать: все. Жизнь, считай, кончена. Поганые родительские гены решили вдруг проявиться — и гражданин среднего класса с минимальными привилегиями и реалистичными планами на будущее в один миг становится самым презируемым в империи существом, удел которого день и ночь горбатиться на опасных производствах, пока не сдохнет от истощения или болезни.

Мила не могла с этим смириться. Отвращение и ужас боролись за первенство каждый раз, когда она глядела в зеркало. Она и до того была не слишком-то похожа на человека, а теперь и вовсе превращается в тварь.

Быть порченным в Огневе — просто худшее, что может случиться. От этой мысли Миле каждый раз становилось страшно. Так же страшно, как и от предстоящего разговора с братом. Пока еще можно было скрыть от него выросты, но когда-нибудь они превратятся в рога, и спрятать их под повязкой уже не получится.

Брат ненавидит порченных. Все ненавидят, потому что так говорит империя. Но до всех Миле дела не было. Что скажет Ив, как поступит? Очередной ворох проблем помимо тех какие она уже создала брату. Эта порча — эти рога — меняли абсолютно все. Скоро ее обнаружат Чистильщики. Это лишь вопрос времени.

У нее больше нет будущего. Только бы не утащить брата за собой.

— Никому нельзя доверять, — картинно вздохнул Тощий. — Сколько же раз я в этом убеждался.

Они стояли в толпе, шумной, возбужденной, смердящей парфюмом и потом. Здесь собрались сливки Огнева. Разодетые в костюмы из натуральных материалов неприлично богатые ублюдки, просто богатые, в синтетических рубашках нараспашку, и телохранители ублюдков, одетые одинаково и неброско. Телочки в глянцевах платьях или облегающих костюмах, в основном слишком молодые, чтобы быть жёнами богатых ублюдков. В тусклом свете, сосредоточенном в центре зала, блестели десятки глаз, капли пота на разгоряченных лицах. Блестела металлическая сетка и кровь. Шлак не мог оторвать от неё взгляда.

— Люди всегда подводят, — продолжал Тощий. Его вкрадчивый голос тонул среди многих других. — Что бы ты ни делал, как бы ни старался, на какие бы уступки ни шёл, им все мало. Они не умеют ценить то, что имеют. Каждый думает, что именно он заслуживает большего. Что он особенный. Что лишь он и важен, его жизнь, его действия, его мнение.

Шлак уже давно потерял нить разговора, поглощенный красным пятном и теми ощущениями, которые оно вызывало. Ив ещё делал вид, что слушает театрально-длинный монолог босса. В другое время в другом месте слушал бы и Шлак, но сейчас мысли занимал только ринг.

— Доверие... оно постоянно выходит боком.

Было непохоже, чтобы теневой барон хоть кому-то доверял. Новости о тайных делишках староверов не удивили его и не огорчили. Казалось, он готов был к чему-то подобному, и только вопрос времени, когда торговцы замыслият занять больше, чем им предлагают.

— Они говорили о чем-то там, в тоннеле?

— Говорили слишком тихо. Не было слышно, — отозвался Ив.

— Конечно. Я могу представить, что планируют провернуть торговцы. Воображают себя защитниками угнетенных? Пусть. Мы будем готовы к любому их шагу.

— Размозжить бошки этим ублюдкам — и дело с концом... — пробормотал Шлак, облизнув губы.

— Было бы приятно на это посмотреть, но увы, — уголком рта усмехнулся Тощий. — Неизвестно, как скоро найдутся такие же отчаянные и не слишком верные убеждениям староверы, готовые обеспечивать нас товаром. Может, вообще не найдутся. А ведь на торговле с ними держится почти половина моего бизнеса.

— Но не спускать же это с рук?

— Нет, конечно. Нужно преподать им урок. У нас ещё будет время подумать над этим, а пока я хочу, чтобы ты, Истислав, прошёлся по записям и выяснил имена всех порченных, которые принимали поставки.

— Сделаю, — буркнул хмурый парнишка, и Тощий удовлетворенно кивнул.

На квадратной площадке в центре помещения, огороженной со всех сторон сеткой, наконец началось движение. Толпа загудела сильнее в предвкушении того, зачем все сюда явились. Букмекер кричал:

— Делайте ваши ставки! Последний шанс! Неряха Джо против Большерукого! Победа или поражение!

Шлак жадно всматривался в угол арены. Дверь на площадку открылась, и на свет вышел первый участник. Его кожа была похожа на фарш, красная и рыхлая, будто в теле порченого вылупились личинки насекомых и прогрызли себе путь наружу. Настоящий урод. Он вышел в центр, издал гортанный рык и поднял кулаки, приветствуя толпу. Кожа его прикрытого одними штанами тела при этом мерзко колыхнулась. Богатые ублюдки с восторгом заревели в ответ.

Следом показался второй участник. У этого ладони были в два раза крупнее обычного и смотрелись как боксёрские перчатки. Когда порченный поднял их к свету, Шлак заметил несколько лишних пальцев. Бицепсы тоже выглядели внушительно. Зрители закричали повторно.

Когда два урода принялись медленно кружить по площадке, сверля друг друга злобными взглядами, Шлак затаил дыхание. Сладостное предвкушение разошлось по телу, словно нестерпимый зуд. Губы сами собой растянулись в оскале.

Наконец мутанты прекратили выпендриваться и сошлись. Большерукий первым нанёс удар. Его огромный кулак впечатался в рыхлую морду. Голова Джо откинулась, изо рта брызнула слюна и первая кровь.

Шлак сжал кулаки и с азартом зарычал. От низа живота волной начало подниматься знакомое возбуждение. Больше всего в этот момент он хотел оказаться там, на арене, хотел сам наносить удары под оглушительные крики толпы. Хотел чувствовать под своими кулаками чужие кости, ощущать вкус крови на языке. Но все, что он мог сейчас, это жадно следить, как двое порченных лупят друг друга. Ловить среди чужих голосов крики боли и хруст ломающихся костей. Все остальное перестало существовать, была только кровь.

Насилие казалось высшим проявлением жизни. По-настоящему живым можно почувствовать себя только в шаге от смерти. Когда противник, готовый тебя убить, смотрит в глаза, когда он наносит удар, мир становится ярче. Когда бьёшь сам, когда видишь боль на лице противника, его страх — чувствуешь превосходство. Возбуждение. И упоение.

Порченные с рычанием избивали друг друга. Так самозабвенно. Для них в этот момент тоже никого не существовало.

У Неряхи заплыл глаз, кровь из свернутого на сторону носа текла по подбородку. Большерукий тоже плевался кровью. Как жаль, что участникам не дают хотя бы маленького ножичка: представлению не повредит чуть больше красок.

Рукастый урод врезал Джо под ребра, кулак впечатался глубоко в дряблую кожу живота. Противник согнулся, попытался перехватить второй кулак. Следующий удар пришелся в то же место, потом ещё один. Под огромными кулаками сминались органы и трескались ребра. Джо отшатнулся, ударился спиной о сетку, повалился на колени и сблевал. Большерукий обернулся к толпе с приветственно поднятой ладонью. Как только противник отвел взгляд, Неряха заехал ему под колено и повалил на пол, навалился сверху жирным фаршеподобным телом. Отогнул широкое запястье и надавил. Захрустели кости, треснула кожа, когда вывернутая ладонь прижалась к собственному предплечью. Из глотки Большерукого вылетел полный ярости и боли рык.

Шлак затаил дыхание. Его сердце разогналось так быстро, что, казалось, готово проломить ребра изнутри. В штанах вдруг стало тесно. Ничто в этот момент его не интересовало, кроме последних минут боя. Медленные, но яростные и отчаянные удары усталых противников, их тяжелое сопение, ненависть и страх в их глазах — вот это и есть мгновения настоящей жизни. Один из них умрёт сегодня. Но только под страхом смерти

раскрывается истинная суть живого существа.

Большерукий извивался под тушей Джо как змея, загребал ногами и пытался высвободить руку. Он умудрился ухватить Джо за отвисшую кожу, впился в неё ногтями. Неряха взвыл, когда по его боку потекла кровь, отвёл назад голову противника и грохнул его подбородком о бетонный пол. Затрещали смятые внутрь черепа кости. Джо поднял его голову снова — и с силой опустил. Красные брызги разлетелись по бетону во все стороны. Огромная ладонь безвольно шлепнулась на пол. Джо снова впечатал голову противника в бетон, поднялся, покачиваясь от усталости и напряжения, и обернулся к зрителям. Те откликнулись восторженными овациями.

Потом, когда победителя увели с арены, двое работников перевернули Большерукого на спину, являя всем кровавое месиво из плоти, костей и зубов, которое осталось на месте его лица. Взялись за ноги и потащили прочь, на утилизацию. Шлак жадно проследил за блестящей алой дорожкой до закрытой двери.

Только спустя время он понял, что к нему обращаются. Голос босса долетел как бы издалека, едва слышный за шумом крови в ушах.

— Вижу, тебе понравилось, мальчик мой?

Четырехрукий только оскалился шире и украдкой запахнул плащ.

— Знаю, знаю. Ты скучаешь по этому: по своим победам, по славе, по толпе, кричащей твоё имя... Наслаждайся представлением, но не забывай о своих основных обязанностях.

Тощий взял их сюда в качестве телохранителей. Странно, что ему вообще требовалась охрана, ведь он и сам мог себя прекрасно защитить. Его тело было напихано всевозможными имперскими приблудами похлеще, чем у любого из его работников. Кое-кто вообще сомневался, что Тощий человек. Конечно, такое могущество не могло не обрасти слухами, но слухи эти Тощий никак не подтверждал. Охрану он брал скорее для порядка, ну или для того, чтобы не делать всю работу самому, если вдруг что-то случится.

Местечко это вроде бы считалось безопасным: куча местной охраны и личной, которой собралось тут больше, чем самих богатых ублюдков. Закрытое представление только для верхов, где дерутся самые известные, самые остервенелые и уродливые. Шлак лучше всех понимал, что привлекает людей в боях до смерти. И если бы во время боя кто-то вздумал напасть на Тощего, Шлак вряд ли обратил бы на это внимание. Босс прекрасно знал это, когда выбирал себе сопровождающих. Значит, от них ему нужно что-то другое.

Сквозь толпу к ним протиснулась смазливая телочка с напитками на подносе. Она с улыбкой подала бокал Тощему, а когда подняла взгляд на Шлака, вздрогнула и едва не споткнулась. Порченный усмехнулся. Ему это нравилось.

Букмекер выкрикнул над толпой:

— Делайте ваши ставки! Следующий бой: Серафим против Черта!

— О, вот это будет интересно, — проговорил Тощий, пригубив напиток. — Слышали про чертей?

Ив и Шлак мельком переглянулись и одновременно пожали плечами.

— Так называется злобный дух у староверов. Мифический порченный с рогами, хвостом и копытами вместо ног. Вот было бы забавно посмотреть на реакцию наших торговцев при виде ожившего зла из их детских сказок! Они отнеслись бы к нему как к остальным или закололи на месте?

— Ни разу не видел порченных с копытами, — вскинул брови Шлак.

— Ну, этот-то Черт без копыт.

— Вот отстой.

На подсвеченный островок из бетона и металлической сетки вывели первого мутанта, того самого, зло истинноверцев во плоти. Из косматой башки у него торчали небольшие прямые рога, специально заточенные, хотя и сложно было представить, как он собирается использовать их в бою. Подобные рогам выросты были и на его руках, и на спине: острые шипики величиной с фалангу пальца. Наверно, они могли бы даже проткнуть кожу. У этого бойца имелось явное преимущество. Каков же окажется его противник?

Толпа шумела и хлопала, пока Чёрт красовался бицухой и прореженными зубами, делая вид, что восторженные возгласы предназначены ему. На деле же все эти люди приветствовали не его, а только то, что он сможет показать. Азарт, жажда насилия. Кусочек настоящей жизни, для которой они слишком трусливы. Им было плевать, кто победит. Порченые — лишь более крупный вариант крысы на крысиных боях.

Когда в свете ламп оказался следующий участник, Шлак помимо воли подался вперёд, отпихнув локтями какого-то простофилю. Губы растянулись в оскале, а внутри разгорелась еле сдерживаемая ненависть с примесью восторга.

Три пары одинаково мощных рук, и ни одной искусственной. Уже за это Шлаку захотелось немедленно наброситься на порченого, переломать ему все кости и выдавить глаза. Но пока он по эту сторону сетки, остаётся только наблюдать, как бесстрастно Серафим разводит в стороны руки, словно паук, и как на лице его противника проступает тревога.

— Кстати, — заговорил Тощий, и Шлаку больших усилий стоило уделить тому чуточку внимания, — помните нашего должника, хозяина бара — как там его, Али, Арен, не суть, — который готовит отвратительный шнапс? Люди, которых я поставил приглядывать за ним, сообщили, что он не открыл бар сегодня утром.

— Сбежал или повесился, — предположил Ив.

— Возможно. Разыщите его. Если он не грабит сейчас кого-то, чтобы вернуть мне долг — что маловероятно, — разберитесь с ним.

Ив оживился, будто поимка какого-то старого самогонщика была гораздо интересней, чем то, что происходило на ринге:

— Приступить немедленно?

Шлак кинул на босса взгляд, выражающий все его отчаянное желание увидеть бой. Тот усмехнулся в ответ.

— Далеко не убежит. Наслаждайтесь представлением. Не зря же я вас сюда привёл.

Мутант коротко кивнул и обернулся к арене. Настроение было подпорчено. Тощий любил свою власть и не упускал случая напомнить о ней. Хитрый ублюдок специально подгадывал время, когда меньше всего ожидаешь подвоха, потом показывал, что может отобрать конфетку в любой момент, и что только благодаря его необычайной доброте ты не носишься по городу с горячей жопой. Шлак давно привык к тому, что останется шестеркой до конца жизни, и напоминания обычно не выводили его. Но если бы босс и правда решил отослать их сейчас, он нажил бы себе очередного врага.

Впереди за сеткой брызнули на бетон первые ярко-красные капли, и это заставило Шлака ментально забыть обо всем прочем. Порченный с рогами старался наносить удары не кулаками, а локтями, чтобы шипы задевали кожу противника. Шестирукому удавалось уворачиваться и одновременно бить в ответ. Кровь текла по одной из его рук, в то время как Черту уже знатно досталось по морде. Наверно, каждый противник бил его в челюсть,

потому что только там шипов и не было.

Серафим схватил Черта за руку и отвел её в сторону. Из порезов на пальцах обеих рук тут же потекла кровь. Рогатый ударил свободной рукой, но Серафим перехватил и её. Двумя оставшимися свободными руками принялся колотить по ребрам и животу, удерживая противника перед собой. Черт сумел выдернуть руку, капли крови с его шипов полетели в толпу, а Серафим сжал в кулак распоротую ладонь. Черт извернулся к нему спиной и попятился вместе с противником, пока они не ударились о сетку. Спинные шипы вошли в грудь и живот Серафима. Кожа поддалась, потекла кровь. Черт навалился сильнее. Но его шипы были недостаточно длинными, чтобы повредить органы. Серафим снова обездвижил вторую руку противника, свободными нащупал челюсть, сунул пальцы в зубы и потянул в разные стороны. Щеки треснули, рогатый закричал. Серафим с силой дёрнул вниз, послышался хруст, зрители взорвались в экстазе.

Шестирукий отпихнул от себя противника, тот упал на колени, с вывихнутой челюстью и красным от крови языком, но все ещё живой. Ударом сзади Серафим уложил Черта, потом склонился над ним и обрушился градом всех своих кулаков. Он бил по спине и ребрам, пока не проломил их, а тело рогатого вздрагивало и извивалось под его руками, будто внутри ещё оставалась жизнь.

Серафим распрямился, оглядел толпу. Он тяжело дышал, пот блестел в свете ламп на выбритой голове и подтянутом теле. Лицо было спокойное и немного хмурое, будто все происходящее ему до чёртиков надоело. Шлаку нестерпимо захотелось заглянуть в его лицо, когда тот будет кричать от боли.

— Невероятно. Какой эффектный финал.

Тощий с легкой полуулыбкой наблюдал, как работники выносят труп порченого с арены. Ив наблюдал скучающе. Похоже, он просто не умел развлекаться.

— Черт оказался не таким уж грозным противником. Зато Серафим отлично владеет телом. Заметили, что он не проронил ни звука во время боя? Говорят, он немой.

Шлак обернулся к боссу и с нескрываемым разочарованием протянул:

— Это что получается, он даже кричать не может?

Тощий оторвался от арены и взглянул прямо на него. Синие глаза заблестели, морщины вокруг тонкого рта сложились в заговорщическую улыбку.

— Хочешь узнать это на собственном опыте?

Порченный непонимающе уставился на босса, пытаясь определить, шутит он или нет. Но Тощий никогда не слыл человеком, любящим пошутить.

— Бой? — недоверчиво выдохнул громила. От босса можно было ожидать чего угодно. — Реально?

Теневой барон ответил легким кивком. Пилоподобные зубы Шлака показались из-под перечеркнутых шрамом губ. Сердце забило быстрее в радостном предвкушении. А в голове в очередной раз укрепилась мысль, что ему очень повезло найти свое место в этом мире. Место рядом с боссом.

Бар на замусоренной и пыльной нижней улице оказался закрыт. Шлак несколько раз несильно ударил ботинком в дверь. Никакого эффекта.

— Сбежал, — констатировал он.

— Ага, — кивнул Ив.

— Заныкался где-то. Решил переждать пару недель.

— Ага.

— Надо было сразу валить его. А теперь что? Ни денег, ни засранца.

— Не волнуйся, Тощий заберёт его бар и все имущество в уплату долга.

— А самого его где искать? — Шлак ещё раз пнул закрытую дверь.

— Начнём с квартиры.

Коллекторы переглянулись, и Шлак с каким-то нездоровым рвением тут же полез за пушкой. Ему только волю дай. Ив придержал его:

— Ни к чему нам лишний шум. Забыл, что даже работникам Тощего запрещено носить оружие в городе?

Шлак сделал кислую мину и сунул пистолет обратно в кобуру под плащом.

— Какой же ты скучный.

— Я просто не хочу, чтобы меня загребли за компанию с тобой в исправительный центр. И так проблем хватает.

— Говорю ж: зануда.

Ив достал из кармана отмычки, опустился на колени перед дверью бара и принялся за работу. В этом районе можно было не оглядываться украдкой через плечо, высматривая в вечерних сумерках случайного свидетеля: всем плевать. Скоро замок щелкнул, ржавые петли жалобно скрипнули и дверь приоткрылась. Если на улице темноту хоть как-то разгоняли редкие подбитые фонари и горящие окна, то внутри бара оказалось темно по-настоящему. Владелец (Али, Арэн, никто так и не вспомнил его имени) закрыл окна ставнями изнутри — обычная практика, чтобы незваные гости не влезли в бар в отсутствие хозяина. Что ж, кто хочет, тот найдёт способ.

Хозяйская квартирка располагалась прямо над баром, на втором этаже. Ив выудил из кармана фонарик и остановился у входа, обводя лучом помещение. Бар казался чистым и прибранным, все на своих местах, стаканы вымыты, стулья подняты ножками кверху, будто владелец всего лишь отлучился на ночь, чтобы днем снова открыть его двери. Видно, слишком любил старик свою работу, что даже в такой ситуации не пренебрег ежедневной рутиной, которая уже давным-давно стала частью его жизни.

Шлак с обычным пренебрежением к правилам безопасности не стал дожидаться, пока его напарник осмотрит все тёмные углы, и направился напрямик к проходу в подсобку. Его тяжёлые шаги казались слишком громкими в непривычно пустом баре. Ладонью он выбил поднимающийся кусок стойки, тот резко откинулся и оглушительно грохнул о столешницу. Так что если кто-то прятался наверху и не знал до сих пор об их присутствии, этот звук послужил ему отличным сигналом.

Ив поглядел на напарника укоризненно. Его всегда раздражало это отсутствие осторожности, которое из раза в раз демонстрировал громила. Шлаку или плевать на свою

жизнь, или у него поехала крыша и он стал считать себя непобедимым, когда выиграл сколько-то десятков боев подряд. Так или иначе, если бы четырехрукий работал один, Ив ему и слова бы не сказал, но раз уж они вынуждены работать вместе, они стали в некотором смысле зависеть друг от друга.

— Давай, предупреди всю округу, что мы тут копаемся, — хмуро бросил он в спину товарищу. Респиратор заглушал голос, но Шлак все же услышал. Он обернулся через плечо с беззаботным оскалом на лице.

— Ну если и услышит пара соседей, что они нам сделают? Нападут с палкой от метлы в руках? Вызовут полицию? На этот район всем насрать.

— Когда-нибудь твоя неосторожность поставит нас обоих в нехорошую ситуацию.

— Только ради этого и живу, — усмехнулся Шлак и пинком выбил дверь в подсобку.

В лицо тут же ударил едкий запах забродившего картофеля, которому респиратор отнюдь не был помехой. Ив походил фонариком вдоль стен: никого, только пустые ящики, ряды бутылок с алкоголем на стеллажах да всякая мелочь. Смерд поднимался от больших канистр, задвинутых в дальний угол. То ли недоготовленный, то ли уже испорченный так называемый шнапс.

— О, бухло, — прокомментировал Шлак, едва увидев стеллажи с запасами хозяина.

Разумеется, ни о каком осмотре помещения речи не шло: громила тут же свернул в сторону заветной жидкости. Плевать он хотел на правила безопасности и все остальное. Через секунду он уже глотал шнапс, будто это простая вода, а не обжигающий внутренности напиток со вкусом гнили.

Ив оставил товарища позади и прошёл к дальней стене комнаты, где располагалась узкая шаткая лесенка на второй этаж. Ржавые металлические ступени скрипели и проседали при каждом шаге. Ив толкнул плечом дверь в квартиру — та оказалась заперта. И снова на выручку пришли отмычки.

Квартира оказалась такой же аккуратной, как и сам бар, даже аскетичной. Раза в два больше, чем та конура, где ютились Ив и Мила. Минимум вещей, голые стены. О том, что здесь вообще кто-то жил, говорила только смятая постель и одинокая куртка на крючке. Ив прошёлся по комнате, осветил углы, хотя и так было понятно, что никто не прячется в тених. Случайно задел ногой бутылку, та покатила по голому бетонному полу и звякнула о другую. Целая россыпь пустых бутылок валялась под столом — единственное, что выбивалось из идеального порядка квартиры старика. Наверно, с горя решил напиться накануне побега.

За спиной вдруг что-то скрипнуло, Ив резко обернулся, сжал руку в кулак и выдвинул клинок. В свете его фонарика Шлак заслонил рукой глаза.

— Светишь, — проворчал громила. Ив опустил луч в пол и выдохнул. — Чего ты такой напряжённый, а? Боишься, что старикан из шкафа вылезет?

Ив загнал клинок обратно в протез и отвернулся.

— Отчаяние толкает людей на безрассудные поступки. Он вполне мог попытаться убить нас.

— Сдаётся, ты пытаешься втолковать мне мудрость, приобретенную на собственном опыте? Бесплезная трата времени, дружище. — Порченный допил последние капли шнапса и швырнул бутылку в кучу к остальным. Грохот, с которыми те ударились друг о друга и покатались по полу в разные стороны, казалось, мог бы разбудить всех ближайших соседей. — Может, тебе и кажется, что вот тут, — он постучал пальцем по черепушке, —

совсем пусто, однако и у меня бывают собственные, вполне себе умные мысли.

— Невероятно. Какие, например?

— Например, если бы кто-нибудь спросил моего мнения, стоит ли давать должникам время собрать деньги, и при этом надеяться, что они реально смогут за два дня собрать то, что не смогли за месяц... — Шлак сделал паузу то ли для пущего эффекта, то ли потому, что длинные фразы давались ему с трудом, — то я бы сказал, что это плохая идея. Основываясь на жизненном опыте, так сказать.

— Что, серьёзно? — съязвил Ив. Поискал глазами, где бы сесть, и, не найдя ничего лучше, плюхнулся на кровать.

Шлак, как обычно, даже бровью не повел.

— Но нам платят не за то, чтобы мы делились каким-то там паршивым мнением. Так что я лично предпочитаю помалкивать.

— Золотые слова, — проговорил Ив, глядя в свой портативный планшет. — Ты прям открываешься с новой стороны.

— Чего?

— Я думал, тебя все устраивает.

Шлак поскреб щетину на массивном подбородке.

— Если мне нравится работать на босса, это не значит, что я согласен с каждым его решением. Это значит, что мне плевать, укокошим мы старика быстро или будем неделю гоняться за ним по всему городу. Работа есть работа.

Ив ещё немного потыкал в планшет, потом кинул его в карман и поднялся.

— Ну, неделю гоняться мы точно не будем. Я отследил его по камерам.

Шлак растянулся в довольной ухмылке:

— Имперские технологии, мать их!

Старик оказался достаточно глуп и решил, что от преследователей лучше всего скрыться в многолюдном центре, где круглые сутки кипит жизнь. Возможно, он рассчитывал, что коллекторы не станут работать при свидетелях, или же надеялся, что среди всех этих людей найдётся кто-то, готовый встать на защиту свояка.

— В последний раз видел его заходящим в "Бар на Перекрестке", — Ив указал на неоновую вывеску над окнами второго этажа.

Буквы расплывались за облаком смога. Мигающие разноцветные фонарики, цветной свет из окон бара, фонари, которых в районе Перекрёстка было больше, чем везде, — все казалось тусклым, расплывчатым. Пар поднимался из-под земли, дымили многочисленные трубы. Стоит пару месяцев подышать этим воздухом без респиратора — лёгкие станут похожи на протухший фарш.

— Скучно, — проворчал Шлак. — Он что, просто сидит там и ждёт нас?

Ив преградил ему путь и хмуро заглянул в глаза:

— Давай только без глупостей и лишнего шума, ладно?

— Ты что, моя мамочка? — Громила отодвинул его с дороги и прибавил шагу. Ив закатил глаза: разумеется, можно было и не пытаться.

Из каждого заведения летела музыка, люди стояли тут и там, сидели на голом бетоне, а то и валялись в отключке с вывернутыми карманами в луже собственной блевотины. Сюда приходили отдохнуть после изнурительной дневной работы, и способов снять напряжение было на любой вкус. Выпивка — чтобы жизнь перестала казаться полнейшим дерьмом, курительные смеси различной степени воздействия — чтобы освободить голову, и девочки

— чтобы снять напряжение.

Разговоры прекращались, как только в поле зрения появлялся Шлак. Ив каждый раз гадал, что заставляет людей прятаться от порченого за закрытыми дверями: боязнь оказаться рядом, если вдруг нагрянут Чистильщики, или опасения, что тот может внезапно на кого-то кинуться, точно бешеный зверь?

— Тощий крышует "Бар" через третьи руки, но я слышал, что его парням тут не сильно рады.

— А где нам рады? В крематории? — Шлак раскатисто засмеялся собственной шутке. От его голоса вздрогнули прохожие в радиусе пяти метров и почти все поспешили отойти подальше.

— Вот же урод, — раздалось за спиной так тихо, что можно было бы и проигнорировать, но Шлак обернулся.

Пьяная компашка тут же затихла, но все тот же парень, расхрабрившись, выплюнул заплетающимся языком уже чуть громче:

— Гребаный порч, вали отсюда! — Наверно, по пьяни он не разглядел двух дополнительных рук, которые Шлак обычно прятал под плащом, и принял его за жирдяя.

Шлак спокойно придвинулся к нему и без предупреждения врезал двумя правыми кулаками сразу, в челюсть и в живот. Парень наткнулся спиной на стену и сполз вниз.

— Ха, нокаут!

Шлак обернулся к остальным, те медленно попятились. С широкой ухмылкой громила выхватил у одного из них полупустую бутылку, отчего тот вжал голову в плечи, но Шлак лишь отпихнул его с дороги и присосался к горлышку.

— О, неплохо, — протянул бутылку Иву, но тот покачал головой. — На обратном пути надо будет раздобыть ещё.

"Бар на Перекрестке" занимал два этажа, его окна вопреки всем законам города не были заколочены, а наоборот даже немного увеличены. На второй этаж вела металлическая наружная лестница, на ступенях которой умиротворенно покуривали поддатые мужики. Популярное местечко, за сохранностью которого следили круглосуточно вышибалы, размерами слегка уступающие Шлаку. Посетители наверняка знали друг друга в лицо. Это было их маленькое сообщество. Когда изо дня в день ходишь в одно и то же место, болтаешь с одними и теми же людьми, они невольно становятся не просто какими-то случайными незнакомцами. И если должник вдруг окажется одним из постоянников, это, возможно, создаст некоторые проблемы при задержании.

Обдумав все возможности как следует, Ив предложил самый разумный на его взгляд план:

— Ты жди здесь, а я найду старика и выведу.

Шлак поглядел через мутные стекла на переполненный бар с кучей пьяных веселящихся, прищурился. Потом достал самокрутку и сунул в зубы.

— Ладно.

Все же громила не был тупым.

Внутри оказалось душно, густо пахло потом и спиртом, а из-за громкой музыки и десятков голосов закладывало уши. Ив бегло осмотрел сидящих на диванчиках на первом этаже, по внутренней лестнице поднялся на второй. Должник сидел там в компании таких же немолодых мужчин и грустно прихлебывал из своего стакана, в то время как приятели вели оживленную беседу.

Старик напрягся и побледнел, когда Ив навис над ним с угрожающим выражением.

— Пойдем поболтаем.

Остальные с удивлением и неприкрытой враждебностью уставились на него. Старик словно язык проглотил. Взгляд его округлившихся глаз метался по бару то ли в поисках спасения, то ли в ожидании второго коллектора.

— Он никуда не пойдёт, — решил вступить один из приятелей. — Че те надо вообще?

— Он задолжал мне много денег. Может, кто-то из вас хочет за него заплатить?

Трое заткнулись и притихли, и пока в их пьяные головы не пришло что-то ещё, Ив схватил должника за шиворот и грубо поставил на ноги. Тот все ещё молчал и вырваться не пытался, а на лице застыло выражение полнейшей безысходности. Похоже, старик смирился со своей участью и пришёл на Перекресток не чтобы спрятаться, а чтобы пожить напоследок.

Ив поволок его к выходу на внешнюю лестницу, держа за ворот, чтобы даже не думал пытаться сбежать. Шаткая конструкция загрохотала под ногами. Сидящие на ступенях едва успевали убирать конечности с их пути. Один нерасторопный курильщик развалился на весь проход, и Ив с раздражением пнул его ногой. Тот со стоном и проклятиями покатился вниз — показушник, падать всего-то три ступени.

Шлак встретил их широким недобрим оскалом.

— Ну, дело сделано?

— Типа того. Давай уберемся уже отсюда.

При виде четырехрукого у старика подкосились ноги, он сделал слабую попытку отпрянуть назад, когда тот горой навис над ним. Коллекторы подхватили его под руки с обеих сторон и неумолимо потащили прочь от оживленного Перекрёстка в полутьму подворотен и пустых улиц. В конце концов он сдался, практически повис на чужих руках и даже не пытался звать на помощь.

Когда они уже отошли на приличное расстояние от толпы, где света фонарей едва хватало, чтобы не споткнуться о какую-нибудь выбоину в раскрошенном бетоне, позади раздалось самоуверенное:

— Э, урод!

Из тёмного тупика вышел парень с расквашенным носом, тот самый, который полчаса назад нарвался на взбучку от Шлака. На вытянутой руке он держал энергетический пистолет — светлячок.

Прежде чем Шлак успел потянуться к оружию, парень выстрелил в него. Вспышка на миг осветила округу, потом громила затрясся от разряда и осел на дорогу. От светлячков редко кто умирает с первого выстрела.

Парень самодовольно оскалился, демонстрируя покрасневшие обломанные зубы:

— Думаешь, ты такой крутой, а?

Ив с силой толкнул старика на парня с оружием, прежде чем тот выстрелит снова. Разряд сверкнул и ушёл в сторону, сбитый с прицела. Парень отпихнул старика, тот повалился на колени. Ив за долю секунды подскочил к стрелку вплотную, перехватил руку с оружием и сжал. Парень вцепился в него свободной рукой, Ив сжал сильнее. Сдавил запястье с такой силой, на какую способен только механический протез. Кости хрустнули, осколки прорвали кожу, парень взвыл, светлячок выпал из обмякшей ладони. Удар коленом в пах заставил его взвыть повторно. Ив оставил парня корчиться на бетоне и обернулся к товарищу.

— Жив?

Шлак ещё не до конца пришёл в себя, он вертел головой и потирал ушибленную грудь. Поднял взгляд на Ива, а потом за его спину. Прокряхтел:

— Старикан!

Ив живо обернулся, ругая себя за невнимательность. Старик подобрал выпавшее из чужих рук оружие, повертел его в руках. Кинул на Ива полный страха и безнадёги взгляд и выстрелил себе в голову.

— Ну дает, — проскрипел Шлак, медленно приблизившись к товарищу. Потом он заметил стоящего на коленях стрелка, зарядил ему ботинком под подбородок так, что голова парня откинулась и глухо ударилась затылком о бетон. Пнул тело старика. Тот не подавал признаков жизни. — Босс не обрадуется.

— Какая разница? Дело сделано.

Ив вытер кровь с ладони о край плаща, достал планшет, чтобы сделать несколько фотографий мёртвого старика для отчёта. Шлак с каким-то странным выражением поглядел на товарища, потом расплылся в улыбке:

— Да ты, оказывается, не такой уж и говнюк!

Ив поморщился.

— Вот не надо этого.

Но Шлак все равно не заткнулся:

— Мог бы запросто поглядеть в сторонке, как ублюдок прикончит меня. Как ты там сегодня говорил: открываешься с новой стороны?

— Помолчи хоть минуту, а?

— Ладно, ладно. Но за это надо выпить.

Работники Тощего называли его обиталище базой. Несколько подвальных уровней, расположенные на окраине города недалеко от стены, служили теневому барону не только жилищем. На базе хранилось оружие и товары староверов, здесь же заключались сделки, товары сортировали и отправляли заказчикам. Отдельные помещения были отведены для постоянной охраны. Под боком также имелся собственный кабинет трансплантации и протезирования. Помещения базы напрямую соединялись проходом с казармами порченных. И, наконец, с нижних уровней по тоннелю можно было попасть за стену.

На базе всегда было много народа. Убийцы, коллекторы, шпионы, посыльные — все те, кого сам Тощий называл просто работниками — приходили получить задание или отчитаться. Иногда просто проводили тут свободное время и обменивались новостями с коллегами. Для этого Тощий даже выделил отдельную комнату с диванами у стен и низкими столиками.

Шлак толкнул дверь ногой — не сильно, но она все же с хлопком ударилась о стену. Все присутствующие с интересом обернулись. При виде громилы на одних лицах промелькнул страх, а на других презрение или даже брезгливость. Многие были не в восторге оттого, что порченный ходит среди них будто равный. Шлак отвечал всем одинаково — своей обычной полубезумной широкой улыбкой.

Ив зашёл следом и тихо прикрыл за собой дверь. На базе повсюду стояли воздухоочистители и рециркуляторы, так что респиратор он оставил болтаться на шее. Они развалились на свободном диване в ожидании, когда босс освободится, чтобы доложить ему о только что завершённом деле.

— Иногда удивляюсь, — тихо сказал Ив, — почему ты не кидаешься бить морды за каждый косой взгляд. Ты ведь вполне на это способен.

— Рад, что ты все ещё считаешь меня тупым мордоворотом, — усмехнулся Шлак. — Но я-то могу отличить, когда не стоит обращать внимание на идиотов, а когда, наоборот, можно их отпинать.

— Типа как сегодня?

— Ага. К тому же, босс не очень любит, когда его люди выясняют отношения на базе.

— Тебя только это и спасает, здоровяк, — раздался рядом насмешливый голос, заставив обоих обернуться.

— Снова бесцеремонно влезаешь в чужие разговоры, — сухо констатировал Ив. — Тебя вообще-то не звали, Арахна.

— А ты как обычно приветлив.

Женщина опустила в кресло напротив и натянула на лицо официальную улыбку. У нее были светлые прямые волосы, стянутые в высокий хвост, подкрашенные блестящими тенями глаза и длинные ухоженные ногти. О том, что она работает на Тощего, говорили только парные пистолеты, прикрепленные к португее на поясе, и механические ноги, которые она никогда не прятала под одеждой. Вот и теперь металл блестел в свете ламп в прорезях облегающего темно-синего плаща.

— Паучиха только болтать и умеет, — фыркнул Шлак. Ив знал, что его товарища недолюбливают многие, но почему-то именно Арахна цеплялась к нему при каждой встрече.

Тут явно было замешано дело, которое они когда-то не поделили.

— Умение разговаривать бывает весьма полезным, в отличие от твоих скромных навыков шипеть и скалиться.

Улыбка громилы стала только шире: действительно, его не так просто вывести из себя, если только он сам этого не позволит.

— Кажется, ты перепутала меня со своей подружкой, — Шлак кивнул на стоящую рядом с креслом девушку.

Все звали ее Жесть. Она казалась полной противоположностью Арахны: с первого взгляда сложно было понять, парень это или девушка. Наголо обритая голова, прямой жёсткий взгляд. В носу у нее болталось кольцо, от которого шла цепочка к уху. Она носила короткую куртку и свободные штаны, в руке держала, положив на плечо, деревянную палку с торчащими на одном конце гвоздями. Ив никогда не понимал смысла такого оружия: если уж убивать, то быстро, а такой штукой придется нанести с десятков ударов, чтобы добиться ожидаемого результата.

— Что, снова пожертвовала все свои волосы Паучихе? — рассмеялся Шлак. Девушка никак не отреагировала. Она молча глядела на него немигающим взглядом, от которого людям впечатлительным зачастую становилось плохо. Но четырехрукий был не из таких. — Вот жесть, — обернулся он к Иву, — она умеет сверлить не хуже тебя!

Арахна изогнула тонкую бровь и разочарованно протянула:

— Из года в год одни и те же шуточки. Посиди в сторонке, здоровяк, дай поговорить с нормальным человеком. — Она повернула голову к Иву.

Официальная улыбка не выражала ровным счетом ничего. Ив никогда не мог понять, разговаривает она с ним из интереса, от скуки или потому, что это ее работа. Они с Арахной и Жестью были знакомы много лет — поверхностно, как и с остальными шавками Тощего. Иногда пересекались на базе, иногда в городе, но работать вместе не приходилось. Арахна не выбивала долги, она искала предателей.

— Слышала про староверов, — сказала она.

— И?

— И не удивлена.

— Никто не удивлен.

— Да ладно, я не про их безумный план, а про то, что босс хочет поручить разобраться с ними именно тебе. — Она бросила презрительный взгляд на Шлака и поправилась: — Вам, но мы-то знаем, что голова в вашем дуэте ты, парниша.

Последнее предназначалось в большей степени порченому, на что он никак не отреагировал: щелкал своей старой зажигалкой с неизменной самокруткой в зубах.

— Да ну? — скучающе протянул Ив. Бесплезная болтовня его раздражала, а в последнее время начало раздражать и то, что свои же всячески пытаются задеть Шлака. А лучше бы держали свое поганое мнение при себе.

— Игрок рассказывал, — продолжала женщина, не обращая внимание на его тон, — что Белому благодаря твоему списку порченных удалось выведать планы торговцев, и, судя по всему, побег они планируют совсем скоро.

Ив пожал плечами. Все, что нужно знать об этом деле, вот-вот расскажет ему Тощий, а остальное его не интересовало.

— Тебя разговорить даже сложнее, чем Жесть, хотя она с рождения немая, — со вздохом заметила Арахна. Потом усмехнулась: — Ты знал, что наши между собой прозвали

тебя Тихоней? Не затеваешь драки, не светишься в горьких делах, не пьешь со своими коллегами. — Она чуть подалась вперед и прищурилась: — Интересно, ты просто всех вокруг презираешь или пытаешься что-то скрыть?

— Может, и об этом Игрок тебе что-то рассказал?

— Рассказал, — кивнула женщина. Она снова откинулась на спинку кресла и вернула на лицо улыбку. — Мне всегда было интересно, почему ты не взял себе новое имя, когда поступил на службу к Тоцему, как сделал каждый из нас?

Арахна имела в виду не всех работников, а особых подопечных теневого барона. Сироток без шанса на будущее, никому не нужных калек, детей, которых он подбирал на улице и выхаживал, словно бездомных котят. Таких, как Ив и Шлак, как Арахна, и Жесть, и многие другие. Он вытягивал их с самого дна, давал шанс проявить себя. Разумеется, Ив не питал иллюзий относительно благих намерений Тоцего. Тот во всем преследовал выгоду. Спасённые бродяги платили ему преданностью, которой не добиться от простых наемников. Все они были обязаны ему жизнью.

— Плевать на имя, — отозвался Ив.

Не хочу быть похожим на самовлюбленных придурков, которые получили каплю власти и теперь считают себя лучше других, — едва не добавил он, но вовремя прикусил язык. Ему не нужны враги среди своих. В первую очередь следовало думать о безопасности сестры, а не о том, чтобы удовлетворить свою гордость.

— Для таких, как мы, новое имя — не просто восхваление своих талантов. Это отказ от прошлого и шаг на пути к становлению новой личности. — Шлак хохотнул, и Арахна, скривив губы, добавила: — К тебе это не относится, порч.

Ив и сам едва не рассмеялся после таких слов. Ну точно, самовлюбленные бараны. Если бы от прошлого можно было отделаться, всего лишь сменив имя...

— Звучит прям... магически. Может, и мне попробовать? — съязвил он.

Арахна легкомысленно пожала плечами.

— Истислав. Редкое имя. Я слышала, что твой отец был приверженцем какого-то староверского культа. Ох, сколько же таких мы вычистили, да, Жесть?

Девушка в ответ приподняла бровь и показала что-то одной рукой на жестовом языке. Язык у нее был особый, свой, не содержащий мимики, а только движения пальцев или всей руки.

Арахна кивнула.

— Именно. Двенадцать разных культов. Эта вера расплзается словно плесень. Вот и сейчас мы выслеживаем одних, по заданию мэра Карины. — Арахна снова подалась вперед. Ее голос стал низким и тихим: — Очень надеюсь, что, когда мы найдем этот культ, тебя там не будет, Ив.

Коллектор почувствовал, не оборачиваясь, как напрягся Шлак после этих слов. Так вот, что ей нужно: проверить, достаточно ли он предан общему делу. Вот только непонятно, дал ли ей задание Тоций, или она действует из личного интереса.

— Судишь по обложке? — усмехнулся Ив. — Это мы уже поняли. Мне плевать на имя, потому что оно никогда для меня ничего не значило. Можете звать меня Тихоня, или Болтун, или ещё как, если вам так больше нравится. Играете в большую дружную семью, все это, наверно, мило и весело. Помогает чувствовать себя особенным, частью чего-то большего и все такое. Но скажи-ка вот что: а Тоций называет тебя твоим новым именем?

По лицу Арахны будто бы пробежала тень, а Жесть усталилась на него своим

немигающим взглядом. В установившейся вдруг тишине Шлак усмехнулся сначала тихо, потом рассмеялся во все горло, да так, что на него с опаской начали поглядывать все присутствующие. В одной руке он сжимал трясущуюся самокрутку, другой хлопал по ляшке, а третью прижал к животу.

— Нет, ну ты видел... — сквозь смех выдавил он, — видел ее рожу?

Жест все с тем же каменным лицом хлопнула по плечу подругу, чтобы привлечь внимание, и показала ей что-то рукой. Потом обе повернулись к Иву.

— Она говорит, теперь понятно, что в тебе такого нашел босс.

Когда, наконец, Тощий вызвал их к себе, Ив вздохнул с облегчением. После тяжёлого дня, когда и без того нервы не в порядке, он едва смог сохранить спокойствие в разговоре с Арахной. Труп владельца бара все ещё стоял перед глазами, и хотелось только напиться и поскорее забыть этот случай.

После того, как коллекторы изложили боссу суть происшествия, тот поморщился, не слишком довольный самоубийством должника, но все же признал:

— Дело сделано, так или иначе. Молодцы, мальчики, можете быть свободны. Ах да, задержись на минуту, Истислав.

Коллекторы переглянулись. Шлак отсалютовал боссу и вышел, а Ив приблизился к излюбленному дивану Тощего.

— Прощу, — он указал на место напротив. Ив опустился на скрипучий диван, не имея понятия, о чем сейчас пойдет речь. Тощий обратил к нему синие глаза, лицо сделалось сосредоточенным. — Ты хорошо поработал со списком порченных. Не поленился даже разузнать имена тех, с кем Радомир делился самокрутками, с кем даже просто здоровался. Особенно мне нравится, что ты выполнил задание уже через несколько часов после того, как его получил. Хвалю. Следуя твоим выводам, мы отправили двоих на допрос — не густо, но это чтобы не вызвать лишних подозрений. Один из них, к сожалению, так и не сказал ничего, зато другой утверждает, что торговцы пообещали вывести порченных через тоннель за стену и планируют провернуть это во время следующей поставки. Деталей он не сообщил, сказал только, что торговцы сами дадут знать.

Ив кивнул. Босс ненадолго задумался, его взгляд стал будто мягче. Потом продолжил:

— Ты работаешь на меня уже что-то около девяти лет, правильно? И я вижу, как ты изменился за это время. — Усмехнулся: — Жевать сопли — это не мое, так что просто скажу, что пора бы мне найти твоим талантам иное применение.

При этих словах Ива вдруг бросило в холодный пот. От Тощего можно ожидать чего угодно, но в первую очередь стоит ожидать самого худшего.

— Ты будешь следить за торговцами на следующей встрече. И если они попытаются что-то предпринять, помешаешь им. Я ведь могу положиться на тебя?

Ив снова молча кивнул. От сердца отлегло, но все ещё немного потряхивало.

— В случае успеха выделю тебе собственный район, за которым ты будешь приглядывать. Чуть больше ответственности — чуть больше выручки. Знаю, тебе есть ради чего стараться.

Ив снова кивнул. Слова застряли в горле, в голове звенело, сердце отбивало дробь. Вот он, шанс добиться чего-то большего. Совладав с собой, он решительно вздернул подбородок:

— Я вас не подведу.

Ив тихо прикрыл за собой дверь и прислушался. В квартирке была непроглядная темень и абсолютная тишина. Он постоял немного, привалившись спиной к двери, уставший и сонный. Хотелось поскорее добраться до кровати и выпрямить гудящие ноги. Шутка ли, день и ночь бегать из одного конца города в другой, когда ты уже далеко не мальчик и то колени, то спина периодически дают о себе знать.

В комнате сестры зажегся свет, не успел Ив сделать и двух шагов. Мила позвала глухо из-за закрытой двери:

— Брат, это ты?

Ив устало вздохнул, проклиная в этот момент её чрезмерную чуткость, и поплелся к её комнате.

— Чего не спишь?

Мила сидела на кровати, завернувшись в одеяло. Из-за тёмных впалых кругов под глазами кожа казалась бледнее обычного. Девушка щурилась от яркого света и явно была напряжена. При виде брата немного расслабилась, вытащила из-под одеяла нож и убрала под кровать.

— Это ещё зачем? — вскинул брови Ив.

— Э-э, да так... Ты долго не возвращался, я начала волноваться, вдруг с тобой что-то случилось. А я здесь совсем одна. Вот и взяла, на всякий случай.

— Тебе что, угрожали? — тут же встревожился Ив. До этого он ни разу не замечал за сестрой тяги к средствам самообороны, хотя возвращаться домой под утро приходилось регулярно.

— Нет-нет, это просто так... — Мила шумно потянула носом, нахмурилась, а в голосе появились нотки обиды: — От тебя пахнет алкоголем.

Ив едва удержался, чтобы не хлопнуть дверью и не уйти прямо сейчас. Только нотаций не хватало.

— И что?

— Ничего. Хоть бы предупредил, чтобы я так не волновалась.

— А ты не волнуйся! — Против воли в голосе появилось раздражение. — Будто бы я в первый раз прихожу поздно. Знаешь же, что у меня работа.

— Я просто...

Мила втянула голову в плечи и опустила глаза. Иву сразу стало стыдно за свой тон: накричал на сестру ни за что. Снова.

— Ладно, прости. Я устал. Потом поговорим.

— Ладно.

Он закрыл за собой дверь и перебрался в свою комнату. Не нужно было включать свет, чтобы добраться до кровати: она стояла всего в шаге от входа. Напротив — шкаф, и больше в комнате ничего не было. Узкое окошко закрывала рулонная штора из материала, не пропускающего свет. Полезная штука при такой работе, когда спать приходится в основном днем.

Ив поднял штору и открыл окно. На высоте четырнадцатого этажа воздух был не таким отвратительным, почти свежим. Порыв ветра приятно охладил щеки, откинул тёмные кудри

со лба. Ив вдохнул всей грудью. Надо успокоиться и привести в порядок мысли.

Шлак-таки уломал его выпить. Впервые за четыре года сотрудничества они провели время в обществе друг друга вне работы. И впервые сложилась ситуация, когда Шлаку реально что-то угрожало. Громиле, кажется, это только понравилось. Он получил заряд адреналина, которого ему так не хватает в обычной жизни даже несмотря на специфическую работу, и весь вечер оставался веселее обычного. Он раздобыл выпивку — себе три бутылки самогона, Иву одну, — и весь следующий час трепался без умолку о боях без правил, на которые периодически брал его с собой Тощий. Ив же весь этот час жалел, что согласился выпить с ним в компании, но не уходил, потому что выпить надо было.

Он давно перестал считать чужие жизни чем-то ценным. А может, никогда не считал. Но за девять лет работы на Тощего так и не смог привыкнуть к тому, что сам частенько оказывался причиной чужих смертей. Смог только смириться. Кажется, все вокруг поверили, что ему плевать, какие задания ему поручают, ведь одинаково хорошо он мог разобраться как с враждебной бандой, так и с семьёй неугодного Тощему политика. Но иногда без хорошей порции алкоголя было не заснуть. Алкоголь помогает не думать о том, что было бы, повернись его жизнь немного по-другому.

Ив лежал без сна под открытым окном, глядел в потолок и пытался убедить себя, что самоубийство для старика было лучшим из всех имеющихся у него вариантов.

Тишину потревожил аккуратный стук в дверь.

— Что такое?

Мила приоткрыла дверь и остановилась на пороге. В своей белой ночной рубашке она была похожа на призрака. Тонкие руки и ноги обтягивала почти прозрачная кожа. Казалось, можно разглядеть каждую кость в этом хрупком теле.

— Прости, разбудила?

— Я не спал. Что ты хотела?

— У тебя нет случайно таблеток от головной боли?

— Посмотри на кухне.

— Там нет. Они закончились.

— Я ведь только недавно... Почему ты не сказала раньше?

— Думала, скоро пройдёт. Так у тебя нет?

— Нет. Утром куплю, ладно?

Девушка кивнула, помедлила немного в нерешительности, зашла в комнату и опустилась на пол, спиной прислонившись к шкафу. Тихо спросила:

— Опять не спится?

Ив повернулся на бок лицом к сестре.

— Как видишь.

Она немного помолчала, обратив к нему большие печальные глаза.

— Ты не обязан это делать. Работать на Тощего. Я же вижу: это меняет тебя слишком сильно.

Ив тяжело вздохнул. Мила поднимала эту тему с исключительным упорством раз в месяц уже на протяжении нескольких лет. Обычно такие разговоры способны вывести его из себя, но в этот раз откликнулась только усталость.

— Всё это, — он обвел рукой комнату, — и это, — он повертел перед лицом протезом, — все, что у нас есть, — благодаря Тощему. Он вытащил нас из нищеты, предложив работу. Выбил квартиру, о которой сироты-беспризорники вроде нас и мечтают

не могли. Благодаря этой работе я могу покупать сублимированные продукты, а не питательные смеси, могу покупать тебе таблетки и оплачивать учёбу. Благодаря этой работе мы скоро накопим достаточно, чтобы заменить тебе слабые органы, а может даже и все тело. Так что нет. Я обязан это делать. И я буду, ради нас с тобой.

Мила тяжело вздохнула, обхватила колени руками и опустила глаза. Тихо сказала:

— Мне очень жаль, что я такая... непригодная. Я бы хотела сказать, что смогу сама о себе позаботиться, но это не так. Я просто груз на твоей шее, ни на что не способный, требующий постоянного внимания. Больно это признавать. Но ещё больнее видеть, как ты гроишь собственную жизнь, потому что хочешь сделать мою лучше.

— Только тебе кажется, что моя работа отстой. А я думаю, мне повезло. И даже если бы мне не нужно было о тебе заботиться, я все равно согласился бы на эту работу.

— Но тогда бы ты делал — не знаю, чем ты там занимаешься, — ради себя, а не ради меня. Я думаю, даже если ты не осознаешь этого, ты меня ненавидишь за то, что твоя жизнь не такая, как хотелось бы.

— Глупости не говори!

Мила только печально вздохнула и покачала головой. Ив вцепился взглядом в ее повязку и поспешил заполнить липкую тишину, повисшую между ними:

— Ты её и на ночь не снимаешь?

Девушка провела по ткани рукой, будто удостоверяясь, что та на месте.

— Это удобно. Волосы в глаза не лезут.

Нужно было сказать что-то ещё, придумать тему, пока сестра не продолжила развивать свою. Ив знал, что она запросто может убедить его в своей правоте, пусть даже он не признает этого вслух. Он не хотел разбираться в причинах и не хотел вытаскивать что-то личное из тени. Это не принесёт пользы, только боль. Но, как назло, в голове было пусто.

— В общем, я просто хочу сказать, что ты мне ничем не обязан.

— Я твой брат.

— Да. И если бы не ты, я умерла бы ещё в тот раз, когда пропала мама.

— Она не пропала, а бросила нас.

— Ты меня не слушаешь. Я живу только благодаря тебе. Я счастлива, что ты мой брат. Но мне очень больно видеть, что происходит с твоей собственной жизнью из-за меня. Пожалуйста, не нужно думать о новых органах и курсах виртуального управления. Сделай что-то для себя лично. Для меня ты сделал достаточно.

Ив сел на кровати и одарил сестру хмурым взглядом. Из-за ее слов внутри зашевелилось нечто, что он старательно прятал от себя самого.

— Начиталась книжек и думаешь, что все понимаешь? А как бы сама поступила на моем месте?

Мила надолго замолчала, но потом обречённо выдохнула:

— Наверно, как и ты...

— Вот видишь. Эти разговоры ни к чему не приведут. — Ив выдал вымученную улыбку и уже мягче добавил: — И зря ты думаешь, что мне в тягость делать что-то ради тебя. Взамен я получаю кое-что ценное: знание, что моя жизнь — не пустая трата ресурсов. В ней есть смысл.

Она промолчала, но по лицу понятно было, что не поверила. Он и сам не знал, верит в это или только убеждает себя.

— Ладно, давай спать.

Мила молча поднялась и вышла, одарив брата напоследок тоскливым взглядом, значение которого осталось загадкой. Ива это беспокоило. Спустя так много совместных лет он научился понимать настроение сестры, едва войдя в квартиру, а ее мысли — лишь взглянув на неё. Но в последнее время что-то в её поведении изменилось, и Ив не понимал почему. Не знай он её так хорошо, подумал бы, что у неё депрессия. Тревожность, замкнутость, мрачные мысли, слезы — такого не было даже в самые сложные моменты их жизни.

Тусклый рассвет просачивался сквозь открытое окно вместе с утренней прохладой. После разговора с сестрой остатки сонливости выветрились вместе с остатками алкоголя. Ив лежал, натянув одеяло до подбородка, и глядел в потолок в надежде, что усталость возьмёт верх над беспокойством. С улицы летел тихий непрекращающийся гул множества работающих машин. Казалось, гудит не город, а мысли в черепной коробке.

Его устраивала нынешняя жизнь. Стабильная работа с хорошей оплатой, собственное жильё в комфортной зоне, регулярные медицинские осмотры, чтобы следить за состоянием здоровья Милы. Раньше они всего этого не могли себе позволить. Так на что же жаловаться?

Когда человек получает желаемое, вскоре ему становится этого недостаточно. Люди так устроены: всегда желать большего, чем имеешь. Ив редко задумывался, чего бы ему самому хотелось от этой жизни, но всякий раз приходил к мысли, что не хочет ничего больше. Перед ним и так стояла достаточно глобальная задача: позаботиться о сестре, подготовить её к жизни. С тех пор как мать бросила их, он просто разучился думать о своих нуждах.

Они жили все вместе в однушке на втором этаже. Одинокая женщина с двумя детьми от разных мужчин. Отец Ива умер, когда тот был ещё маленьким. Связался с запрещенным культом и попал под чистку. Эгоист, который думал лишь о своих убеждениях, а не о том, что будет с семьёй после его смерти. Все, что осталось от него: убогая квартирка и имя, которое он дал сыну: Истислав. Ив ненавидел отца за его эгоизм и всячески подавлял в себе любые проявления этого качества.

Отец Милы остался неизвестен.

Мать ежедневно пропадала на работе. Ив не знал, чем она занималась, и только когда повзрослел, появились неприглядные догадки. Как бы там ни было, она исправно приносила домой питательные смеси, пока однажды просто ушла и не вернулась. Брат и сестра прождали её неделю пока не поняли, что теперь остались одни. Все дальнейшее было из числа того, о чем лучше забыть и никогда не вспоминать.

Ив не помнил отчётливо лица матери, но помнил все остальное: удушающую жару в тёмной квартире с заколоченными окнами, непрерывный шум, доносящийся со всех четырех сторон, смрад химических испарений и запах плесени, что намертво въелась в штукатурку на потолке и стенах. И то чувство растерянной беспомощности, липкий ужас осознания, что тебя бросили, и ты понятия не имеешь, как жить дальше.

За неделю у них закончились все питательные смеси. Вместо очищенной воды приходилось пить воду из-под крана. Иногда она была лишь слегка мутной, иногда темно-рыжей, но прозрачной — никогда. А во рту оставляла после себя то привкус тухлятины, то металла и моющих средств, и даже прокипятить её было негде. Брат и сестра кутались под драным вонючим одеялом на единственной кровати, не различая дня и ночи. Заколоченные досками окна почти не пропускали свет. Ив боялся открывать их, чтобы в квартиру не влезли бездомные или угашенные, и потому в помещении постоянно стоял затхлый дух сырости и мочи. Когда он не спал, он глядел на дверь в надежде, что мать вот-вот вернётся. Когда кто-

то колотил в двери и дёргал за ручку, брат и сестра прижимались друг к дружке и боялись шелохнуться. Мила беззвучно плакала, а Ив пытался придумать, куда бежать, когда в дверь все же ворвутся чужие.

Скоро Мила начала потихоньку угасать. Она больше не плакала, только тихо стонала в горячечном сне. Слабая трехлетняя малышка. Ей нужна была еда и какие-то лекарства. Тогда Ив закутал её в одеяло и ушёл, прошептав на ухо, что никогда не бросит её, как бросила мать. Ему было одиннадцать.

Воспоминания, как и всегда, принесли с собой только злость и разочарование. В груди грызлось что-то неприятное и липкое, от чего невозможно избавиться, что ненадолго оставляло его только на деле или после пары стаканов спиртного. Но с каждым разом это неприятное все больше накапливалось и росло. И что с этим делать, Ив не имел понятия.

Он поднялся с кровати, так и не сумев хоть немного отдохнуть. Порылся в ящике на кухне и вытряхнул на ладонь таблетку из неподписанного пластикового пакета. Эти таблетки остались еще с тех времен, когда Милу мучили постоянные ночные кошмары и она не спала сутками, чтобы не видеть то, о чем так и не рассказала брату. Ив проглотил таблетку, запив водой из-под крана. Нужно было отдохнуть, ведь ночью предстоит важная работа, от успеха которой зависит их с сестрой будущее.

Шлак неторопливо дымил вонючей самокруткой, развалившись на пластиковых ящиках. У другой стены подвала сидели грузчики — четверо порченных, как обычно. Они тихо курили и изредка переговаривались. Не было похоже, что они взволнованы или чего-то ждут. Зато их надзиратели, которых в этот раз было двое, стояли с прямыми спинами и сжатыми челюстями. Они не знали, к чему готовиться. Ив тоже не знал. Он напряжённо уставился в тёмный прямоугольник планшета, на котором было выведено изображение противоположного конца тоннеля. Ничего. Торговцы ещё не пожаловали. Тогда Ив вывел на экран изображения со всех камер, которые они установили заранее в тоннеле и его ответвлениях. Никакого движения. Ив потер глаза, взъерошил темные кудри.

— Что, волнуешься? — подразнил его Шлак с ухмылкой.

Ив поднял на громилу хмурый взгляд.

— Эта неизвестность, она меня напрягает.

Шлак протянул ему дымящуюся самокрутку.

— На, говорят, это успокаивает.

Ив мотнул головой. Лишайник он ни разу не пробовал, но всегда казалось, что первая же затяжка способна то ли с ног свалить, то ли заставить проблеваться.

— Просто хочется поскорее закончить с этим делом.

— Ага, понимаю. Скоро у меня бой, надо готовиться, а не торчать тут с этими придурками, — громила сплюнул в сторону порченных, и те невольно поежились под его недобрый взглядом.

— Значит, с Серафимом бой? Не думал, что Тощий пойдёт на это, лишь бы тебя побаловать.

— А что ему терять. Если вдруг я сдохну, шестирукий урод займёт моё место. Боссу слабачки не нужны. — Шлак усмехнулся. — Говорят, он не разговаривает. Если так, то вы с ним поладите.

Порченный утробно захохотал, а Ив оторвал глаза от планшета и соорудил в ответ постную мину.

— Шутки — это явно не твоё.

— Просто ты зануда. — Он помолчал немного, докурил и отбросил бычок в сторону. Под стеной уже валялась приличная куча. — Хотя если представится шанс завалить парочку староверских ублюдков, это меня ещё как порадует. Нет ничего лучше хорошей драки перед сном.

— Да ну, — без особого интереса протянул Ив.

— Точно тебе говорю. Если грохнуть кого-то вечером, или хотя бы морду набить, спать будешь как младенец. А если ещё и утром крови пустить — считай, настроение на весь день обеспечено.

— Так вот в чем дело, — заметил Ив с иронией. Его товарищ, как обычно, по голосу ничего не понял и кивнул:

— Ну так. Попробуй, сам убедишься. Плохо что-ли сегодня спалось?

— Нормально. — Если за норму считать полное отсутствие сна. Таблетка сморила его на полчаса, не больше, и после он проснулся, кажется, ещё более уставшим.

— Вот видишь, — удовлетворенно кивнул громила. — Так что, пойдешь глядеть, как я тому уроду морду набью?

— У меня вообще-то свои планы.

— Чего? Давай, не занудствуй. Потом всю жизнь жалеть будешь.

В ответ Ив проворчал что-то вроде "подумаю" и снова уставился в планшет. На камерах все ещё было пусто.

— Почему вы решили, что торговцы провернут свое дельце именно сегодня? Может, тот порч обманул-таки Белого. Ясно же, что Белый тупой как пробка. По-моему, куда проще сделать все в любой другой день, когда никто не ждёт.

— Ну, хотя бы потому, что в любой другой день, помимо дня поставки, они не смогут приблизиться к стене даже на километр, потому что охранные коптеры стреляют по всем живым объектам подряд, если у тех нет сталкерских пропусков, чтобы лазить по помойке. А пропуска торговцев активируются только на день поставки.

— Тогда как они собираются вывести порчей? У них-то нет пропусков.

— Думаю, они рассчитывают, что большой вооруженной группе удастся подбить несколько коптеров и быстро выйти из зоны поражения настенных пулеметов. Либо у них есть какой-то другой способ обойти нашу охрану, хотя я сомневаюсь, что староверы на такое способны, — скептически заметил Ив.

На экране планшета в основном тоннеле началось движение. В углу камеры было видно, как трое мужчин спускают ящики с поверхности через крышку люка.

— А вот и они.

Шлак, а за ним и оба охранника повернулись ко входу в тоннель. Четырехрукий выглядел расслабленно и даже скучающе, как и последние полчаса, что они провели в подвале. Надзиратели явно нервничали. Один из них мял в руках складной стек, другой постоянно шупал рукоятку светлячка на бедре. Это его навязчивое движение слишком бросалось в глаза. Глядя на него, даже тупой мог бы понять, что парень к чему-то готовится. Ив быстро набрал короткое сообщение этим двоим и отправил на личные браслеты. Оба синхронно глянули на экраны на запястьях, потом как по команде одарили его недовольными взглядами, однако навязчивые движения прекратили. Шлак вдруг показался Иву самым компетентным из тех придурков, с которыми приходится ежедневно иметь дело. Он с раздражением вздохнул и снова перевел взгляд на экран.

Груженная товарами платформа вместе с тремя сопровождающими медленно перемещалась от одной зоны видимости камеры к другой. Скоро из темноты тоннеля показался холодный свет фонаря, белый и безжизненный, будто отдающий синевой. Долетел хруст гравийной насыпи под тяжёлыми сапогами.

Ив поймал себя на мысли, что и сам начинает нервничать. Он спрятал планшет и положил руки на колени. Хотелось вскочить с места и начать мерить шагами площадку, но он не собирался показывать своим видом, что чего-то ждёт.

Магнитная платформа затормозила у края площадки. Радомир скинул капюшон, как обычно вежливо улыбнулся, кивнул всем присутствующим. Задержался взглядом чуть дольше на охране, удивлённо вскинул брови, но ничего не сказал.

— Здоров, старовер! — Шлак хлопнул мужчину по спине огромной лапицей так, что тот пошатнулся. — Мы уж думали, вдруг вы там подошли по дороге или ещё чего.

— Благодарю за беспокойство, — терпеливо улыбнулся Радомир в ответ на акулий оскал порченого.

Ив медленно поднялся с насиженного ящика и со скучающим видом принялся копать в планшете.

— Ну так что? — бесцветно выдал он вместо приветствия. Когда Радомир непонимающе глянул на него, Ив добавил: — Что вас так задержало?

— Нечисть. — Торговец сплюнул через плечо. — У вас под стеной новая тварь завелась.

— Тварь?

— Ну. Летает себе спокойно, коптеры ее будто не видят. Пришлось самим отстреливаться. Где-то на свалке у нее, видно, гнездо.

— Летает?

Шлак будто заинтересовался и хотел спросить ещё что-то, но Ив его перебил:

— Если вы пытаетесь выбить перерасчет с учётом новых рисков, ответ отрицательный.

Радомир хмыкнул, дёрнул плечами.

— Мы с самого начала знали, на что идём, и к рискам готовы. Но готовы ли вы?

Ив оторвался от планшета и встретился с твердым взглядом серых глаз. Ни в лице Радомира, ни в его голосе не было ничего даже отдаленно похожего на угрозу или неуважение. Ива это раздражало. Гораздо проще было бы считать человека врагом, дай он для этого хоть один повод.

— Что ты мелешь, старик? Говори яснее.

Торговец никак не отреагировал на его грубость.

— Мы много лет привозим Тощему свои товары, получая кое-что нужное взамен. Заказы становятся все больше, из чего можно сделать вывод, что натуральная еда пользуется в Огневе неплохой популярностью. Что будет, если вдруг по пути на нас действительно нападет нечисть? Избавиться от той твари, что угнездилась прямо под стеной, в интересах не только нашего общего дела, но и вашего города. Передай это своему хозяину, юноша.

— Не хозяину. Боссу.

— Как скажешь.

Раздражение подступило к самому горлу, и больших усилий Иву стоило не нагрубить торговцу ещё больше. Сказывался недосып и напряжение последних дней. Краем глаза он заметил, как оба охранника пялятся на него, но под его ответным взглядом они тут же отвернулись. Ив вдохнул и выдохнул пару раз, чтобы успокоиться, и двинулся к растущей куче ящиков и корзин с натуральными продуктами.

Он сверил по базе двух других торговцев, пришедших с Радомиром. Были те же, что и в прошлый раз: светловолосый Марек, самый молодой в группе, и мужчина с крючковатым носом и тяжёлым взглядом — Угрюм. Во время работы ни один не проронил ни слова. Ив постоянно следил за ними, как и за своими порченными, но те вели себя будто незнакомцы: ни долгих многозначительных взглядов, ни жестов, ни подмигиваний. Можно было подумать, что предположения Тощего оказались ошибочны, а тот порч во время пыток просто сказал то, что от него хотели услышать.

Когда платформа была разгружена, порченые принялись заставлять ее коробками с оружием и прочим, что не могли самостоятельно произвести староверы. Управились быстро: коробок с товарами из Огнева всегда было меньше, чем овощей и бутылок с алкоголем. Попрощались без лишних слов, и торговцы вместе с магнитной платформой тронулись в обратный путь, оставив имперцев в лёгкой растерянности.

Проводив удаляющийся свет взглядами, оба охранника обернулись к Иву в нерешительности. Один подал голос:

— Все?..

Ив пожал плечами. Он и сам хотел бы спросить у кого-нибудь, все или не все. Распорядился:

— Уводите их.

Когда они со Шлаком в зале остались одни, Ив хмуро опустился на ящики и уставился в планшет. По камерам было видно, как торговцы без остановки проехали мимо своего тайника. Только один из них отделился, чтобы проверить, на месте ли оружие.

— Ну и? — поинтересовался Шлак, заглядывая в планшет из-за плеча товарища. — Что делать-то будем?

Ив раздражённо бросил:

— Откуда мне знать? Может, они не сегодня планировали свои делишки, а может, вообще не планировали.

— Тогда на кой им тайник в тоннеле? Ты сам видел пушки. Их там больше, чем народу в команде Радомира.

Ив сделал глубокий вдох и постарался унять раздражение. Из-за недосыпа болели глаза, а в голову будто постоянно вкручивали винты. Мозг работал так вяло, что каждую мысль приходилось жевать, словно резину, прежде чем из нее образуется хоть что-то осмысленное. Он взглянул на часы: почти полночь.

— Пропуска будут активны до двух. Этого времени им хватит только чтобы пересечь помойку один раз. Если они и планируют что-то, то должны сделать это до того, как пропуска деактивируются, иначе даже открыть проход в тоннель будет невозможно. Теоретически. Так что предлагаю подождать ещё пару часов.

— Вот же засада! — проворчал Шлак. — Лучше б для нас придумали задание поинтереснее.

Громила сунул в зубы самокрутку, отвернулся от Ива, чтобы не пускать ему дым в лицо, и закурил. Сизые клубы с тошнотворным запахом собирались под потолком, крутились там несколько секунд и развеивались. Оставался только запах.

В который раз Ив задумался, кому первому взбрело в голову курить лишайник? Наверно, это был совсем уж отчаявшийся нищий, которому даже отсутствие денег не помогло справиться с зависимостью. Наверно, он заметил на стене в своем углу буроватую растительность и подумал: почему бы и нет. Оторвал от стены листовку, соскреб лишайник, скрутил в трубочку и закурил. Наверно, потом он сдох.

— Слушай, — обернулся вдруг порченый, — а если они припрятали нычку для каких-то своих нужд?

— Каких это?

— Ну, не знаю, но что-то слабо верится, что это из-за порчей. В смысле, какая староведам выгода помогать им?

Ив задумался. Ведь правда, вся их теория строилась на благожелательном отношении торговцев к грузчикам. Если представить, что для староведа порченые такие же люди, как и все остальные, их поведение становится вполне понятным. Разве что заначку оружия пока внятно объяснить не получалось. Ив отложил планшет, облокотился спиной на стену и прикрыл глаза. Устало сказал:

— Все равно подождем. Думать — это не наша забота, помнишь? Наша забота — выполнять.

Шлак согласно хмыкнул, длинно затянулся последний раз, расплющил бычок об стену и

кинул его в кучу к остальным.

— Может, хотя бы пожрать притащим?

Они просидели в подвале до двух часов. Староверы так и не появились. Как только от Тощего пришла отмашка расходиться, Ив почувствовал облегчение. Что бы ни задумали торговцы, это произойдет не сегодня, если вообще они что-то задумали. Вслед за облегчением пришло осознание, что повышения ему теперь не видать, и неизвестно, когда в следующий раз представится шанс доказать Тощему, что тот не зря однажды вытащил его с улиц и дал работу. Теперь из-за гребаных староверов планы по замене больных органов Милы отодвигались на неопределенный срок. С нынешними доходами придется копить ещё несколько месяцев, если не лет. И как только эта мысль пришла в полупустую сонную голову, Ив почувствовал злость. Больше всего он злился на торговцев и немного — по неизвестной причине — на себя. Одно сплошное разочарование. Он будто провалил задание, так ничего и не сделал.

— Там что-то длинное?

Грубый и слишком громкий голос Шлака вырвал его из задумчивости. Ив только сейчас понял, что добрых пять минут пялился в экран планшета на сообщение Тощего.

— Говорит, расходимся.

— Ну и отлично. — Порченный с хрустом в колене поднялся, размял спину и плечи после долгого сидения — снова хрустнуло — и поплелся к выходу. Ив не двинулся с места. — Чего ещё?

Настроение было паршивое. Ещё более паршивое, чем вчера. Дома появляться не хотелось. Он просто не знал, как посмотреть в глаза сестре и сказать: ничего не вышло, малая, потерпи ещё немного. Может, в следующем году.

— Иди. Я здесь останусь, немного посплю. Свет выключи.

Шлак проворчал что-то и вышел, щёлкнув выключателем. Ив забрался на ящики, подтянул колени к груди и прикрыл их плащом. В подвале было холодно, темно и тихо. Такой тишины наверху не услышишь. Там сам воздух пронизан непрерывным гулом двигателей, насосов, турбин и печей, шумом голосов, скрипом ветряков, которые не обновлялись, кажется, ни разу за последние двести лет. А здесь можно было услышать разве что тихо копошащихся в мусоре насекомых. Ив успел подумать только, что Тощий поступил умно, обосновавшись в подвалах, и провалился в долгожданный сон.

Проснулся он резко, с беспричинным чувством тревоги. В подвале все ещё было темно. Несколько мгновений Иву понадобилось, чтобы понять, где он находится. Гудела голова, кости ныли из-за лежания на твердом холодном пластике. Он замер и прислушался. Может быть, это просто нервы. Такое случалось и раньше: переживания были причиной беспокойного сна и частых пробуждений.

Вот оно, снова. Значит, не послышалось. Невнятный слабый звук, скорее даже эхо, долетел из тоннеля.

Остатки сна улетучились, Ив моментально собрался, заставил себя соображать. Нашарил оставленный неподалеку планшет, проверил камеры. Две фигуры в тоннеле стояли около тайника староверов и что-то перебирали.

Ив сглотнул. Почувствовал, как подступает волнение, как ускоряется сердце. Он быстро отправил сигналы на персональные браслеты свободным охранникам и Тощему, порылся в карманах в поисках очков ночного видения и двинулся в тоннель. В голове его крутились

мысли о предстоящем повышении.

Быстро насколько возможно он пробирался вдоль стены. Под подошвы ботинок иногда попадался гравий, и оставалось только надеяться, что неизвестные не услышат его приближение слишком рано. Внезапно Ив понял, что у него нет никакого оружия, кроме его собственных клинков. Если подкрепление не подоспеет в ближайшее время, он мало что сможет противопоставить огневой мощи всевозможного оружия, которым владели противники. Осознание этого заставило его понервничать.

Он стянул с себя плащ, чтобы лишняя ткань не мешала в бою. Футболка без рукавов открывала крепкие плечи и жилистые руки, от локтя переходящие в механические протезы. У многих работников Тощего руки были заменены на протезы со встроенным оружием, но другие, в отличие от Ива, сделали этот выбор самостоятельно.

Скоро впереди показался тусклый огонек и тени неизвестных на залатанной стене. Можно было слышать их негромкий шепот. Ив оставил очки болтаться на шее, сжал кулаки, выдвинул клинки и вышел на свет.

Глава 9.2

Неизвестные заметили его раньше, чем он успел приблизиться к ним на расстояние удара. Они резко развернулись и направили в его сторону оружие. По стандартным плащам, какие носили большинство жителей Огнева, невозможно было с точностью определить, кто это, но Ив не сомневался, что перед ним торговцы.

— Что вы здесь забыли? — прорычал он, подняв перед собой клинки.

Одна из фигур не опуская оружия скинула капюшон. В тусклом свете, наполовину скрытое тенями, но вполне узнаваемое, показалось лицо Радомира. Вторым, судя по росту, был Марек. Они мельком переглянулись, и торговец сосредоточенно произнес:

— Не лезь в это, сынок.

— Как вы сюда попали?

— Если уйдешь сейчас, останешься цел.

— Все угрожаешь, старик? — усмехнулся Ив. Нужно потянуть время до прихода остальных, и то, что его до сих пор не пристрелили, можно было считать хорошим знаком. — Думаешь, мы не знаем, что здесь происходит? Мы давно следим за вами. Стоит задуматься, почему же за столько лет вы так и не заслужили нашего доверия.

— Что ты его слушаешь? — гневно прошипел Марек. — Этот тип только оскорблять умеет. Никакого уважения к старшим. Пристрели его — и дело с концом.

Радомир повернул голову в сторону младшего товарища, при этом не сводя глаз с Ива:

— Полегче, юноша. Мы не убиваем каждого, кто связался с плохой компанией. — Следующие слова предназначались Иву: — Тощий — плохой человек. Не будет тебе добра от служения ему.

— Что ж ты сам с ним связался?

— Будь у меня выбор...

— Снимаешь с себя ответственность?

— Ни в коем случае. Но ты-то ещё молод. Не бери грех на душу и не заставляй меня. Не лезь в это. Дай нам помочь тем, до кого городу нет дела. Уходи — и спасёшь множество жизней, не только свою.

— Ничего не выйдет. Скоро здесь будет вооруженный отряд, и даже с тем оружием, что у вас припрятано в стене, вы ничего не сможете сделать. Поэтому встречное предложение: бросайте пушки и спокойно ждите босса, — Ив послал торговцу короткую кривую усмешку и добавил: — Так вы спасете множество жизней, и не только свои.

Старик разочарованно покачал головой и с какой-то печалью в голосе сказал:

— Ох, как же ты упрям и молод, сынок. Не знаю, чем Тощий заслужил твою преданность, вот только будет слишком поздно, когда ты поймёшь, что он за человек.

Ив открыл было рот, чтобы возразить, но услышал сбоку доносящийся из-за стены шум. В лёгком замешательстве он бегло огляделся. Где-то здесь прятался третий торговец?

Стеновая панель вдруг пришла в движение, лязгнул старый металл, и в стене открылся проход. Ив сделал пару шагов назад и в сторону, чтобы быть вне поля зрения тех, кто собирался выйти из бокового тоннеля.

Первым показался Угрюм. Он отодвинул металлический лист, маскирующий проход, и спустился на дно основного тоннеля. За ним плотным потоком потекли порченые. Все подряд: мужчины, женщины и дети.

Ив не мог позволить себе слишком долго удивляться и гадать, как староверы узнали о тайном проходе прежде Тощего. Он схватил одного из порченных и прижал лезвие к его шее. Несколько человек заметили это и замерли, кто-то шагнул обратно в проход, и движение застопорилось. Кто-то, наоборот, поспешил к тайнику с оружием. Послышались тихие возгласы тех, кто что-то видел, и возмущение тех, кто стоял в конце.

— Гоните их всех обратно, — приказал Ив, плотнее прижимая сталь к горлу порченного. Потом повысил голос, обращаясь к тем, кто остался в проходе. — Эй, там, слышали? Валите обратно! Я убью каждого, кто попытается сбежать!

Староверы переглянулись. Теперь уже три дула было направлено в его сторону. Ив быстро оглядел пистолеты: у двоих автоматическая классика с простыми металлическими пулями, у третьего пистолет с экспансивными пулями, которые разворачиваются при попадании в тело. Они предназначены для убийства, а не для запугивания. Такие можно найти разве что на теневом рынке. Ну да.

На лице Радомира промелькнуло сожаление. Ив моментально понял, что тот собирается пристрелить его, и ещё до того, как рука торговца поползла вверх — быстро, даже слишком, — он резанул клинком по горлу и нырнул вниз, уходя от предполагаемой траектории пули. Это заняло лишь секунду, а в следующую раздался выстрел и сразу за ним металлический звон, огласившие оглушительным эхом тоннель. Ив метнулся в толпу перепуганных порченных, защищаясь ими как живым щитом от следующих выстрелов. Он схватил ещё одного мутанта с перекошенным лицом, похожим на жуткую маску. Промедлил секунду, но порченный заехал ему локтем в живот. Ив взрезал ему шею, отпихнул и схватил следующего. Это была женщина. Он крепче перехватил ее и упёрся спиной в стену, чтобы никто не попытался стукнуть его по затылку. Она слабо взвизгнула и застыла.

Мгновения текли словно в замедленном темпе. Одновременно Ив замечал и осознавал множество деталей, разум до невероятного ускорился. Он видел растерянность и боль на лицах староверов — они оценивали ситуацию и рассчитывали шансы. Видел страх, гнев и панику на лицах порченных — они не знали, как поступить. По клинку и правой руке текла кровь, черная и блестящая в тусклом свете фонаря. На миг он удивился, почему не чувствует ее тепло. Женщина-порченная мелко дрожала. Ив знал, что в какой-нибудь другой жизни не смог бы убить ее — и вообще никого. Но в этой его желания не имели значение. Имела значение единственная истина: либо они, либо мы. Либо чужаки, либо моя сестра.

К звону в ушах вдруг примешался другой звук, сначала далёкий. Он быстро нарастал, и стало понятно, что это шаги. Со стороны базы приближались с десятков охранников.

Радомир снова переглянулся со своими товарищами. На лицах отразилось осознание. Потребовался всего миг на принятие решения — и Радомир скомандовал:

— Уходим, быстро!

Староверы устремились к выходу, толпа порченных побежала следом. Одни сжимали в руках пушки, другие ревуших детей.

— Задержать! — скомандовал Тощий удивительно мощным голосом, так не похожим на его обычный вкрадчивый.

Голос смог пробиться сквозь шум неразберихи и топот десятков ног. Ив без раздумий бросился за ними, оттолкнув в сторону женщину. Почувствовал мимолётное облегчение, что не пришлось убивать ее, однако сейчас для всего этого не было времени.

Ив припомнил, как ещё накануне вечером во время инструктажа Тощий несколько раз напомнил, что староверов строго запрещено убивать. Так что коллектор убрал клинки и

вклинился в толпу порченных. Мужчина-мутант заметил его рядом с собой, навалился плечом и попытался сбить с ног. Ив пошатнулся под его тяжестью, но устоял. Отправил в ответ удар в голову, отпихнул с дороги ещё нескольких. Кто-то наставил на него пистолет, выстрелил на бегу. Мимо. Ив выбил у стрелка оружие, наверняка вывихнув тому запястье: в бою механические протезы имеют массу преимуществ.

Наконец, впереди замелькали спины торговцев. Они уже почти добрались до конца тоннеля. Ив ускорился ещё немного, потянулся рукой, схватил плащ ближайшего, заставив того затормозить, налетел на него по инерции. Они столкнулись и повалились на гравий. Торговцем оказался Марек. Он попытался выстрелить, но Ив перехватил его руку, и выстрел пришелся в потолок. Марек тут же заехал Иву кулаком под подбородок — в глазах коллектора на миг заплясали звёзды, но хватку он не ослабил. Заехал торговцу локтем по скуле, сдвинул руку с оружием одной рукой, а другой с силой выдернул пушку и отшвырнул прочь. Марек зарычал, яростно оскалился, оттолкнулся ногами и перекатился. Ив оказался зажатым под его весом — впрочем, не слишком впечатляющим. Гравий чувствительно впился в спину, лёгкие горели огнем. Марек без промедления принялся колотить его по ребрам, ещё крепче впечатывая в камни. Ив ударил кулаком сбоку, потом схватился рукой за горло противника и сдвинул. Марек сначала нанес несколько яростных ударов по лицу Ива, потом схватился за руку в попытках разжать хватку. Щеки покраснели, воздух он глотал хриплыми урывками, а на глаза навернулись слезы. Когда Ив почувствовал, что противник слабеет, разжал руку, позволив ему судорожно вдохнуть, потом без труда повалил его на землю, поднялся, потянул Маркера за пыльные растрёпанные волосы и приставил к его горлу клинок. Старовер замер, стоя на коленях, и Ив смог, наконец, перевести дух и оглядеться.

Люди Тощего подошли уже довольно близко. Они все ещё пробивались сквозь толпу порченных, раскидывая тех по сторонам без разбора. Среди них были как надзиратели в черной форме с пластиковыми элементами защиты, так и громилы с биомеханическими конечностями. Последние в основном и раскидывали порченных. Часть солдат оттеснила беглецов к стене и держала на прицеле, другие пробивались к торговцам. В руках надзиратели держали относительно компактные светлячки либо плазменные автоматы на малой мощности, чтобы только оглушить. Последняя боеспособная кучка порчей сгрудилась на конце тоннеля и стреляла по преследователям. Среди них маячили и староверы. Они не стреляли, потому что все уже давно поняли. Оба, Угрюм и Радомир, глядели на своего младшего товарища с клинком под подбородком.

Несколькими последними рядами люди Тощего уложили оставшихся на ногах порченных — и шум внезапно стих, сменившись многозначительной звенящей тишиной, в которой ещё висело эхо выстрелов.

Не спеша, с лёгкой улыбочкой, от которой бросало в дрожь, к торговцам приблизился теневой барон. Он обвел всех взглядом с выражением собственного превосходства, так и говорящим: вы все говно. Минуту посмаковал момент — Ив был уверен, что боссу нравится подобная атмосфера, когда на него смотрят с ужасом, злобой, обречённо, когда хотят убить его, но знают, что уже проиграли. Затем он едва заметно кивнул своим людям, те окружили торговцев, отобрали у них оружие и поставили на колени, не преминув при этом пройтись стеками по ребрам.

Тощий поднял руку и мягко проговорил:

— Ну, ну, полегче, это всё-таки наши гости. — Надзиратели убрали стеки, отошли от

пленных на пару шагов и наставили на них пушки, чтобы не думали дергаться. Тощий продолжил: — Было весьма любопытно наблюдать за этой вашей игрой в героев. Ох, Радомир... сколько лет мы ведём дела? Что-то около восьми? Достаточно времени, чтобы узнать друг друга получше. Уверен, ты можешь угадать ход моих мыслей так же хорошо, как и я твоих. Но вот вопрос: почему же ты вдруг решил, что мне плевать на этих людей? — Не глядя он обвел рукой порченных. — Или, точнее сказать, тварей. Только мое слово защищает их от полного уничтожения. Только благодаря мне у них есть работа и крыша над головой. Но ты почему-то решил, что там, за стеной, им будет лучше. Но кому они там нужны? Вам?

Теневой барон тихо рассмеялся. Радомир наблюдал за ним из-под нахмуренных седых бровей, явно испытывая к тому неприкрытое отвращение. Где-то сбоку напуганные детишки хлюпали носами, стонали раненые.

— Расскажи-ка мне вот что, — снова заговорил Тощий, — какой у тебя был план? Вывести порченных наружу и надеяться, что коптеры перебьют не всех?

Радомир упорно молчал. Тогда Тощий обернулся к Иву и Мареку.

— Я могу приказать резать светловолосому пальцы каждый раз, когда ты молчишь.

Торговец кинул на босса яростный взгляд, замер ненадолго, потом болезненно выдохнул и повесил голову. Тихо сказал:

— Ладно. Ладно. Геройствовать и упрячиться в моем положении бессмысленно, да?

— Итак...

— На основе ваших пропусков наши люди написали программу и создали устройство, благодаря которому можно скрыть от коптеров сразу большое количество людей. — Тощий поглядел на него скептически, а кое-кто из его людей рассмеялся. Старик пожал плечами: — И на Свободных Землях можно встретить умных людей.

— Допустим, — согласился босс. — Общайте его.

Двое в черной форме стянули с Радомира плащ и вывернули все карманы. На поясной сумке под рубахой нашлось некое устройство, куб, корпус которого состоял из разномастного пластика, будто тот, кто его собрал, использовал в буквальном смысле все, что подвернулось под руку.

— Интересно, — протянул Тощий. — Надеюсь, ты меня не осудишь, если я не поверю тебе на слово. Времена такие, знаешь ли, когда чужое слово мало что стоит. — Он помолчал немного, с любопытством и своей вечной полуулыбкой разглядывая старовера. — Ну и еще вопрос, последний: какая вам выгода от этих тварей? Что вы собирались получить взамен?

Радомир помолчал немного, приподнял уголки губ и спокойно, устало заметил:

— Ты говорил, что давно уже понял мою суть. Сам-то как думаешь? — Он тяжело вздохнул и с неподдельной печалью огляделся. — Мы знакомы восемь лет. Все это время я изучал вашу культуру и порядки, пытался понять ход ваших мыслей. Другие люди, путешественники, говорили, как все устроено в империи, но я не верил. И вот я здесь, наблюдаю, как из года в год все ниже и ниже падает Огнев. Как он все больше грязнет в собственном тщеславии, в слепой вере, что высшая сила на Земле — разум человеческий, и что именно он способен исправить все то, что сам же считает неправильным. Ну, ответил я на твой вопрос?

— Значит, всё-таки в героя... Жест альтруизма во имя мира и справедливости. Как глупо. А я ведь считал тебя хорошим торговцем.

— И что ты теперь собираешься делать?

— Как что? — легкомысленно ответил Тощий. — Убить всех. А ты посмотришь.

В тишине, воцарившейся после этих слов, из толпы припертых к стенке порчей вдруг выскочил один, весь покрытый густыми черными волосами, похожими на шерсть. Он со звериным рыком кинулся на Тощего, взмахнул внушительным кулаком. Тощий даже не посмотрел в его сторону. Небрежным движением руки отмахнулся от него, словно от насекомого. Порченный пролетел несколько метров, ударился о стену и сполз вниз. Один из охранников закончил его выстрелом в грудь.

— Нам не нужны непослушные бараны. Сам видишь, если не держать их на поводке, они показывают свою истинную природу. В расход.

— Нет, погоди! — поспешно воскликнул Радомир, но Тощий не обратил на него внимание.

Тоннель огласили десятки выстрелов. За какую-то минуту все до одного порченые, что в ужасе жались к стенкам, лежали теперь мертвые, а светлый гравий медленно погружался в красное. Когда стихли последние выстрелы и никто больше не стонал недобитым, Тощий отчеканил:

— Звери. Мусор. Вот, кто они. Гниль на теле цивилизации. Но даже они могут послужить городу. Может, станут отличной питательной средой для роста пищевых клеток. Может, соберём из их частей новый отряд Чистильщиков, чтобы отлавливать тварей, которые ещё гуляют на свободе. А как вы используете свою нечисть?

Угрюм проворчал проклятие и сплюнул, с ненавистью глядя на Тощего из-под черных бровей. Марек подался немного назад и застыл, взгляд его светлых круглых от потрясения глаз метался во все стороны. Радомир уставился в одну точку с такой болью, будто переживал собственную трагедию. Ив проследил за его взглядом. Среди тел лежал мальчик. Его широко раскрытые стеклянные глаза глядели в потолок, изо рта стекала струйка крови. Сверху лицом вниз лежала женщина, и мальчик как бы выглядывал из-за ее плеча.

Потом Радомир медленно обернулся к Тощему. Во взгляде старика была черная ненависть. Впервые Ив видел его таким.

— Ты заставил невинных людей — детей! — которые тебе даже не нужны, платить за чужие ошибки. Мои ошибки. И все ради чего? Чтобы доказать самому себе, что ты больше не мальчик из трущоб? Что теперь у тебя есть право голоса, да ещё какое?! Что теперь все по легчайшему движению пальца должны исполнять любое твоё слово и ни в коем случае не сомневаться, ведь оно, твоё слово, истинное? — При этих словах глаза босса слегка сузились, но холодная улыбка осталась на месте. Зато его подчинённые явно занервничали. — А как думаешь, часто ли твои люди перешептываются за спиной, что любовь к власти и замашки бога — это всего лишь стремление получить то, чего ты был лишён в детстве? Знаю я таких, как ты. Тех, кого избивали за каждую мелочь, кто голодал, кого считали грязью, недостойной внимания. Тех, кто рос, с завистью глядя на богатство и роскошь жителей верхнего мира. Полгорода таких, возвращенных на плодородной почве империи. И благодарение богам, что не каждый приходит к власти.

Тощий улыбнулся чуть шире. В тусклом свете блеснули ровные белые зубы.

— Какая проникновенная речь, какая страсть, — протянул он с иронией. — Мне удалось задеть тебя за живое? Интересно, ты так же плачешься по пороссятам из своего хлева, когда кто-нибудь решается забить одного к ужину?

Торговец заскрипел зубами, но промолчал.

— Ну, довольно трепаться. Время позднее, а вам ещё предстоит проделать неблизкий путь.

Радомир непонимающе нахмурился, оглядел по очереди своих людей. Имперцы с вопросом уставились на босса.

— Да-да, ты все правильно понял. Можете идти.

Торговцы медленно поднялись с колен, явно ожидая какого-то подвоха. Ив без раздумий убрал клинок от горла парня, однако не ослабил внимания на случай, если тот задумает что-нибудь вытворить.

— Буду ждать через неделю. Надеюсь, мой заказ не потерялся в этой суматохе?

Староверы все ещё пребывали в недоумении. Радомир поднял с земли плащ, отряхнул от пыли и потянулся к оружию, которое обронил один из порченных, однако охранник отпихнул его ногой подальше. Марек сделал несколько шагов на затекших ногах, с опаской глядя вокруг. Когда парень поравнялся с Тощим, тот опустил руку на его плечо. Марек вздрогнул, остальные замерли.

— Ты верно недавно подметил, что мы нуждаемся в ваших товарах так же, как и вы в наших. И в общих интересах будет закрыть глаза на этот досадный инцидент, чтобы и дальше обеспечивать своих людей тем, что им необходимо. Готовы ли вы продолжать сотрудничество?

Радомир поспешно кивнул, но Тощий лишь сильнее сжал плечо Марека.

— Пойми меня правильно: учитывая последние события, я не могу больше положиться на твое слово. Мне нужны гарантии. Поэтому парень ненадолго останется нашим гостем...

— Я и сам могу остаться, — тут же вызвался торговец.

— Уж конечно, — усмехнулся босс, — не сомневаюсь. Однако ты будешь полезнее там, за стеной. Ты ведь кто-то вроде старейшины в своей деревне? А мальчишка, наоборот, принесет больше пользы здесь. Так ты с гораздо большей охотой будешь спешить сюда каждую неделю. Ну а если вдруг перестанешь... попробуй догадаться сам, ведь мы так долго знакомы.

Тощий развернулся и потащил за собой Марека, вцепившись железной хваткой в его плечо. Парень сколько мог глядел назад, на своих товарищей, и те провожали его растерянными взглядами. Потом Радомир опустил голову, принимая поражение. Его плечи поникли, взгляд потускнел. Он бездумно принял оружие из рук охранника, сунул его за пояс и побрел к лестнице. Угрюм обвел всех на прощание злым, непокорным взглядом, остановился на Иве, сплюнул, многозначительно глядя ему в глаза, и отвернулся.

Ив медленно последовал за боссом вместе с его людьми. Он вытряхнул из кудрей пыль и мелкие камушки, оглядел заляпанную одежду. На руке уже запеклась чужая кровь, и оттирать ее было бесполезно. Пульс медленно начал приходить в норму, в ушах все ещё звенело, голова раскалывалась, а тело только сейчас начало подавать первые признаки усталости. Болели ребра и спина, лицо саднило после крепких ударов Марека. Он провел языком по зубам — новых дыр не появилось, и то хорошо. На новые зубы свои кровно заработанные он тратить не собирался, пока есть другие, жизненно важные вещи.

В тоннеле стоял густой запах железа и паленой кожи. Порченных оказалось немного, всего два или три десятка. Остальные, видно, предпочли вернуться в казармы. Не стоило их жалеть. Они сами виноваты. Не захотели соблюдать правила, пожелали большего, чем имели. Но жизнь так не работает. Нужно знать свое место, строго определенное империей, и не претендовать на чужое.

Среди трупов мутантов валялось и несколько охранников. Ив вдруг с дрожью подумал, что мог бы сегодня быть среди них, этих людей, умерших в сыром подземелье за чужую

идею. Но такие мысли нужно было гнать прочь, ничего хорошего они все равно не принесут. Нужно было думать о сестре и о ее новом сердце.

Кофе без кофеина оставлял на языке привкус стирального порошка. И это был самый вкусный напиток, который когда-либо пробовала Мила. Такой горячий, сладкий и сливочный. Хотя, разумеется, она не знала, какие сливки на вкус, но раз на упаковке значилось "богатый сливочный вкус", тот, кто придумал этот сублимат, наверняка знал, что делает.

Мила сидела, укутавшись в лоскутное одеяло, пила кофе и пыталась успокоиться. За окном давно уже опустилась ночь. Тысячи горящих окон, уличных фонарей и разноцветных вывесок отбрасывали на темно-синее небо оранжевые отсветы. Словно закат растянулся на всю ночь над улицами Огнева. И шум не прекращался ни на минуту. Даже сквозь закрытое окно с улучшенной звукоизоляцией пробивался гул никогда не спящего мегаполиса. Бывало, сами стены вибрировали и дрожали стекла, если мимо пролетал аэрокар какой-нибудь шишки. Владельцев аэрокаров можно было пересчитать по пальцам: транспортное средство имелось у мэра, у членов кабинета министров, а также у самых-самых богатых. Такие машины не производили в Огневе, их можно было заказать в Громе или Новом Оплоте — не ближний свет. Дорогостоящая транспортировка и баснословно дорогое обслуживание делали аэрокары предметом невероятной роскоши. Хотя в рекламе из года в год твердят, что в недалёком будущем каждый сможет иметь личный транспорт, пока что простые имперцы использовали для перемещения горизонтальные магнитные паромы, установленные между верхними этажами некоторых зданий. Все остальное по старинке — на своих двоих.

Мила же предпочитала иной способ путешествий: виртуальная реальность. Искусственный мир был почти идеален. Там она чувствовала себя сильной, уверенной. Там она была в безопасности. Могла быть кем угодно: солдатом на космическом корабле, вступившим в межпланетную войну, исследователем пустынь в поисках магических артефактов, рыцарем в альтернативном Средневековье. Говорят, в прошлом Технократическая империя обладала технологией полного переноса сознания человека в виртуальный мир. Если бы такая технология сохранилась до настоящего времени, Мила без раздумий прошла бы оцифровку.

Реальность никогда не была приятным местом. С тех пор, как она научилась понимать, что происходит, страх навсегда вошёл в ее жизнь, накрепко засел в мыслях. Страх мешал засыпать в одиночестве, заставлял просыпаться посреди ночи и бежать к комнате брата, чтобы убедиться, что он все ещё там. Страх сковывал мышцы при одной только мысли о том, чтобы покинуть квартиру. А если все же приходилось выходить на улицу, сердце грохотало так, что перекрывало шум многочисленных двигателей, замирало, когда рядом проходил человек или когда пролетал надзорный коптер. Она вздрагивала от любого внезапного звука и мечтала лишь поскорее вернуться обратно в малюсенькую, но знакомую и безопасную квартиру. Иногда страх как бы немного притуплялся, уходил на второй план, но потом возникал снова, принося с собой неизменную паранойю, тревогу и нервозность.

В присутствии брата Мила старалась быть (казаться) сильной. Она никогда бы не позволила себе нагрузить его ещё больше своими проблемами, ведь он и так практически тонул в них. Но как тяжело было каждый день провожать его, слышать щелчок закрывающейся двери и ждать, ждать следующего. Сидеть в пустой квартире и подскакивать от каждого звука за дверью, надеяться, что это брат вернулся, целый и невредимый, и

одновременно бояться, что вот сейчас за этой дверью стоит кто-то чужой, кто-то нехороший. Это сводило с ума.

Мила поднесла к губам чашку, как вдруг на лестнице кто-то хлопнул дверью. Девушка вздрогнула, кофе выплеснулся, а на одеяле осталось очередное светло-коричневое пятно. Она замерла, обратившись в слух. Тяжёлые шаги послышались совсем рядом с дверью, а потом вдруг затихли, будто кто-то остановился там, снаружи. Мила сглотнула подступивший к горлу ком, нащупала под одеялом рукоятку ножа и отчаянно в нее вцепилась, словно это могло добавить хоть каплю к ее силе и ловкости. Хвататься за нож уже вошло в привычку. Хотя девушка прекрасно осознавала, что ничего не сможет сделать в случае реальной опасности, просто так сдаваться она не собиралась.

Шаги за дверью возобновились, стали удаляться и через некоторое время все снова погрузилось в относительную тишину. Мила тяжело выдохнула — она даже не заметила, когда задержала дыхание. Что-то просто происходит само собой, как, например, рефлекс хватания ножа.

Брат все не появлялся. Он всегда приходил в разное время, и Мила никак не могла к этому привыкнуть. Она ждала его с того самого момента, как за ним закрывалась дверь. В первые часы все было неплохо, она надевала очки виртуальной реальности и погружалась в другой мир, в котором не нужно было бояться за свою жизнь или за жизнь брата, в котором она не была больной беспомощной слабачкой, обузой и тяжким бременем на плечах единственного оставшегося у нее родного человека. Не была порченной. Но чем больше проходило времени, тем чаще в голову лезли непрошенные мысли, что с братом что-то случилось. В конце концов она снимала очки, садилась напротив двери и всеми силами старалась успокоиться. Прямо как сейчас.

За окном уже начало светать, а Ив так и не вернулся. Заснуть Мила не могла. Попытки объяснить самой себе, что это такая работа, что не впервые он задерживается надолго, как обычно, ни к чему не привели. Неважно, что говорил разум, — страх всегда оказывался сильнее. Мила укрылась с головой любимым лоскутным одеялом, крепко зажмурилась и изо всех сил старалась не расплакаться от собственной слабости.

На лестнице вдруг снова послышались шаги, а потом опять — как и в прошлый раз — затихли прямо у ее двери. Сердце подскочило к горлу, ладони моментально вспотели, а в памяти всплыла утренняя новостная сводка о том, что в соседнем квартале ночью отряд Чистильщиков обшаривал квартиры. Не по чьей-то наводке, а в целях профилактики. Может, сегодня они проверяют ее дом?

Дважды щёлкнул замок. Кто-то вошёл в коридор и тихо, почти бесшумно прикрыл за собой дверь. Мила с облегчением выдохнула: брат всегда так делал, когда думал, что она спит. Иногда она притворялась спящей, но по-настоящему заснуть могла только после его возвращения.

— Ив, это ты? — позвала она на всякий случай.

— Чего не спишь? — устало откликнулся брат. Он повозился немного в коридоре, потом заглянул в ее комнату. На лице ссадины, разбита губа, майка вся в пыли. Под глазами темные круги, следы усталости и недосыпа.

Видимо, на лице Милы появилось обеспокоенное выражение, и брат поднял руку прежде, чем она успела хоть что-то сказать.

— Я знаю. Но у меня был дохрена тяжёлый день, я ужасно вымотался и почти не спал, так что хочу сейчас только в душ и прилечь. Так что давай, тоже спи.

Он закрыл дверь, не дав ей возможности сказать хоть что-нибудь, и пошел в душ. Немного кольнула обида, но Мила быстро отмахнулась от нее.

Общение у брата с сестрой уже давно шло тяжело. Раньше они были не разлей вода, доверяли друг другу все тайны и делились любыми мыслями. Но с возрастом брат стал отдаляться, да и у Милы появились свои секреты — точнее сказать, секретные страхи, — которыми она не собиралась грузить Ива. Молчать оказалось проще, чем попытаться объяснить другому то, что он все равно не сможет понять.

Ну а с тех пор, как Ив попал на службу к Тощему, они и вовсе перестали понимать друг друга. Ив всегда казался слишком серьезным (это добавляло ему возраста). Теперь он стал мрачным, отстранённым. Мила видела, как в нем растёт равнодушие, — и боялась этого. В то же время он вбил себе в голову мысль, что делает недостаточно, что должен делать больше для сестры, и злился, когда Мила просила его побереечь себя. Он не хотел ее слушать.

Они были словно незнакомцы. Два человека с кардинально противоположными взглядами на жизнь, вечно спорящие, но не способные понять друг друга просто потому, что слишком разные.

Мила проснулась из-за шума за дверью. Невозможно было сразу понять, утро сейчас или вечер. Девушка потянулась к плотной рулонной шторе и приподняла ее край. В комнату тут же пробился слепящий дневной свет, отраженный от многочисленных блестящих поверхностей высоток. Мила зажмурилась. Голова болела (как и каждый день вот уже пару месяцев), в уголках глаз собралась влага, и было полное ощущение, что заснула она не больше получаса назад.

Невероятных усилий стоило просто заставить себя встать с кровати. Она посидела немного на краю, дожидаясь, пока пройдет привычное головокружение. Потом поднялась и снова зажмурилась — накатила вторая волна слабости. Надела растянутую кофту поверх ночной рубашки. На узких плечах с тонкими руками кофта больше напоминала плед. Проверила, ровно ли держится на голове повязка.

Ив как раз выходил из ванной, когда она открыла дверь. В узком коридоре было не развернуться, и пришлось подождать, пока он закроет дверь, прежде чем выйти самой.

— Разбудил? — зевая, спросил Ив.

Он выглядел помятым, волосы растрепаны после сна, темные кудряшки торчат во все стороны, под глазами мешки. Чтобы прийти в себя, ему явно требовалось больше, чем несколько часов отдыха.

— Нет, — соврала Мила. Ежедневная мелкая ложь уже вошла в привычку. Потом она обратила внимание на его покрытые синяками ребра, оглядела ссадины на лице. — Ты в порядке?

Он, как обычно, отмахнулся.

— Забей.

Потом протиснулся мимо сестры на кухню, и она смогла разглядеть свежие фиолетовые пятна поверх старых шрамов. Ив поставил воду нагреваться и принялся перебирать таблетки в ящике с едой. Кинул на нее быстрый взгляд и проворчал:

— Так и будешь там стоять? Могу принести тебе кофе ко входу в сортир.

На лице Милы сама собой возникла улыбка. Кажется, пока что у брата было неплохое настроение. Значит, нужно быть осторожной в словах, чтобы очередной глупостью не вывести его. Но, к сожалению, портить настроение брату она умела лучше всего. Можно

даже сказать, что это такая особая суперспособность.

Ив поставил на стол две чашки с дымящимся светло-коричневым напитком, одну придвинул поближе к Миле.

— Без кофеина.

— Спасибо.

Брат поглядел на ее кофту, потом на повязку, которую девушка в последнее время практически не снимала.

— Что, тебе снова холодно?

— Нет, мне просто нравится, — в очередной раз соврала она. В горле резко пересохло от одной только мысли, что нужно рассказать брату про выросты. Она убрала под стол дрожащие руки и поспешно сказала: — Расскажи лучше, что случилось.

— Так, поцапался с одним парнишкой, — с явной неохотой ответил Ив.

— А... какая причина?

— Разногласия по поводу мировоззрения, — проговорил он, опутив глаза. Значит, считает себя виноватым, и от дальнейших расспросов Мила решила отказаться.

Ив сделал глоток и зашипел, с громким стуком опустил чашку на стол, едва не расплескав содержимое. Проверил языком потрескавшуюся губу и сморщился.

— Обработать бы...

— Само заживёт.

Мила не стала слушать брата. Вечно он так: на себя плевать, а ей таблетки пихает после каждого чоха. С универсальной заживляющей мазью в руке она склонилась над ним и принялась обрабатывать ссадины на лице прежде, чем он успел выразить протест. Щеки, лоб и подбородок покрывали старые, еле заметные отметины. Мила знала каждую из них и помнила те времена, когда вот так же, как сейчас, стояла над братом после очередной уличной драки. Помнила, как не могла унять дрожь в руках, когда впервые пыталась вправить мальчику сломанный нос, или как ковырялась ржавым пинцетом у него во рту, вынимая из десны остатки раскрошившегося зуба. Тогда все, что было доступно для обработки, — бурая вода из-под крана и надежда, что все обойдется. Подступила дурнота, но Мила быстро справилась с ней.

— Теперь вставай и повернись к свету.

— Да хватит уже...

— Не ворчи. На лопатках кожа содрана. И спина вся синяя.

Мила выдавила горошину прохладной мази из тюбика и втерла в красную припухлость на плече. Бросила взгляд на сгиб локтя, где родная рука переходила в искусственную. Пробрала дрожь, которую едва-едва удалось скрыть.

Это было одно из самых кошмарных воспоминаний. Когда брату отрубили первую руку, он пришел домой, покачиваясь, из последних сил держась на ногах. Из обрубка лилось, словно из открытого крана. Он сполз по стене и потерял сознание. Мила не знала, что делать. В ужасе она металась по комнате в поисках лекарств и тряпок. Кое-как удалось остановить кровь. Но она знала, что пары просроченных таблеток от боли недостаточно, чтобы исправить положение. Что могла сделать в одиночку маленькая девочка без единого юни за душой? Со слезами на глазах она стучалась во все подряд двери квартир, умоляя соседей хоть чем-нибудь помочь. Через несколько часов бесплодных попыток она в отчаянии опустила на лестницу и зарыдала. Потом какой-то мужчина кинул ей под ноги аптечку, лишь бы только заткнулась и убралась подальше.

Брат провалялся в лихорадке почти две недели, но рука медленно начала заживать. Когда ему отрубили вторую, Мила уже знала, что делать.

— Ну, так-то лучше, — бледно улыбнулась девушка, убирая мазь обратно в ящик. — Как раз и кофе остыл.

— Спасибо. — Ив опустился на стул, потянулся к чашке и тихо добавил: — Все никак не могу привыкнуть, что лекарства больше не нужно экономить.

На кухне повисло подавленное молчание, вызванное общими неприятными воспоминаниями. Те времена перемололи каждого из них на мелкие кусочки, переделали. Как ни старайся, не получится уже из кусочков снова собрать что-то целое.

Тишину оборвал сильный, уверенный стук в дверь. Мила вздрогнула, впиалась округлившимися глазами в брата.

— Ждёшь кого-то? — внезапно севшим голосом спросила она.

— Нет, а ты?

Кого она могла ждать. Ив подошел к двери. Казалось, он ничуть не переживает. Он заглянул в приоткрытую щель, потом распахнул дверь настежь и проворчал:

— Надо же, оказывается, ты умеешь стучаться. Зачем пришел?

Проход полностью загородила чья-то массивная фигура. Мила не видела его лица: из-за широкой спины в коридор не мог проникнуть свет, и гость представал громадной темной глыбой.

— Да вот слышал я про вчерашнее веселье, — хриплый, грубый голос моментально прокатился по помещению, — не терпелось узнать все из первых рук.

— И зачем было тащиться сюда? — недовольно поинтересовался Ив, все ещё стоя в проходе.

— Не бойся, не слишком утомился, — усмехнулся здоровяк.

Ив шумно выдохнул и пропустил гостя. Мила припомнила немногочисленные рассказы брата и определила, что это его напарник, четырехрукий порченый Шлак.

— Как-то тут места маловато, — заключил он, протискиваясь по узкому коридору. Ему пришлось повернуться боком, чтобы не задевать руками стен. — И как вы тут вдвоем уместаетесь? — Он зашёл на кухню, увидел Милу и протянул: — А-а, теперь понятно.

Девушка не удержалась и прыснула. Обычно она настороженно относилась к незнакомцам и редко могла вымолвить хоть слово, но тут сказалось напряжение, и смех был чем-то вроде вздоха облегчения. Шлак, видно, истолковал его по-своему, и ещё раз, более внимательно оглядел девушку. На его исполосованном шрамами лице растянулась ухмылка, янтарные глаза казались слегка безумными, а грудa мышц, скрытая под плащом, не могла не внушать трепет. Тем не менее Мила собрала всю силу в кулак и не отвела взгляд.

— Стульев больше нет, — сказал Ив, проходя между ними.

— Даже если б и были, вряд ли что-то такое сможет выдержать мою тушу. Да тебя знатно отделали! Жаль, я пропустил все веселье.

Ив выразительно кашлянул, Шлак поднял брови и заговорщически кивнул:

— Понял, горло болит.

Мила снова рассмеялась и пояснила:

— Брат не хочет посвящать меня в свои дела.

— О чем же вы тогда разговариваете?

Повисло неловкое молчание. Ив уставился в пол, потом обернулся к сестре и выжидательно на нее поглядел. Мила со вздохом поднялась.

— Ладно, ладно. Пойду к себе.

Ив сложил на груди руки и откинулся на стуле. Было немного совестно, что он вот так прогнал сестру, но ей незачем знать подробности работы. Расстроится ещё, а то и разочаруется.

— Говори уже, зачем пришел.

— Передать привет от босса, благодарности и все такое. Ты же, вроде как, предотвратил побег ублюдков, задержал староверов и в одиночку раскидал кучу противников.

— Все не так было...

— Он, наверно, захочет сказать тебе что-то такое лично, потом. А пока просто просил передать, что даёт тебе несколько свободных дней и вызовет, когда понадобится. Все равно сейчас дел особых нет. Все притихли после той заварушки. Порчи сидят по углам и не высовываются. Во всех казармах уже знают о том, что случилось.

— Да ну?

— Ага. Босс же потом пригнал бригаду порчей в тоннель, чтобы те убрали трупы и кровь отмыли. Ну и потом слух пошел, что Тощий грохнет всех, кто так или иначе связан с этим делом. Помнишь, ты списки грузчиков собирал, которые со староверами работали?

— За восемь лет список-то внушительный оказался. Половина из них, правда, уже свое отработала.

— Ага. Теперь и вторая половина того, к концу подходит. Кое-кого еще в тоннеле положили, а тех, кто остался, уводят в допросные. И оттуда они уже не возвращаются.

— А сколько в итоге порчей в тоннеле перестреляли?

— Да кто ж их считает? Может, тридцать. Наших всего четверо подохло. Пожалуй, мы б там и вдвоем справились, а?

Ив промычал что-то неопределенное, потом добавил:

— Почему так? У них же были пушки, у половины так точно, я сам видел. И не какие-то маломощные светлячки.

— Просто порчи тупые. Не все даже смогли с предохранителя снять. А кто снял, палили наугад, не целясь. Хотя, может, и целились, — хохотнул Шлак, — но с первого раза редко у кого получается. Мы всей толпой глядели записи с камер на базе, их Игрок сохранил.

Значит, план с самого начала был провальным. На что рассчитывали староверы? Разве что уйти незаметно, чтобы не нужно было ни в кого стрелять. По спине Ива пробежал холодок от мысли, что только его чутье помогло предотвратить побег.

— Чую, — снова заговорил Шлак, — скоро рейды Чистильщиков станут ежедневными. Рабочей силы знатно так подсократилось, а токсичные отходы сами себя не переработают. Если и остались в городе порчи, их всех переловят в ближайшие дни.

— Что-то я не слышал, чтобы за последнее время обнаружили хоть одного.

— Прячутся. Кто-то же вешает гребаные листовки. Ну да это не наша проблема. Босс говорит, тебя ждёт новое назначение. Так что поздравляю, теперь ты тоже чей-то босс. Неплохо, а? Хотя я лично ненавижу перемены. Только привык с тобой работать. Вдруг мне подсунут какого-нибудь бесячего идиота? Я ж ему случайно мозги вышибу, потом оправдывайся перед Тощим...

— Ой, прекрати, шас расплачусь.

— Вот же зануда.

С высоты все выглядело иначе. Верхушки небоскребов сверкали в лучах полуденного солнца. В стеклах, очищенных от пыли и копоти, отражались соседние здания. Кое-где на плоских крышах были оборудованы зоны отдыха с зелёным травяным покрытием и живыми растениями, которые отбрасывали тени на бассейны с прозрачной водой. Кое-где лениво вращались ветряки с широкими лопастями и ещё другие, похожие на барабаны. Солнцеуловители незаметно двигались вместе с тусклым светилом. Чуть ниже можно было разглядеть, как по застекленным мостам перемещаются от здания к зданию магнитные паромы. Пожалуй, с такого угла Огнев выглядел как настоящее чудо архитектурной и инженерной мысли, которое вот уже много веков процветает посреди разоренных пустошей.

— Наслаждаетесь видом, господин теневой барон?

Тощий натянул на лицо дежурную улыбку и отвернулся от окна. В комнату зашла немолодая женщина со светлыми кудрями и прямой осанкой. На ней был красный деловой костюм с прямой юбкой до колен и каблук, однако даже с ними ее макушка не дотянула бы до плеча Тощего.

— Прошу вас, мэр Карина, это ведь не титул.

— Я могла бы обращаться к вам по имени, если бы вы соизволили его назвать. К тому же, с теми темпами, с которыми вы наращиваете власть, скоро это действительно может стать титулом.

Тощий улыбнулся чуть шире, в синих глазах появился угрожающий огонек.

— Предлагаете сбавить обороты?

Улыбка Карины слегка побледнела, и она поспешно ответила:

— То, что происходит внизу, меня не касается, пока это остаётся внизу.

— Рад слышать. А что до имени: данная информация никак не влияет на наше многолетнее продуктивное сотрудничество, поэтому продолжим считать ее лишней. Как вам прекрасно известно, все называют меня Тощий, и меня это вполне устраивает.

— Как скажете. — Женщина бросила взгляд за плечо, на двоих телохранителей, которые стояли у двери. Подняла ладонь, приказывая им, чтобы оставались на месте, потом кивнула в сторону стола: — Прошу.

Мэр и теневой барон расположились напротив, по разные стороны толстой эпоксидной столешницы. Вдоль стен переговорной комнаты в длинных ящиках были густо насажены растения, от них шел странный, непривычный запах влажной почвы. С лёгким гудением работали очистители, увлажнители и рециркуляторы, чтобы сделать воздух в помещении максимально комфортным. Сегментированные окна во всю стену создавали ощущение простора — нечто прямо противоположное тем ощущениям, которые вызывали темные подвалы базы.

— Даже не верится, что мы все ещё в Огневе, — заметил Тощий, глядя в окно. — Понимаю, почему все так хотят наверх.

— Но не вы?

Мужчина качнул головой.

— В моем возрасте любые перемены воспринимаются болезненно. А вы, мэр, бывали внизу?

— Да, возможно, пару раз, — наморщила лоб Карина, — но в этом нет особой необходимости. Все мои дела здесь.

— А дело, ради которого вы решили обратиться ко мне?

— Сейчас покажу.

Карина положила на стол складной планшет, поискала в нем что-то, потом вывела изображение на встроенный в столешницу экран. Стол потемнел, на нем появились снимки, сделанные с вершины стены. Сначала теневой барон решил, что это какая-то птица, и только увеличив изображение понял, что с ней что-то не так. Лысая голова удивительно походила на человеческую, а около крыльев торчали несуразные кривые руки. В ожидании он поднял взгляд на мэра.

— Несколько дней назад со стены была замечена некая неизвестная... тварь. Как видно на фото, существо похоже и на птицу, и на человека одновременно. Это точно не порченый. Мы думаем, тварь по интеллекту ближе к животным. Наверно, одна из тех нечистей, мутировавших после Катастрофы животных, которыми кишат леса. Летает она очень высоко. Хотя ни разу не подлетала к краю стены слишком близко, многие начали беспокоиться. — Карина невесело усмехнулась. — Если тварь переберется за стену, начнется ещё одна катастрофа.

— Да, я слышал что-то такое от своих людей, — небрежно бросил Тощий. Судя по всему, мэр позвала его, чтобы сделать некое предложение, и ей совсем ни к чему знать, что барон и сам подумывал заняться тварью.

— Пулеметы на стене ее почему-то не видят. Ни те, которые реагируют на движения, ни те, что реагируют на тепло. Дозорные пытались стрелять, но... — Женщина развела руками и поморщилась. — В общем, нужно уничтожить тварь, и мы хотели бы поручить это вам.

— Надо же, — с иронией приподнял бровь Тощий, — настал день, когда подвела и имперская техника, и имперские солдаты. Теперь вся надежда на бандитов и убийц.

Карина скрестила на груди руки.

— У вас есть право отказаться, и мы выделим своих людей. Однако мне кажется, что ваши более подготовлены для решения таких вот задач. Придется выйти за стену, потому что гнездо у твари где-то внизу. Среди ваших людей ведь есть те, кто уже там бывал?

— Мусорщики? Мы сотрудничаем, но вряд ли их можно назвать *моими* людьми.

— Ну, в любом случае, потеряться там сложно, — пожалала плечами Карина. — Примерное место обитания вам пришлют, и, конечно, город оплатит все хлопоты. Так вы готовы взяться?

— За достойную награду мы будем рады помочь любимому городу, — улыбнулся Тощий.

— Только, пожалуйста, пусть ваши люди не особо об этом распространяются. — Карина подалась вперед и понизила голос. — Если народ узнает, что власти воспользовались силами наемников, неминуемо поползут слухи. А слухи нам ни к чему. Слухи вызывают волнения. Вдруг люди подумают, что власть слабеет, что стена больше не может их защитить? — Женщина покачала головой. — Этого нельзя допустить.

Разумеется. Огнев много лет держится лишь на слепой убежденности жителей в том, что город — самое безопасное место. Периодически власти скармливают народу истории о путешественниках, трагически погибших за стеной, чтобы люди не забывали, зачем, собственно, нужна эта стена. Она защищает, а не удерживает. А для тех, кто все же хочет испытать удачу снаружи, есть Южные, Северные и Западные ворота, через которые

официально разрешено пройти любому, если имеется допуск. А уж как его получить, это совсем другая история. К счастью, отчаянных безумцев, которые пытаются покинуть Огнев, немного. Люди предпочитают жить как жили в известном и понятном мире, чем рисковать потерять все то небольшое, что у них есть. Любая определенность лучше пугающей неизвестности.

Но что будет, если даже здесь, за стеной, в жизни появится неопределенность? Тощий хорошо понимал ход мыслей мэра. Оставишь тварь в покое — поползут слухи, что город не в состоянии защитить жителей (а раз так, им незачем здесь оставаться). Если отправить за стену отряд полиции или ещё каких представителей официальной власти, и они уничтожат тварь, то сами решат, что город им для защиты не нужен. А если этот отряд погибнет, народ опять-таки обвинит власти в несостоятельности. Поэтому куда проще воспользоваться силами неизвестных и никому не нужных наемников. Уничтожат тварь — можно сделать вид, что ее и не было никогда. Умрут сами — что ж, минус парочка преступников.

Пока теневой барон со своими возможностями будет полезен городу, трогать его не станут. В этом и есть смысл многолетнего взаимовыгодного сотрудничества верхней, официальной власти и нижней, теневой.

— И никаких трофеев! — строго добавила мэр Карина. — Никто не знает, какую заразу переносят твари.

Шум толпы проник за закрытую дверь, в крохотную каморку, где Шлак ждал начала боя. Кровь кипела от предвкушения. Сложно было усидеть на месте. Чтобы хоть чем-то занять себя, пока в зале идут последние приготовления, он закурил самокрутку.

Судя по голосам, зрителей собралось много. Ещё бы: бой между двумя многорукими мутантами, каждый из которых уже стал городской легендой. Возможно, бой даже будет транслировать по защищённым каналам сети. При мысли о том, сколько людей сегодня увидят его, губы Шлака сами собой расползлись в улыбке.

Он ненавидел всех, кого-то чуть больше, кого-то чуть меньше. Ему нравилось видеть на лицах ужас. После каждого боя он смотрел в толпу и ощущал ее трепет. Страх в глазах пришедших за острыми ощущениями ублюдков, которые пытались скрыть его за маской восторга. Страх в глазах противника, который превосходит даже страх смерти. Он питался этим, он хотел ещё.

Когда-то давно он впервые вышел на ринг, будучи худощавым несмышленьшем без имени и будущего. Он был всего лишь развлечением для обиженных жизнью низов, гниющих отбросов общества на помойке, называемой нижний город. Посмотреть, как дерутся двое сироток-уродов, собралась едва ли половина того количества, что ждала его появления сейчас. Это был пропитанный потом и спиртом подвал одного из заводов, гудящий днём и ночью так, что заглушал крики внутри. Липкий пол от спекшейся крови и прочих жидкостей. Тусклая лампа, в свете которой раскрасневшиеся от жары, искривлённые диким восторгом и ненавистью лица казались нечеловеческими.

Мальчику, которого выпихнули на ринг, было страшно. Он впервые видел своего противника, такого же худого и напуганного. Тот ничего ему не сделал, но должен был отхватить, потому что так решили другие. Мальчик бил своего противника, потому что иначе избили бы его. Потом, стоя над маленьким окровавленным телом, он посмотрел в толпу и впервые в жизни увидел на лицах людей что-то помимо презрения.

Странно, но Шлак не мог вспомнить, когда впервые понял, что ему это нравится. Бои для него стали единственным шансом доказать себе и всем остальным, что он не какой-то слабак. Он хотел, чтобы те, кто считал его грязью и пустым местом, боялись его. После каждой победы презрения и равнодушия становилось все меньше. В конце концов его стал бояться даже хозяин, которому тот приносил огромные деньги своими победами. Его начали выставлять на бои с противниками куда старше и мощнее. Так бы он и сдох, не вмешайся Тощий.

Босс не презирал его и не боялся. Он давал ему достаточно свободы и возможность распоряжаться своей жизнью как угодно. Выходить на ринг по собственному желанию, а не по приказу хозяина. У паренька, который только убивать и умеет, появилась перспектива дожить до тридцати.

Шлак потушил окурок о стену и бросил в угол. Размял плечи и запястья. Он был в одних штанах, босиком, как предписывали правила. Оружие использовать не разрешалось, однако про механический протез никто и слова не сказал. У Шлака был простой, металлический, без искусственной кожи сверху, без встроенного оружия. Он заменял левую нижнюю руку, от которой всегда были проблемы из-за ее недееспособности. Ещё один подарок босса.

В дверь постучали. Он вышел в коридор, к сопровождающему. Устрашающего вида мужик поспешно отступил на несколько шагов назад. Шлак усмехнулся этому и медленно двинулся к свету.

При его появлении толпа приветственно взревела. Огромный зал был битком набит богатеньким ублюдками, которым не доставало в жизни красок. Все они пришли поглядеть, как два мутанта изобьют друг друга до смерти, пока сами остаются за толстой сеткой с дорогущими коктейльчиками в руках. Их интерес в победе одного из порчей ограничивался лишь сделанной ставкой. А потом, независимо от результатов боя, эти надутые уроды пойдут натягивать своих тёлочек, чтобы выплеснуть возбуждение от вида чужой крови. Шлак презирал их всех. Вот где настоящая гниль.

Среди одинаковых, ничего не значащих лиц громила разглядел и несколько знакомых. Босс стоял чуть подальше от сетки со своей вечной полуулыбкой, рядом с ним как обычно мрачный, немного ссутулившись, стоял Ив. Шлак не мог бы сказать почему, но он рад был видеть этих двоих сегодня. Босса окружали и другие его люди: верзила Белый — жирный и потный, красный от жары, неразлучная компашка — Арахна и Жесть, и ещё парочка шавок. Эти-то наверняка надеялись посмотреть, как Серафим его грохнет. Шлак улыбнулся шире, предвкушая удовольствие, с которым совсем скоро увидит страх на их лицах.

Толпа снова взревела, приветствуя второго порченого. Шлак обернулся к нему — и все остальное перестало иметь значение. Внутри закипела ненависть и дикое желание размазать лысую башку Серафима по бетону.

Шестирукий вышел на ринг с выражением полнейшего безразличия на вытянутом лице. Его бесцветные губы были изогнуты книзу, острый подбородок чуть приподнят. Он развел руки в стороны и пробежался пустым взглядом по толпе.

— Показушник, — процедил Шлак.

Серафим повернул к нему лицо и приподнял бровь.

— Ага, это я тебе, хрен недоделанный. Молчишь?

Серафим пожал плечами, и Шлак растянул перечеркнутые шрамом губы в широкой ухмылке.

— Ну молчи. Посмотрим, сколько ты выдержишь.

Серафим все с тем же выражением закатил глаза, показывая свое отношение к угрозам противника. Хорошо, решил Шлак. Так даже веселее. А вот подохнуть после всего этого будет совсем не весело.

Краем сознания Шлак уловил сигнал к началу боя и не теряя времени кинулся на противника. Серафим уклонился от первых ударов, потом перехватил две правые руки Шлака, пропустил удар левыми, но хватку не ослабил. Отвел в сторону левые и одновременно врезал кулаком в живот, одним, вторым. Шлак навалился на него всем весом, и Серафиму пришлось отступить на шаг, чтобы удержать равновесие. При этом он не перестал колотить кулаками. Шлак навалился ещё, и шестирукий снова отступил. Оба тяжело дышали от напряжения.

Шлаку больших усилий стоило не складываться пополам после каждого удара в живот. Он резко ослабил натиск, немного отступил и потянул противника на себя и вниз. Серафим не успел высвободиться и налетел грудью на коленку Шлака, воздух со свистом вышел сквозь приоткрытые губы, пальцы на миг ослабли. Не дав противнику опомниться, Шлак принялся колотить его по ребрам, животу и лицу. Серафим пропустил несколько ударов, пошатнулся и нырнул в сторону. Одновременно с блоком врезал Шлаку по лицу, плечу и

грудь тремя кулаками, заставив теперь его отступить. Оба замерли на пару секунд, приходя в себя.

Из рассеченной брови и уголка рта Серафима текла кровь. Шлак тоже чувствовал металлический привкус во рту. Он провел языком по острым зубам и сплюнул кровавый сгусток. Улыбнулся.

Шестирукий больше не выглядел скучающим. Он хмурил брови и хрипло дышал через рот. Его стиснутые кулаки подрагивали от напряжения, на теле блестел пот.

— Устал? — усмехнулся Шлак.

Серафим вместо ответа набросился на него. Шлак попытался закрыться, но противник превосходил его по количеству рук. Удары сыпались в беспорядке по всему телу. Шлак не мог предугадать, какие руки задействует противник, уследить за ним было невозможно. Пришлось немного отступить. Шлак решил сосредоточиться только на одной руке противника, выждал момент и перехватил ее двумя руками, потом ушел резко вбок и врезал ногой по спине противника. Послышался лёгкий хруст, рука вышла из сустава и бесполезной плетью повисла вдоль бока Серафима. Тот зашипел, прижимая ее к телу. Шлак рассмеялся.

— Нет, ублюдок, этого мало!

Они снова сцепились, беспорядочно колотя друг друга. Шлак почти не ощущал боли. Он к ней уже давно привык. Он чувствовал только дикую ненависть с примесью восторга.

Серафиму удалось зарядить ему в глаз, на миг все потемнело, потом закружилось, и Шлак не успел опомниться, как оказался притиснутым к сетке. Серафим снова перехватил его руки и дубасил по лицу оставшимся свободным кулаком. Шлак попытался смогрнуть с глаза кровь, но понял, что не может разлепить веки. Он саданул коленом противнику между ног, напрягся и грохнул Серафима о сетку. Тот перестал бить, но рук не выпустил. Тогда Шлак вцепился ему в щеку зубами, вырвал кусок и выплюнул. Оскалился, глядя на Серафима. Потом рассмеялся. В янтарных глазах порченого показалось безумие, зубы и подбородок окрасились своей и чужой кровью.

Серафим глядел на него широко раскрытыми глазами. Впервые Шлак видел на его лице ужас. Это придало сил. Шлак перехватил одну из рук противника и с хрустом сломал ее о коленку. Неровный край кости проткнул кожу, хлынула кровь. Восторг. Серафим раскрыл рот с гримасой боли, и стало видно, что у него искалечено горло. Он мог только шипеть и слабо мычать, но и этого Шлаку было достаточно.

Вот она, настоящая жизнь. Заглянуть в глаза противнику, который готов был тебя убить, и увидеть, что тот уже глядит на собственную смерть.

Шлак врезал шестирукому по лицу, потом ещё раз. Тот шатался и отступал. Из дыры в щеке сочилась кровь, были видны стиснутые зубы. Шлак схватил Серафима за руку и перекинул через плечо, надавил — рука хрустнула. Потом Шлак упёрся ногой в спину противника и потянул его руку вверх. Не сразу, но кожа у плеча лопнула, рука оторвалась, обдав фонтаном брызг первые ряды зрителей.

Мутант расхохотался. Он лупил лежащего в луже крови противника оторванной рукой, пока тот не перестал дергаться, потом отшвырнул конечность и улыбнулся, глядя, как вздрогнули и отшатнулись люди, когда рука ударилась о сетку прямо перед их лицами.

Ив поморщился. Он никогда прежде не видел Шлака таким. Порченный творил полнейшую дичь, и всем вокруг это нравилось. Люди орали, выли, свистели, гремели сеткой. Ив презирал их. Происходящее на ринге было для них не более чем способом расслабиться, получить новые эмоции, разбавить серую и скучную обыденность чем-то зрелищным. От

осознания, что город полнится такими вот уродами, делалось тошно. Он и сам себе был противен: зачем-то притащился сюда и стоит теперь посреди этой грязи, пытаюсь ещё делать вид, что чем-то от них отличается.

Он сжал кулаки в карманах, опустил глаза к полу и вздохнул. Скоро все это закончится. Нужно потерпеть. И главное, не показывать слабости, особенно когда вокруг полно шестёрок Тощего. Ив снова поднял глаза к рингу, проклиная город, в котором сочувствие считается слабостью, а жестокость нормой.

— Зачем он это делает? — обратился он к Тощему, когда бой был закончен.

— Это его ответ миру. — На лице теневого барона проступило что-то похожее на печаль. — Он не может иначе. Но не думай, что Шлак родился таким, хм... жестоким. О, нет, мальчик мой, никто не выбирает, каким ему стать. Он стал такими, каким его сделали люди.

— Всегда есть выбор... — невнятно пробормотал Ив, чувствуя при этом себя паршивым лицемером.

— Выбор у него был один: прогнуться или умереть. Когда с самого детства тебя натаскивают на кровь, как собаку, когда избиение можно прекратить только ответным ударом, поневоле начинаешь ненавидеть всех подряд. Его прежний хозяин был отвратительным ублюдком, обращал на мальчика внимание лишь после победы, а в остальное время просто не замечал его. Шлак был для всех пустым местом, игрушкой, которую выкинут без сожаления, как только она сломается. И ринг стал единственным местом, где он не чувствовал себя таковым. Бедный мальчик решил, что если мир хочет видеть его убийцей, он станет самым лучшим. Так он добивается признания.

— Но он уже давно не мальчик.

— Да, но ненависть никуда не денется. Он ненавидит себя больше, чем всех остальных, но не знает, как это изменить. Поэтому кидается в бой в надежде получить что-то, а в итоге только теряет. — Тощий хмыкнул и пожал плечами. — Такова жизнь. Не стоит осуждать кого-то за то, каким его сделало общество. Всегда есть причина. — Босс взглянул на Иву, выразительно приподняв бровь. — Ты и сам не понаслышке знаешь, что бывают такие переломные моменты, после которых уже не получится стать прежним. Иногда нужно просто смириться с тем, что ты не можешь изменить, и научиться извлекать из этого пользу.

— Пользу? — севшим голосом проговорил Ив. Он глядел через металлическую сетку на порча, который после многих лет совместной работы почти что стал его единственным другом, и ничего не понимал. Какая ещё польза? — Он же натурально вырвал у чувака руку и отхреначил его ею до смерти.

— Ага, — довольно улыбнулся босс. — Видишь, сколько народа пришло на это поглядеть. Каждый заплатил за вход, плюс процент от ставок. Деньги — вот тебе и польза. — Потом его улыбка погасла, сменилась серьезным выражением. Он снова обернулся к Иву. — Но знаешь, парень, мне кажется, что даже такому как Шлак — одиночке и отщепенцу, которого никогда нигде не примут, — нужен кто-то вроде тебя. Понимаешь? Кто-то, кто не считает его пустым местом.

— Пф, но мне-то он не нужен!

— Да ну?

Вечером Огнёв казался чуть более сносным, чем при свете дня. Уже не такой убогий и занюханый городишко, готовый вот-вот развалиться на части. Сумерки скрывали копоть и грязь, ржавые потёки на щербатых стенах, мусор, гниющий в подворотнях, с которым не справлялись механизированные уборщики. Впереди и по бокам сплошной стеной возвышались здания, верхушки которых ярко сверкали где-то высоко, подобно звёздам, которых не было видно с земли и о которых иногда говорили в старых фильмах. В полотне бетона миллионом глаз светились холодным светом окна. И чем выше, тем больше было света. А здесь, внизу, свет вроде бы и не требовался вовсе.

Ив шёл по полупустой улице, и в голове у него была полнейшая каша. По пути попадались такие же, как и он, тёмные молчаливые фигуры, глядящие себе под ноги. Интересно, они тоже с чем-то смирились в своей жизни, или всё ещё продолжают бороться в надежде, что смогут что-то изменить? Хотя какая уж тут борьба. Открывать глаза по утрам — это можно считать борьбой, или, наоборот, смирением?

Ив помотал головой в попытках отогнать от себя несвойственные мысли и ускорил шаг. Дома ждала Мила. Они и так почти не разговаривали в последнее время — или, пожалуй, последние несколько лет. Ив постоянно был занят, а когда возвращался домой, больше всего ему хотелось побыть в одиночестве. Сестра сказала правду, что работа на теневого барона сильно изменила его. Или, может, перемены начались куда раньше. В любом случае, как заметил Тощий в их недавнем разговоре, некоторые моменты меняют людей безвозвратно.

Дорога привела в оживленный район, практически центр. Ещё немного — и впереди покажется тот самый "Бар на Перекрестке". Ив бездумно двинулся к нему.

В клубах поднимающегося из-под земли пара над головой пролетел поисковой дрон: круглая шпуковина с камерой и системой распознавания лиц. Никто и не взглянул на него. Жители нижнего города, кто в респираторе, кто в простой маске или вообще без всего, стояли группами под тусклыми фонарями, болтали о своей обыденности или просто курили, пустыми глазами таращась в пустоту. На их лицах мелькали отсветы огромного экрана, бесконечно крутящего рекламные предложения.

Ив остановился и поднял голову.

— Сознательный гражданин — образцовый гражданин, — уверенно вещал бодрый женский голос, пока на экране сменяли друг друга изображения порченных детей и нормальных. — Только общими усилиями мы сможем спасти человеческую расу от вырождения! Центры Чистоты — это гуманно, безболезненно и эффективно, а главное бесплатно. Просто оставьте ребенка в специальном отсеке — и мы позаботимся обо всем остальном! Центры Чистоты расположены в каждом...

Ив накинул на голову слетевший капюшон и двинулся дальше. Скоро впереди сквозь дымку показалась неоновая вывеска бара. Мелькающий разноцветный свет из окон падал на потрескавшееся дорожное покрытие, ночных посетителей и простых бродяг.

Внутри играла ритмичная музыка, и десятки голосов пытались ее перекричать. Ив снял респиратор и подошёл к эпоксидной барной стойке, которую подсвечивала изнутри светодиодная лента. Парнишка-бармен мешал длинной ложкой бурую жидкость в стакане и расслабленно покачивал головой в такт музыке. Кивнул новому посетителю и указал на

голографическое меню сбоку.

— Простой сублимированный виски.

Бармен с интересом взглянул на Ива, не переставая мешать. У парня был черный ирокез, черный пирсинг на переносице и кольцо в нижней губе. Он ухмыльнулся и протянул:

— Ску-учно. Попробуй лучше что-нибудь необычное.

— Например?

Бармен принялся загибать пальцы:

— Есть самодельный шнапс...

— На картофельных очистках?

— Не, не, на сухом картофельном пюре. — Ив поморщился, и бармен загнул следующий палец: — Есть коньяк, выдержанный в канистрах с дубовыми досками. Есть яблочное вино. Кстати, ничего такого, рекомендую.

— И что, прям на яблоках?

— Ага. Ну, на местных, конечно, от "СинАгроКом". С подсластителем. Чесслово парень, ничего вкуснее ты здесь, внизу, не найдешь!

Ив устало вздохнул:

— Ладно, давай.

Бармен весело кивнул, вытащил пятилитровку из-под стойки и до краев наполнил стакан, дёргая при этом ногой под музыку.

— Ну, другое дело! — Он шлёпнул стакан перед гостем, и вино слегка пролилось за край. Не глядя бармен быстро смахнул жидкость тряпкой. — Скоро, парень, сублиматы уйдут в прошлое. Вот увидишь, с расширением гидропонных ферм на рынке появится больше натурального.

— Мы внутри стен. Растить здесь некуда, — заметил Ив и пригубил напиток. На вкус он оказался кисло-сладким и после себя оставлял привкус гнили, довольно слабый, так что можно было не обращать на него внимание. Ив поднял взгляд на улыбчивого бармена. — Сублиматы вкуснее.

— Ну-у... требует доработки, да? — Парень хохотнул. — Жизнь слишком коротка, чтобы всякий раз заказывать то, к чему ты привык. Всегда полезно пробовать что-то новое, иначе как тогда поймёшь, что лучше?

Его неправдоподобно лиловые глаза замерли на несколько секунд. Видимо, формировал чек на встроенной системе учёта. Потом он протянул руку с браслетом и сказал:

— Полторы тыщи юни.

Ив поднес к руке бармена свой браслет для оплаты. Парень с ирокезом расслабленно кивнул и вернулся к своим делам, а Ив высмотрел свободное место и рухнул на стул.

Он не имел понятия, зачем вообще пришел сюда. Обычно в подобные места он заходил не в качестве посетителя, а по поручениям Тощего, и обычно ему не слишком-то были рады. Когда он только поступил на службу, другие работники Тощего, его вытасченные с улиц сиротки, звали Ива на компанейские посиделки, но он так и не принял ни одного приглашения. Не хотелось иметь с этими людьми ничего общего. Не хотелось никого узнавать больше необходимого минимума, и уж тем более раскрываться самому. В итоге редкие вылазки в бары он совершал в одиночестве в те моменты, когда необходимо было сменить обстановку.

Коллектор медленно потягивал яблочное вино, когда вдруг на персональном браслете высветился сигнал о поступающем вызове с незнакомого устройства. Ив порылся в карманах

в поисках наушника, прицепил его и принял вызов.

— Кто это?

— Слышно, а? Слышно меня? — раздался знакомый громоподобный голос.

Ив поморщился, подхватил стакан и пошел к выходу.

— Шлак? Чего тебе? Сейчас, погоди, выйду где потише. Откуда у тебя браслет?

— Одолжил у одного придурка здесь, на базе. Слушай, тут одно дельце появилось. Обещает быть интересным, и оплата неплохая.

— Какое ещё дельце, здоровяк? Тебя только что отмудохали шестью кулаками! У тебя глаз подбит и сломаны ребра! Если за эти полчаса ты не вылечишься каким-то чудом, то о каких делах может идти речь?

Шлак рассмеялся.

— Не парься, ничего со мной не будет. Вылазка только завтра, успею ещё оклематься.

— Да ты больной! Хотя бы неделю отлежался... — Ив устало провел рукой по лицу. — Так что за вылазка?

— Босс собирает людей, чтобы выйти за стену и прикончить ту тварь — ну, помнишь, о которой ещё староверы затирали? — летающую. Пошли, а? Вот веселуха будет! Платят полмиллиона юни.

Ив ненадолго задумался. С одной стороны, деньги никогда не лишние. Неизвестно, как скоро он сможет собрать первую выручку с района, над которым Тощий пожаловал ему шефство. С другой стороны, никто не знал, чего ожидать от твари за стеной. А неизвестность — это всегда риск. Что будет с Милой, если он умрет? Пожалуй, стоит отдать предпочтение проверенным способам заработка.

— Эй, ты ещё там? — загремел в ухе голос Шлака.

— Не надо так орать! Вот же... На дело не пойду и тебе не советую.

— Чего? — разочарованно протянул Шлак. — Ссышь? Испугался какой-то птички-переростка?

— Я не настолько отбитый и отчаянный, чтобы ввязываться во всякую сомнительную хрень, — отрезал Ив. — Все, отключаюсь.

Он вытащил из уха наушник и с тяжелым вздохом спрятал его в карман. Со стаканом в руках уселся на ступени шаткой боковой лестницы.

Всего лишь полчаса назад он оставил товарища в медицинском кабинете базы. Тот был весь в крови, с трещинами в ребрах, слепой на один глаз и без единого живого места на теле. И теперь он снова рвется в бой, как только услышал про тварь. Будто у него какой-то пунктик насчет убийства странных существ. После разговора с Тощим его безумное поведение стало чуть более понятным, но ведь всему должна быть мера. Кажется, он просто не может жить без этого. Постоянно проверяя границы сил, доказывает себе, что он не пустое место. Как далеко его может завести желание обрести признание?

Ив с удивлением обнаружил, что беспокоится за Шлака. Это было совсем лишнее в жизни, в которой и так хватает беспокойств. Ив полагал, что чем меньше людей к себе подпускаешь, чем меньше возникает привязанностей, тем проще. Поэтому, поступая на службу к Тощему, заводить друзей не собирался, ведь может случиться и такое, что когда-нибудь их придется убить. Каждому известно, какими методами теневой барон расправляется с предателями или с теми, кто стал ему бесполезен. От него уходят либо на пенсию, либо в крематорий.

Вдруг стало не по себе от мысли, что придется работать на Тощего до конца своих дней.

Не то чтобы у Ива были какие-то планы на будущее, просто он ни разу всерьез не задумывался о том, какие обязательства накладывает принятие помощи от теневого барона. В тот раз у него не было выбора, потому что никто в здравом уме не выберет умереть в корчах от заражения крови и обречь сестру. Тощий предложил помощь и работу, и Ив согласился не раздумывая.

Нельзя сказать, что до этого жизнь была правильнее. Нет, она с самого начала была паршивой, отвратительной, с привкусом гнили, к которому привыкаешь со временем, и он начинает казаться нормальным. Так что если бы кто спросил, жалеет ли он, что связался с Тощим, он бы ответил, что нет, не жалеет. Что тот момент, когда он валялся в подворотне с только что отрубленной рукой, не в силах даже остановить кровь, потому что второй руки тоже не было, и Тощий склонился над ним и предложил решение всех его проблем — вот этот самый момент был лучшим в жизни Ива.

Он не спеша допил яблочное вино, оставил стакан на ступенях, надел респиратор и побрел к дому.

Огнев рос в высоту, а не вширь, и потому путь из центра к окраинам не занял много времени. Ив скрипнул ржавой незакрывающейся дверью многоэтажки. В подъезде было темно — опять кто-то выкрутил лампу. Воняло мочой и куревом. На потрескавшемся затертом бетоне темнели пятна различного происхождения, какие-то давние, высохшие, какие-то совсем свежие. Ив приложил браслет к панели для вызова лифта — он не открывался всем подряд, а только тем жителям, у которых был к нему доступ, что сводило к минимуму загрязнение кабины и использование не по назначению. Узкий скрипучий лифт быстро преодолел четырнадцать этажей и после недолгой заминки открылся.

В квартире как всегда было темно и тихо. Ив захлопнул дверь и молча разделся в ожидании, что сестра вот-вот окликнет его из своей комнаты. Однако обычного приветствия так и не последовало. Сердце тут же ускорило от безотчётного беспокойства, а в голове начали возникать один хуже другого различные варианты.

— Мила? — тихо позвал Ив, стоя у закрытой двери. Все же самым вероятным оставался вариант, что сестра просто спит, хотя он не мог припомнить, чтобы она хоть раз спала во время его возвращения.

Когда она не ответила, Ив решил заглянуть в комнату, повинувшись какому-то своему внутреннему порыву. Свет из коридора через приоткрытую дверь упал на кровать. Ив с облегчением выдохнул. Сестра действительно спала. Она лежала на кровати, завернувшись в любимый лоскутный плед. Светлые волосы, перехваченные повязкой, разметались по подушке, вокруг глаз залегли глубокие тени, а впалые щёки казались до странности бледными. Ив постоял немного в дверях, прислушиваясь к её дыханию, однако поселившаяся внутри тревога все не давала покоя. В конце концов он подошёл к сестре и дотронулся рукой до щеки. Нахмурился, вспомнив, что его металлический протез не ощущает тепло, и коснулся щекой ее лба. Холодная.

— Мила! Эй, Мила!

Он принялся трясти сестру за плечи, сначала легонько, потом все сильнее, потому что она не реагировала. Паника подкатила к горлу, стало трудно дышать, трудно думать. Ив откинул одеяло, приложил ухо к груди.

— Ну же, просыпайся, сестрёнка!

Вроде, бьётся. Или это стучит в ушах учащенное сердцебиение?

Ив отстранился от сестры, обвел взглядом комнату. Нет, тут собственными силами не

справиться, ведь он понятия не имеет, что делать. Трясущимися руками он приложил к уху наушник, а на браслете набрал команду для вызова медицинской помощи.

— Отделение приема заявок медицинской помощи города Огнева, — откликнулся безэмоциональный голос автоответчика. — Помощь требуется вам или другому гражданину?

— Другому, — ответил Ив и поспешно добавил: — моей сестре.

— Назовите номер полиса медицинской страховки гражданина, которому требуется помощь.

— У нее... э... кажется... — судорожно пытался сообразить Ив.

— Не поняла вас. Пожалуйста, повторите.

— У нее нет страховки.

— В случае отсутствия полиса медицинской страховки, наша организация не несет ответственность за жизнь и здоровье гражданина.

— Что? В каком это смысле, мать вашу? — яростно зарычал Ив. — Просто пришлите аэрокар, я заплачу!

— Всего вам доброго! Берегите себя! — отчеканил равнодушный голос, и связь оборвалась.

Ив вырвал наушник и в сердцах швырнул его об пол. Никогда ещё не приходилось обращаться в официальные медицинские организации Огнева и, похоже, больше не придется. Но не понесет же он сестру на руках через полгорода в кабинет на базе? Конечно, понесет, вот только может быть уже поздно.

Ив рухнул на колени у постели сестры и в новом приступе отчаяния принялся трясти ее за плечи и хлопать по щекам. В глазах защипало, начала подкатывать тошнота.

— Давай же, сестрёнка, — прошептал он в ее тонкую руку, — пожалуйста.

Вдруг Мила дернулась, заморгала. Ив вцепился в ее ладонь и затаил дыхание, с какой-то недоверчивой радостью наблюдая пробуждение сестры.

— Брат? — слабо выдохнула она, и Ив почувствовал, как на сердце сразу полегчало, как потихоньку начало униматься напряжение.

— Все в порядке, — с улыбкой прошептал он, — с тобой все хорошо.

— Что случилось? — Мила села на кровати, тут же зажмурилась и сжала голову руками. — М-м, что ж такое...

Ив обеспокоенно заглянул ей в лицо.

— Голова болит? Ты долго не просыпалась. Я не мог тебя разбудить. И была такая холодная!

— Правда? Ну, я...

Ее глаза вдруг округлились, Мила закрыла рот ладонью, вскочила с кровати, едва не запутавшись в одеяле, и влетела в ванную. Пока ее рвало, Ив взбил подушку, поправил одеяло и опустился на кровать совершенно без сил.

— Все хорошо?

Сестра, пошатываясь от слабости, опустилась рядом с братом. На изможденном лице было смущение и ещё что-то похожее на стыд. Она пробормотала:

— Я просто... я долго не могла уснуть, и ещё эта головная боль... В общем, наверно, проглотила лишних таблеток...

Ив нахмурился, слегка отстранился и строго поглядел на нее.

— Ты что, пыталась покончить с собой?

Вопрос прозвучал скорее как утверждение. Мила опустила голову и тихо сказала:

— Нет, конечно...

Повисло тяжёлое молчание. Наконец, Мила подняла подбородок и твердо добавила:

— Просто случайность. Прости, брат.

— Знаешь, как ты меня напугала? — нахмурился Ив. — А если бы действительно что-то серьёзное произошло? Я же без понятия, что делать! Ещё и эта гребаная медпомощь... Надо будет купить тебе страховку.

— Прости. От меня столько проблем.

Ив обнял сестру за плечи и притянул к себе. Прислонился щекой к ее макушке.

— Скоро ты будешь здорова, обещаю. Только не надо... Я не хочу быть один.

Мила только крепче обняла брата и вздохнула.

Несколько минут спустя Ив понял, что вот-вот готов заснуть. День был тяжёлым. Хоть физически он не устал, но чувствовал какое-то опустошение, разбитость.

— Схожу в душ, пока ещё держусь на ногах.

— Сегодня же воду отключили. Помнишь объявление? Плановые ремонтные работы.

— Да вы издеваетесь?! — простонал Ив. — В баклажки хотя бы набрала?

— Ага, успела.

Ив с тяжелым вздохом поднялся, подобрал с пола наушник и закрылся в ванной. С очередным вздохом набрал команду на браслете. Скоро в ухе раздался незнакомый голос.

— Слушаю.

— Шлак там далеко?

— Этот кусок порченого идиота? — В голосе звучало явное пренебрежение. — А на кой он тебе сдался?

— Просто дай ему наушник.

— Слышь, я те не мальчик на побегушках, — недовольно проворчал мужчина. — Пускай свой браслет купит — и болтайте сколько угодно! На, это тебя.

— Ив, ты, что-ли? — прогремел довольный голос Шлака.

— Да, это я. Ты все ещё хочешь на то задание?

— Спрашиваешь! Что, передумал?

— Передумал, — вздохнул Ив. — Скажи боссу, что мы готовы.

— Красиво, правда? — улыбнулся Тощий, стоя у края стены.

С головокружительной высоты открывался вид на весь внешний мир, такой опасный и неприветливый. От самых стен начиналась помойка. Она неровным широким кольцом окружала город. Горы хлама с такого расстояния походили на рыжие и бурые холмы со вставками цветного пластика. Чуть дальше с юга и востока помойка переходила в лес.

— Что красивого, — проворчал Шлак. Громила явно чувствовал себя некомфортно на таком расстоянии от земли. Он шурил единственный рабочий глаз из-за бьющего в лицо ветра. Второй, подбитый, прикрывала медицинская накладка. — Скорее уж скучно или... непонятно. Вот там, — он указал себе за спину, где поднимались в небо плотные ряды высоток, — как-то поинтереснее.

Марек, который тоже стоял вместе со всеми, прикованный наручником к охраннику, презрительно фыркнул. На его лице красовались бледные, почти зажившие синяки. Короткая синтетическая куртка и цветная футболка, каких не носили староверы, делали его похожим на имперца, однако от своих талисманов он не отказался. На шее висели деревянные бусины с вырезанными знаками и маленькие кости — как напоминание всем вокруг, что он не один из них.

— Типичное мышление адресированного имперского узколоба, который с радостью глотает любую дрянь, какую вам подсовывает мэр, — зло бросил он. — Патриотизм, превращенный в одержимость, как способ влияния на низшие классы.

— Надо же, — протянул Тощий с притворным восхищением, — парень гостит у нас от силы неделю, но уже успел стать экспертом в политике.

Шлак, Арахна и охранник усмехнулись вместе с боссом. Марек в ответ только вздернул подбородок.

Кроме них на стене стояли ещё трое. Жесть свесилась за край парапета, навалившись на него грудью. Рядом с ней у стены стояла ее неизменная дубинка с гвоздями. Все внимание девушки занимала помойка. Белый — жирный светловолосый амбал, недотягивающий ростом до Шлака, с тупым выражением вертел головой. Ив же вглядывался в сплошное зеленое полотно с темными заплатками, укрывающее весь обозримый горизонт. В голове не укладывалось, что нечто подобное вообще может существовать.

— Я никогда раньше не видел, ну... что снаружи, — выдохнул Ив, ни к кому конкретно не обращаясь. Остальные поддержали:

— Я тоже.

— И я.

Тощий обернулся к остальным. На нем было строгое темное пальто, по стоимости наверняка примерно равное гонорару за предстоящее дело.

— Было бы странно, если бы видели. На стену могут подниматься только дозорные, мэр и министры. И в редких случаях кто-то вроде нас с вами, если есть специальное разрешение, — заметил он с таким выражением, будто между "нас" и "вами" не было вообще никакой разницы.

— Значит, это типа честь, побывать на стене? — хмыкнул Белый.

— Пожалуй, — согласился босс и строго добавил: — Но об этом никому нельзя болтать, как и о задании. Ясно? Для всех остальных вы просто вышли пошарить по помойке.

Арахна повернулась к парапету спиной, облокотилась о край, прошлась взглядом по всем собравшимся, остановившись на Мареке.

— А что мы вообще здесь делаем, босс? И зачем тут он?

— Изучаем среду обитания противника, — ответил Тощий. — Не могу же я выпустить вас за стену без подготовки. Нужно знать, чего ожидать. Никто из нас прежде не сталкивался с тварями. Кроме него, — кивнул мужчина на старовера. — И именно для этого Марек здесь, чтобы рассказать нам о нечисти.

— С чего вы взяли, что я стану вам помогать? — заявил парень.

Тощий улыбнулся и опустил руку на его плечо.

— Потому что для твоих друзей тварь представляет куда большую опасность, чем для нас. Ты ведь не хочешь, чтобы по пути в Огнев кто-нибудь пострадал?

Марек хмуро стряхнул его руку с плеча и поджал губы.

Жесть вдруг выпрямилась, принялась возбуждённо хлопать по руке Арахну, а когда та обернулась, указала на что-то за стеной. Все остальные тут же свесились вниз.

От такой высоты захватывало дух. Ив вцепился пальцами в металлический край, пытаясь не думать о том, каких размеров получится пятно, если он вдруг случайно сорвётся вниз. Ветер трепал волосы и свистел в ушах. Металлический бортик в полтора метра высотой и шириной полметра, на который они все облокотились, внезапно показался не таким уж надёжным.

— Вижу, вон она! — провозгласил Белый, тыкая мясистым пальцем.

Над кучами ржавого железа кружилась птица. С такого расстояния сложно было разглядеть детали, только светлое подвижное пятно на более темном фоне. Тварь сделала несколько медленных кругов и приземлилась посреди мусора.

— Интересно, — подала голос Арахна, — почему она выбрала именно это место? В смысле, помойку. Там же совсем нечего жрать.

— Есть идеи?

Все уставились на Марека как на единственного в компании специалиста по нечисти. Тот пожал плечами.

— Без понятия. И не надо так на меня смотреть! Мы не изучаем нечисть, только отпугиваем от своих поселений. С каждым сезоном в лесах появляются все новые твари. Вот эту мы вообще впервые увидели здесь. — Он задумался ненадолго, снова глянул вниз и добавил: — Может, они борются между собой за территорию, и крылатый решил, что тут выводить потомство будет безопаснее.

— Да какая разница! — разошелся в нетерпеливой ухмылке Шлак. — Замочим и птичку, и детишек, если они уже появились. Вот только нахрена нас так много?

— Чтобы уменьшить вероятность летального исхода, — ответил Тощий и внимательно оглядел каждого из них. — Я знаю, вы никогда не работали вместе, но очень надеюсь, что будете помогать друг другу, а не мешать.

Каждый смерил будущих товарищей по команде недобрый взглядом. Не стоило ожидать, что они вдруг поладят и научатся командной работе после стольких лет взаимного презрения.

— Итак, расскажешь нам что-нибудь полезное про нечисть? — обратился Тощий к Мареку.

— Я ведь сказал, что не встречал таких раньше, — хмуро напомнил он, на что Белый вскинулся:

— Да он вообще бесполезен!

— Эту — нет. Но у всех наверняка есть что-то общее. Почему коптеры не могут их засечь?

— Потому что это существа из другого мира.

Последовало всеобщее короткое молчание, потом Шлак, Белый и Арахна дружно расхохотались. Даже Жесть оскалилась в странном подобии улыбки. Старовер закатил глаза, будто только такой реакции и можно было ожидать от непосвящённых городских. Потом зло прошипел:

— Посмотрим, как вы посмеетесь, когда поймёте, что ваши пули бесполезны. Нечисть разорвет всех на части, и глазом моргнуть не успеете. Вы просто кучка жалких позеров, которые никогда не бились с более грозным противником, чем безоружные оголодавшие чернорабочие да женщины с детьми на руках. — Марек поглядел прямо на Ива, и ему внезапно стало стыдно. — Да что вы вообще знаете о мире, сидя здесь, за высокими стенами?

Кое-кого его слова явно задели, но прежде чем начались ответные нападки, Тощий предупредительно глянул на своих людей и с лёгкой ухмылкой обернулся к Мареку.

— Красноречием весь пошел в отца. Скажи-ка, у вас это семейное: обвинять всех подряд в том, что они неправильно живут?

— Всю эту неделю я только и слышу, как вы обвиняете нас и наши порядки, смеётесь над нашей культурой и оскорбляете веру. Я не собираюсь молча терпеть все это!

— Как можно серьезно относиться к тем, кто верит в невидимых духов и живёт в лесу? — отмахнулся четырехрукий.

Торговец обернулся к мутанту. На лице явно было написано желание отстаивать честь кулаками, и только охранник в черной форме, к которому тот был прикован, не давал ему на кого-нибудь наброситься. Марек вскинул голову и с вызовом проговорил:

— Вы, имперцы, тоже верите в то, что вам внушают, и чего вы никогда не видели: свобода внутри металлической коробки и возможность выбора.

— А парниша молодец, — заметила Арахна. — Зрит в корень. Вот только никто из нас в свободу не верит.

Тощий поднял руку, привлекая внимание.

— Так, так, все это может длиться бесконечно, а времени у нас в обрез. Прекращаем пустую болтовню и давайте к делу. Радомир упомянул, что вам пришлось отбиваться от твари по пути в Огнев. Как это было?

Общее настроение на стене казалось слегка взвинченным. Старовер со своими речами напрягал всех, включая даже тугодума Белого, но Тощему было плевать. Марек одарил каждого неприязненным взглядом, потом обернулся к лесу. Помолчал немного и гораздо спокойнее сосредоточенно произнес:

— Мы заметили ее уже почти у самых стен, может, несколько сотен шагов оставалось. Сначала решили, что это коптер, и притаились. Но звук был не такой... Коптер немного жужжит в полете, а крылатая тварь зависла над нами почти бесшумно, вроде как любая птица. Потом она подлетела ближе, мы начали стрелять. Обычные пули от нее просто отскакивают. Мы стали отгонять ее огнем. Времени хватило, чтобы скрыться в тоннеле.

— Так значит, она боится огня? — впервые за долгое время подал голос Ив. На его лице также красовались заживающие ссадины после драки с торговцем.

Марек обернулся к нему и окинул молчаливым презрительным взглядом, будто

раздумывая, стоит ли отвечать. Кажется, после того, как Ив порушил планы староверов, у парня возникла к нему личная неприязнь. В конце концов светловолосый кивнул:

— Любая нечисть боится огня. Только огнем ее можно уничтожить.

— Значит, имеет смысл взять на вылазку только огнеметы, если от остального оружия проку не будет, — заметил Тощий. Торговец снова кивнул.

Белый сложил руки на внушительном животе и с подозрением протянул, обращаясь к боссу:

— Не доверяю я этому сопляку. Как это возможно, чтобы пули тварь не брали, а огонь брал?

— У тех тварей, которые водятся в лесах, обычно довольно быстрая регенерация. — Марек усмехнулся, с вызовом глядя на жирдяя: — Знаешь, что значит это слово, или пояснить? — Шлак одобрительно хмыкнул, а Белый нахмурил брови. — Обычным оружием их можно только замедлить.

Теневой барон удовлетворённо кивнул.

— Что ж, хорошо. Это поможет нам — вам — за стеной. Спустимся на базу за оружием. Ты что-то хотела, девочка?

Жесть, которая все это время наблюдала за тварью, свесившись вниз, теперь пыталась привлечь внимание Арахны. Женщина взглянула на подругу, помолчала немного, сосредоточенно сдвинув брови, пока Жесть показывала ей что-то руками, и перевела:

— Она говорит, что знает, где гнездо. Тварь кружилась над помойкой в определенной зоне и всегда возвращалась в одну и ту же точку.

— Очень хорошо, — похвалил босс. — Хоть кто-то из вас был тут занят делом. Сможешь с земли найти то место?

Жесть кивнула.

— Мэр Карина тоже прислала кое-какие данные, так что...

Жесть резко подняла палец вверх, ее круглые глаза сделались ещё больше, а на гладком лбу появилась морщинка. Потом она приложила палец к губам и медленно обернулась к краю. В тишине сквозь свист ветра стал пробиваться какой-то другой, едва различимый звук. Все остальные, слегка сбитые с толку и заинтригованные странным поведением девушки, подошли к парапету и свесились вниз. А потом так же дружно отпрянули, наткнувшись на жуткую морду.

На стене прямо под ними, всего лишь в нескольких десятках метров сидела тварь. Ив похолодел от ее вида, да и остальные, похоже, разделяли его переживания. Тварь была до жути похожа на человека, но такого неестественного, будто чью-то кожу натянули на неподходящий скелет. Безволосая голова вытягивалась в подобие клюва с мелкими острыми зубами, круглые глаза торчали по бокам, как у птицы. Тварь цеплялась к металлическим пластинам стены когтеподобными выростами на кожистых крыльях. Жёлтый глаз косил прямо на людей.

Неожиданное появление твари заставило всех понервничать, но люди Тощего были не из робких. Поэтому они наплевали на инстинкты самосохранения, которые говорили им прятаться при виде неизвестной опасности, и снова свесились вниз. С минуту в полной тишине тварь глядела на людей. Она держалась на стене совершенно неподвижно и больше походила на статую, как вдруг внезапно сорвалась с места и поползла вверх. Тварь ловко просовывала выросты на крыльях и крупные когти в щели между металлическими пластинами.

— Стреляйте, придурки! — закричал Марек и вступил в схватку со своим охранником, пытаясь выхватить у него оружие.

Первыми почти одновременно отреагировали Шлак и Арахна. Женщина выхватила оба пистолета, которые болтались у нее на поясе: классику и энергетический светлячок. Все четыре пистолета громилы были разными. Тварь окатило градом пуль и разрядов, она замедлилась, выставила перед собой кожистое крыло, будто пыталась прикрыть голову, а потом сорвалась вниз в крутом вираже. Ее надрывный хриплый крик прорезался даже через грохот выстрелов. Нечисть орала так, как мог бы орать любой человек.

Люди проводили взглядами удаляющееся существо, которому прямое попадание в лоб не причинило особого вреда, и в полной тишине посмотрели друг на друга. Наверно, только теперь каждый из них окончательно уверился в словах старовера, что обычные пули твари нипочём. После увиденного даже закралось некое сомнение в эффективности огнемётов.

— Твою ж мать, — протянул Шлак. Его губы разошлись в широком оскале, в глазах появился азарт. — Вот теперь становится интересно.

— Интересно будет, если мы так и не сможем ее убить, — заметила Арахна, распахивая пушки по местам.

— Что, уже испугалась, Паучиха? Смотри, твое ручное чудовище опять хочет что-то сказать.

Женщина только пренебрежительно изогнула бровь и обернулась к напарнице. Жест не преминула одарить Шлака жутким немигающим взглядом и только потом начала жестикулировать.

— Говорит, очень похоже, что глаза являются слабым местом твари. Она пыталась их защитить.

— Да уж мы это поняли и без комментариев немой гражданки Очевидность, — съязвил Шлак.

Жест с уязвленным выражением пожала плечами, а Арахна скрестила на груди руки и угрожающе прошипела:

— Что, считаешь себя самым умным, урод четырехрукий? Поглядим, как ты попытаешься не сдохнуть за стеной с одним глазом и сломанными ребрами.

— О солнце ясное, да вы все там сдохнете с таким-то командным духом! — сердито выпалил Марек. — Одного человека недостаточно, чтобы уничтожить тварь. Вы должны быть как охотники. У каждого своя роль, работа слаженная и организованная. А если попрете тупо в расчете на грубую силу, да ещё и задумаете друг с другом соперничать — нечисть перебьет вас по одному. Она умнее, чем кажется.

Прежде чем недовольные начали высказываться, Тощий похлопал торговца по плечу и повысил голос:

— Парень дело говорит. Хотя бы на время сделайте вид, что вы команда, а не кучка эгоистичных злобных детишек, слишком гордых, чтобы принимать помощь. Идём на базу вооружаться.

Теневой барон отвернулся и не спеша направился к лифту. Остальные молча обменялись красноречивыми взглядами, ясно говорящими, что ничего ещё не закончено, и двинулись за боссом.

Листы из нержавеющей стали под ногами гнулись и скрежетали. Ими, как чешуйками, была покрыта вся стена, как снаружи, так и внутри. За долгие годы они покрылись пылью и слегка позеленели, но в целом выглядели неплохо. Ив в очередной раз удивился, как нечто столь

старое может существовать так долго, тогда как относительно новые вещи быстро приходят в негодность. Потом усмехнулся сам себе, глядя на босса.

Тощий прямо как эта стена. Говорили, что он одного возраста с правителями Огнева. Родился во времена, когда люди ещё только-только учились жить по новым правилам, когда ещё помнили былое величие империи, но уже понимали, что оно безвозвратно потеряно. Неизвестные болезни, голод и паника захватили население огороженного от мира городка. Тощий прошел через все это и выжил. Наверно, так долго ему удастся прожить благодаря тому, что на такие вот дела, вроде охоты за тварями, он посылает других. И другие быстро приходят в негодность.

Пятерка вооруженных людей приблизилась к Южным воротам. В объемных рюкзаках, с какими обычно выходили сталкеры на вылазки, они прятали огнеметы от любопытных глаз. В остальном никто из них не напоминал мусорщиков.

— Надо было всем плащи надеть, — проворчал Ив. Его голос приглушал респиратор. — Из-за вас все на нас пьются.

Арахна и Жесть действительно привлекали лишнее внимание. Женщина выглядела так, будто собиралась на вечеринку, а не на опасную прогулку по мусорным горам. Длинные металлические ноги блестели в разрезах платья, крупные кольца болтались в ушах, а на веках красовались мерцающие тени. Девушка же привлекала внимание скорее ростом — издали ее запросто можно было принять за ребёнка. Ну, хотя бы палку с гвоздями она брать не стала.

Жесть проигнорировала реплику Ива, а Арахна, казалось, только повеселела, хотя тон сложно было определить из-за респиратора. Женщина откинула за спину хвост, расправила плечи и сказала:

— Нет, парниша, пьются не на всех нас. Спорим, на таких как ты, или вон жирный, никто не обращает внимание, потому что вы самые заурядные представители серой массы нижнего города. На четырехрукого обращают внимание, просто потому что он урод, к тому же высоченный. Так что если бы мы даже надели капюшоны, здоровяк все равно привлекал бы внимание.

— Да как будто в этом дело! Посмотри на себя: ни один мусорщик не пойдет шарить по свалке в платье.

— Вот тут я согласен с Тихоней, — пробасил Белый и добавил с ноткой заботы в голосе: — К тому же, это небезопасно. Зацепишься этой своей болтающейся штукой за какую-нибудь железку, споткнешься и шею сломаешь.

— Спасибо, конечно, — усмехнулась наемница, — но давай лучше каждый сам будет следить за своей болтающейся штукой.

Они приблизились к блокпосту — глухой постройке перед воротами, которую охраняли улучшенные солдаты с автоматами. В стены были встроены пулеметы с функцией определения личности и искусственным интеллектом для анализа поведения, чтобы предотвращать любые попытки несогласованно покинуть город. Разумеется, толпа желающих отсутствовала.

Не успели они приблизиться к бронированной двери, как у всех разом завибрировали персональные браслеты. Люди синхронно глянули на экраны на запястьях и принялись искать наушники. У Шлака не было устройства связи, и он вопросительно глянул на Ива. Тот пояснил:

— Это босс. Общий звонок.

Как только все надели наушники и приняли вызов, Гошый заговорил:

— Ещё не успели зайти на КПП? Хорошо. У нас немного изменились планы. Только что мэр Карина сообщила, что в город всё-таки просочилась информация о твари за стеной. Тех, кто не умеет держать язык за зубами, скоро накажут, но слухи это не остановит, поэтому мэр решила использовать ситуацию себе на пользу. За стеной к вам присоединится коптер для ведения видеосъемки схватки с тварью, чтобы потом отдать материалы в СМИ. Также у кого

есть записывающие линзы или глазные протезы с функцией записи, активируйте их. Личные записи тоже передадим мэру.

— Твою ж мать, — выругался Ив. Ещё чего не хватало, чтобы его лицо крутилось на новостных каналах.

— Спокойно, мальчик мой, — усмехнулся Тощий, — всех вас на видео заменят фигурами имперских солдат.

— Не честно, — заявила Арахна. — Работу сделаем мы, а вся слава достанется мэру?

— Именно так. О вас не должны узнать. И если начнёте трепаться о вылазке хоть среди друзей, хоть своей бабушке, — добавил он с угрозой, — я об этом узнаю. И помните: кто потеряет или испортит огнемёт, будет платить не за аренду, а его полную стоимость.

На этом босс отключился. Коллеги обменялись озадаченными взглядами.

— Блеск! — недовольно цокнула Арахна. — Мало того, что нас не покажут в новостях, так ещё и используют личные видео. По-моему, за ведение съёмки должны как минимум доплатить.

— О нас и так никто бы не узнал, — напомнил Белый. — Это было первым условием.

— Что босс сказал?

— Что кто-то уже разболтал про тварь, но наше задание все ещё в секрете, — ответил Ив Шлаку. Тот неопределенно хмыкнул: мол, принято к сведению.

Группа, наконец, выстроилась перед дверью. Она была оснащена сканирующим устройством, чтобы внутрь блокпоста могли зайти только те, у кого есть разрешение. Ив первым встал перед глазом сканера. В устройстве загорелся индикатор, возвещающий о начале проверки. Затем сверху зажглась одна из двух точек, зелёная — разрешение найдено, никаких действующих запретов не обнаружено.

После того, как все пятеро прошли проверку, дверь отъехала в сторону. Внутри их встретили двое солдат: серая форма со вставками бронированного пластика, увесистые автоматы в руках. На глазах у каждого были непрозрачные сканирующие очки для поиска информации в базах данных.

— Зайдите по одному на платформу детектора. Стойте ровно, пока идёт проверка, — сказал один из них ровным скучающим голосом.

Арахна первой двинулась к указанному устройству, а один из солдат подошёл к инфоэкрану. Пока женщина проходила сканирование, Ив огляделся.

Внутри КПП было довольно темно. Ленты подсвечивали только центр помещения, где находилась вся необходимая техника: платформа, компьютеры и устройство выдачи пропусков. Чуть дальше располагалась панель управления. Темно-серые стены без единого окна и такого же цвета пол и потолок запросто могли бы вызвать приступ клаустрофобии. До чего же скучная работа, подумал Ив, сидеть тут целыми днями, пропуская редких мусорщиков и ещё более редких владельцев аэрокаров. Шишкам тоже нужно было отметить на КПП, чтобы перелететь через стену, иначе пулеметы начнут стрелять и по ним. Хоть какое-то утешение для бедноты: покинуть Огнев без разрешения не получится ни у кого.

— Следующий, — подал голос охранник, и Ив вместе с рюкзаком и всем снаряжением ступил на платформу детектора.

Сканирующий элемент устройства от пола до потолка засветился синеватым. Он бесшумно пробежал по окружности и замер в изначальном положении.

— Разрешение на поисковые работы за городом — присутствует, — монотонно

перечислял солдат, сверяясь с данными на экране. — Разрешение на владение оружием — присутствует. Судимость и иные формы запрета — отсутствуют. Отправка данных с вашего чипа личности на внешние охранные устройства завершена. Временный пропуск выслан на ваш персональный браслет. Следующий!

Ив покинул платформу и присоединился к Арахне. Женщина тяжело вздохнула и протянула:

— Блокпост прямо-таки напичкан сканерами. Не удивлюсь, если они считали все до последней этикетки на одежде.

— Мы тут полдня проторчим, — хмуро заметил Ив. — Нужно было выдвигаться пораньше.

От Южных ворот до места предполагаемого гнезда твари нужно было топать вдоль стены по грудам ржавого металла и раскрошенного пластика несколько километров.

— Что, темноты боишься? — усмехнулась женщина.

— Боюсь споткнуться в темноте и напороться на штырь.

— Не переживай, парниша, если что поведу тебя за ручку. Мы ведь команда, — с сарказмом заметила Арахна. — Не зря же я потратила целую кучу юни на импланты.

Ив пригляделся к ее глазам. В полумраке они слегка светились. Раньше он не замечал этого: не имел привычки обращать на что-то внимание, если это не касалось работы.

— Не понимаю я вашего стремления добровольно отказаться от собственных работоспособных органов. Есть же устройства, которые прекрасно работают, гораздо дешевле и их не нужно встраивать в тело.

— Но импланты объединяют их все. Это очень удобно.

Жесть уже прошла сканирование и стояла неподалеку, равнодушно наблюдая за действиями солдат. На платформу шагнул Шлак. Вторую пару рук он, как обычно, прятал под плащом. Когда на инфоэкране высветилась информация о нем, солдаты переглянулись.

— Порченный? Разве это законно? — обратился один к другому, понизив голос.

— Посмотри, все разрешения у него есть. Верхушка точно в курсе.

— Никогда такого не было на моей памяти.

— Не нам с ними спорить. Пусть проходит.

Охранник достал из ящика браслет и передал его мутанту.

— Раз у тебя нет своего браслета, наденешь этот временный сталкерский пропуск. За стеной снимать его нельзя, иначе среагируют коптеры. Нажимать ничего не нужно, он уже активен.

— Давай уже сюда, — рявкнул Шлак. — Порчи, конечно, тупые, но не настолько же!

Белый последним ступил на платформу, а Шлак подошёл к остальным. Он глянул на Арахну с высоты своего роста. На лице появилась широкая ухмылка.

— Что, пытаешься соблазнить мальчишку, Паучиха?

Она закатила глаза.

— Тупые шутки полностью соответствуют представлениям о тупых порчах.

Ив обречённо вздохнул: что-то подсказывало, что эти двое не заткнутся в ближайшее время. Вот уж действительно, было бы куда проще, отправь босс на задание поменьше народу.

Тем временем Белый закончил проверку, и вместе с солдатами они подошли к панели управления. Она была встроена в городскую стену около огромных раздвижных ворот, когда-то предназначавшихся для проезда грузового транспорта.

— Пропуска активны сутки, — напомнил один из солдат, пока второй активировал панель с помощью ключ-карты и нажимал на неподписанные кнопки. — Если не успеете вернуться к крайнему сроку — попробуйте связаться с кем-то в городе. Но после деактивации пропуска вернуться в город или быть расстрелянными коптерами — вероятность примерно равная. Так что доводить до крайности не стоит.

— Да мы поняли уже, открывай, — нетерпеливо проворчал Ив.

Одна из двух створок с шипением поползла в сторону и остановилась, когда проход достиг примерно метровой ширины. Первой пошла Арахна, которая, видно, решила взять на себя роль лидера в их маленькой компании.

Ворота оказались двойными. Одна створка с внутренней стороны стены, далее арка метра три, обитая металлом, неосвещенная, стенки которой лишь слегка угадывались благодаря слабому свету из КПП, и ещё одна створка с внешней стороны. Впереди показалось ещё одно помещение, похожее на блокпост, только пустое. Заброшенное оборудование пылилось по углам, прикрытое пленкой, на потолке горели тусклые ленты. Когда они все оказались во внешнем помещении, створка ворот за спиной со стуком захлопнулась, заставив людей обернуться.

Ив слегка занервничал. В голове промелькнула мысль, что сейчас их просто закроют здесь, в глухой металлической коробке, но потом лязгнул старый механизм, и дверь впереди отъехала в сторону. В помещение хлынул ослепительный свет.

Щурясь и прикрывая глаза руками, Ив медленно вышел вместе с остальными наружу. Сердце застучало чаще от волнения перед неизвестным. От осознания, что впервые за двадцать пять лет своей жизни он выбрался за пределы города, кружилась голова. И ещё откуда-то со дна поднялся страх внешнего мира, который внушали жителям Огнева с пелёнок. Здесь они сами по себе, на неосвоенной территории, полной опасностей, о которых никто из них и понятия не имеет.

Когда глаза привыкли к свету после темных помещений, Ив огляделся. Повсюду землю покрывал неровный ковер из пластика и ржавого железа высотой чуть ниже человеческого роста. Здесь же валялись раскрошенные кирпичи и бетонные блоки, покрытые зелёным налетом. Только около входа было немного свободного пространства. Светло-рыжая сухая земля поднималась в воздух при каждом шаге, тут же оседая на ботинках. Ив замороженно уставился на нее. В Огневе такого не увидишь. Там под ногами сплошной бетон, и, кажется, во всем городе нет ни кусочка настоящей земли.

Коллектору вдруг стало интересно, какой снаружи воздух. Хотя в городе все твердили, что снаружи воздух не менее опасный, а, может, даже более, что он полон неизученных вирусов, грибков и бактерий, — Ив понимал, что это сильное преувеличение, как и все, что говорят о внешнем мире. Он стянул респиратор и медленно набрал полную грудь, а потом так же медленно выдохнул. Воздух оказался на удивление свежим, сухим. Пахло ржавчиной, немного застоявшейся водой и ещё чем-то тяжёлым, основательным, чего Ив определить не мог.

Остальные тоже пока оглядывались, привыкали к новым ощущениям на открытом пространстве и к новым пейзажам. Шлак забрался на самую свалку и с высоты разглядывал округу, прикрыв глаз ладонью от солнца. Жесть уже распаковывала свой рюкзак. Она вытащила на землю овальную пластиковую доску, повесила через плечо огнемет, после чего набрала на браслете команду — доска поднялась в воздух и зависла на уровне колена.

Шлак присвистнул:

— Диг? Дорогая игрушка.

— За голову каждого культиста неплохо платят, — ответила вместо подруги Арахна.

Девушка поднялась на доску для инвертирования гравитации, или просто диг, немного подогнула колени и полетела. Ив знал о таких устройствах, но видеть их приходилось нечасто: слишком дорогие для жителей его района. А те, кому они по карману, вряд ли захотели бы кататься по нижним улицам с сомнительной репутацией.

Арахна оттолкнулась от земли и грациозно запрыгнула на свалку при помощи механических ног. Махнула остальным рукой:

— Не тормозите, нам ещё тварь мочить, — и двинулась вдоль стены к восточному боку города.

— Кто это тебя главной назначил? — проворчал громила.

— Я сама себя назначила. А что, есть возражения?

— Мне лично плевать, — сказал Ив.

Он переступал с одного крупного обломка на другой не так быстро, как хотелось бы, и ругал себя, что недостаточно хорошо подготовился к вылазке. Белый просто молча последовал за женщиной. Шлак дёрнул плечами, закурил, и вместе с Ивом они поплелись в хвосте.

Металл скрежетал при каждом шаге, хрустел и трещал пластик. А с учётом, что шагали четверо, эти отвратительные режущие ухо звуки не утихали ни на секунду. Ив точно не знал, когда образовалась свалка, но техника по пути попадалась довольно древняя, такую сейчас не встретишь в городе. Сюда сбрасывали всё то, что не могли переработать сразу. Иногда металл потом забирали обратно, на переплавку, по мере необходимости. Иногда мусорщики искали определенные детали, медные провода, алюминий, или просто вещи, которые можно было восстановить и продать. В стенах города не было места для временного хранения металлолома, а снаружи свободного места предостаточно. Пластик и бетон сюда попадал просто потому, что его проще выбросить, чем переработать. Только пищевые отходы в Огневе перерабатывали полностью, чтобы не разводить насекомых, крыс и прочую заразу.

Нужно было глядеть под ноги, чтобы не сломать шею, но Ив то и дело вертел головой. Свободное пространство казалось таким непривычным, даже немного пугающим. Мусор покрывал землю практически ровным слоем, кое-где поднимался кучами выше головы. Слева в небо уходила серая поблескивающая на солнце стена. Справа за ржаво-коричневой полосой помойки простирался лес — что-то необъяснимо пугающее и дикое, и одновременно привлекательное в своей необычности. Будто граница, за которой начинается другой мир.

Жесть кружила в нескольких метрах над поверхностью, то вперёд, то назад по широким дугам. Ещё чуть выше жужжали охранные коптеры. Каждые несколько минут они сканировали одни и те же участки. Хоть Ив и понимал, что на каждый коптер поступили его данные вместе с запретом на стрельбу, все равно не мог расслабиться. Если вдруг что-то пойдет не так — системный сбой или ещё что — спрятаться здесь негде.

Время шло в почти постоянном молчании. Внимание людей было сосредоточено на том, чтобы не споткнуться, и потому от пустой болтовни они временно отказались. Через час или около того к группе присоединился видеозаписывающий коптер, который, видно, запустили со стены. Ив задрал голову в попытке разглядеть что-то на самом верху, но без специальных приборов это не представлялось возможным. Однако он был почти уверен, что кто-то — дозорные, власти или даже сам Тоций — следят за ними оттуда. Хотя с тем же

успехом они могли следить и через коптер, и через глазные импланты Арахны, если она заранее включила трансляцию.

— Долго ещё? — уточнил Шлак.

Он убрал свой плащ в рюкзак — солнце пекло не по-осеннему жарко — и остался в растянутой майке с неровными вырезами для рук, которые сам же и сделал. Специально для порченных одежду никто не шил.

Ив открыл карту на своем браслете. Объемная голограмма высветилась над запястьем: цветная уменьшенная копия местности. Он уменьшил масштаб, пока не стала видна красная точка — конечная цель пути.

— Ещё два километра.

— Долго... Вот получу деньги за работу и тоже куплю себе диг. Прикинь, как быстро мы бы туда добрались, если бы у всех были такие?

— Ага... — устало ответил Ив. Ноги уже побаливали из-за трудной дороги, хотя он привык ходить пешком.

— А ты на что потратишь?

— М-м, посмотрим, — уклончиво протянул он.

Хоть они со Шлаком и были кем-то вроде товарищей, посвящать его в семейные проблемы не хотелось. — Вообще-то я не уверен, что диг тебя выдержит.

— Ты че, назвал меня жирным? — рассмеялся громила. — Вот же засранец!

Ив тоже усмехнулся.

— Может, передохнем? — практически с мольбой в голосе прохрипел Белый.

— Что, уже выдохся?

— Легко тебе говорить с такими ногами! А у меня вообще-то колени больные.

— Жрать надо меньше, — вставил Шлак.

Арахна недовольно сложила на груди руки, но остановилась. Белый со вздохом опустился на корпус старого холодильника. Пот тек с него ручьем, и Белый то и дело смахивал его со лба тыльной стороной руки. Влажная майка прилипла к спине и выпуклому животу, щеки покраснели.

— Чего ж ты потащился сюда со своими больными коленями?

— Так я думал, мы выйдем через туннель торговцев! От него же до гнезда гораздо ближе.

— Конечно, так было бы удобнее. Но босс разумно предположил, что со стены за нами будет наблюдать чуть ли не весь кабинет министров. И если они узнают, что у Тощего свой проход на ту сторону, недовольства не избежать. Совсем немногие знают, как именно он получает товары староверов. Лучше пусть все так и остаётся.

— А обратно-то почему нельзя через туннель?

— Потому что надо на КПП отметитья. Мы же вышли, значит, должны и вернуться.

Белый проворчал что-то неразборчивое. Его перебили яростные щелчки пальцев. Жесть направлялась к ним и пыталась издали привлечь внимание. Ждать перевода Арахны не понадобилось: позади девушки, но ещё достаточно далеко, летела тварь.

Все лица моментально посерьезнели, сосредоточились, и только Шлак улыбнулся шире. — Готовьте оружие, — скомандовала Арахна и скинула рюкзак, а громила откликнулся: — Да ну? А то мы тут на пикничок собрались.

Ив повесил на плечо огнемёт, прикрепил к поясу запасной газовой баллон и пару пистолетов. У всех был примерно одинаковый набор: полуметровый компактный огнемёт, первым недостатком которого являлась дальность, а вторым быстрый расход газа, и пушки на любой вкус — на всякий случай. Шлак непонятно зачем взял с собой также механический крюкомет.

— Нужно рассредоточиться. И не стойте друг напротив друга!

— Вы только послушайте: одна фраза умнее другой.

Пока Шлак и Арахна переругивались между собой, Ив отошёл от них на некоторое расстояние и выбрал устойчивую позицию. Жесть наворачивала круги над их головами, коптер завис чуть в стороне.

Тварь быстро приближалась. Размером она оказалась гораздо крупнее, чем даже Шлак. В полете она поджимала кривые руки к груди, странные, будто изломанные ноги были вытянуты сзади. Трёхметровые кожистые крылья почти не издавали шума. Жесть устремилась к ней, выпустила струю огня в морду и тут же плавно ушла вбок. Нечисть замедлилась и нырнула в сторону. Из зубастой пасти снова вылетел тот пугающий хриплый крик, какой они слышали на стене. Жесть сделала круг и быстро подлетела к растерянной твари. Ещё один короткий залп из огнемёта заставил тварь снизиться. Она метнулась в сторону Белого, тот выждал, пока она окажется на расстоянии трёх метров, и обдал струёй огня. Почти сразу по ней пальнул и Шлак. Тварь снова закричала и резко сменила траекторию. Теперь она направлялась в сторону Арахны. Женщина уже приготовилась стрелять, однако нечисть круто взмыла вверх и устремилась напрямик к Жести. Девушка направила диг по дуге ей навстречу и собиралась атаковать так же, как и в первые разы. Как только тварь оказалась на расстоянии выстрела, Жесть нажала на спуск, но тварь моментально ушла вверх, сделала кувырок в воздухе прямо над огнем и врезала когтистыми ногами по голове и плечам. Девушка потеряла равновесие и рухнула вниз.

Арахна с громким лязгом запрыгнула на вершину ближайшей кучи и выпустила несколько пуль, которые отскочили от твари, не причинив вреда. Тварь устремилась к ней, но снова резко ушла вбок прямо перед залпом огня. Она пролетела мимо Ива, не заметив его за грудой металла, и он опалил ее бок. Нечисть взвизгнула от боли и взмыла вверх, но Ив успел заметить почерневшие пятна на коже. Значит, работает.

Тварь повисла на стене на порядочном расстоянии, издала долгий крик, повернувшись в сторону людей, а потом сорвалась с места и устремилась в обратную сторону, прочь от чужаков. Пока остальные провожали ее взглядами, Арахна в два мощных прыжка подскочила к Жести.

— Как ты? Что болит?

Девушка сидела в куче мусора со странным выражением и потирала ушибленное плечо, но кроме пары царапин на лице травм не получила. Она отмахнулась от протянутой руки, подозвала диг и забралась на него. К тому моменту, когда подошли остальные, Жесть уже

устремилась вперед.

— Далеко не уходи одна! — крикнула ей вслед Арахна и повернулась к команде. — Беспорядочной пальбой мы её не замочим.

— Очень быстрая, — кивнул Белый. — Видели, как она резко меняет направление?

— Меня больше волнует, что она уже спустя минуту поняла, на какую дальность стреляют огнеметы, — заметил Ив, — и начала приспособливаться.

Шлак разошелся в акульем оскале:

— Если бы было просто, не было бы так весело, — и быстрым шагом отправился за тварью, будто эта короткая схватка даровала ему прилив сил.

Через несколько минут вернулась Жесть. На ее гладко выбритой голове запеклась кровь, и ещё немного размазалось по виску из пореза над бровью. Она резкими движениями показала что-то подруге и умчалась обратно.

— Говорит, потеряла тварь из виду.

— Ну ничего, около гнезда она точно будет, — пробасил Белый.

— Ага, только надо сначала его найти.

— Может, она прячется? — предположил Ив и обернулся к Арахне. — Ты можешь просканировать помойку тепловизором или ещё как?

— Нам ведь говорили, что датчики ее не видят. Так что просто будем наготове.

В молчании они преодолели несколько сот метров. Жесть так и не заметила никого, и каждый раз возвращалась с ещё более мрачным видом. Напряжение чувствовали все. Постоянно оглядывались, сжимали ручки огнеметов и старались ступать осторожно, хотя это плохо получалось. Если тварь обладала хорошим слухом, по звуку она сразу определила бы, где ее враги.

Жесть в очередной раз вернулась ни с чем, издали развела руками и развернулась. Сзади вдруг загредел металл, все живо обернулись — тварь вынырнула из кучи мусора и налетела на Белого, прежде чем он успел выстрелить. Они повалились вниз. Тварь отвела дуло в сторону, столб огня ушел в воздух. Белый задергал руками и ногами в попытках выбраться из-под гигантской туши, а тварь принялась колотить его острыми выростами на крыльях, словно крючьями раздирая кожу. Шлак выстрелил по спине и крыльям обычными пулями, чтобы отвлечь тварь. Она подняла на него жёлтые безумные глаза, громко вскрикнула, обвила руками и ногами кряхтящего Белого и взмыла вверх. Жирдяй дёргался и извивался, и тварь поднималась рывками. Видно было, что груз слишком тяжел. С другой стороны уже летела Жесть с огнеметом наготове. Нечисть заметила ее, взмыла ещё выше и сбросила Белого с высоты в несколько десятков метров, потом сама круто рухнула вниз, уходя от огня Жести.

Шлак в это время взобрался на ближайший холм и приготовил крюкомет. Заревел:

— Гоните ее на меня!

Ив и Арахна разошлись в стороны. Женщина крикнула:

— Жесть, не дай ей взлететь высоко!

Она бросила огнемет и взяла обеими руками пистолет. Прицелилась, выпустила несколько пуль — почти все в морду. Видно, хотела попасть по глазам. Тварь зажмурилась и взмыла, однако сверху ее обдала огнем Жесть. Ив подбежал сбоку и принялся теснить ее в сторону Шлака. Когда показалось, что вот-вот уже что-то получится, у него закончился газ. С проклятиями он попытался быстро заменить баллон, но тварь моментально среагировала и метнулась к нему. Перевернулась, врезала ногами — Ив успел выставить перед собой руки

— и взмыла вверх. Коллектор налетел спиной на грудь железа, удар выбил из него дух, и несколько секунд ему потребовалось, чтобы прийти в себя. Потом он с трудом поднялся, пошатываясь, поменял газовый баллон и поискал глазами тварь.

Она черным пятном обожженных крыльев атаковала Жесть. Они кружили, взмывали вверх и уходили вниз словно наперегонки, и каждый раз, когда сходились близко, старались зацепить друг друга. Когда у Жести закончился газ, она направила диг прочь от твари — прямо навстречу Шлаку. Обезумевшая тварь ринулась за ней. Потом девушка резко свернула вбок, Шлак выстрелил в тот же момент, крюк метнулся к твари и зацепился за крыло. Она забилась и смахнула крюк. В этот момент Ив направил огонь ей в спину, а Арахна продолжала целиться по глазам. Им удалось задержать тварь на месте, и Шлак выстрелил снова. Крюк зацепился, мутант упёрся ногами и резко рванул на себя, одновременно свободными руками выпустил струю огня твари в грудь. Она завывала и бешено замоталась, лупя длинными ногами по воздуху. В этот момент Арахна прострелила ей глаз — скорее по чистой случайности. Тварь попыталась взмыть, но металлический трос не давал ей расправить крыло. Пока крюк не слетел снова, все трое поливали ее непрерывным огнем. Жесть быстро поменяла баллон и тоже принялась палить сверху. Нечисть жутко выла и орала, корчась в огне. Она была уже полностью черной. Потом она вдруг сбросила крюк, взлетела, врезалась прямо в Жесть, они сцепились в полете, диг ушел у нее из-под ног и девушка соскользнула вниз. Тварь слепо заметалась зигзагами, со всего маху врезалась в стену и камнем рухнула на грудь металла, разметав его по сторонам. Арахна в несколько прыжков подскочила к ней и снова пустила в дело огнемет. Когда подоспели остальные, обугленное и скрюченное существо лишь слабо дергалось в предсмертных судорогах. Скоро у женщины опустел газовый баллон, и Шлак продолжил жечь тварь, пока и его газ не закончился. Он успокоился только когда дымящийся черный скелет рассыпался от удара ногой.

Шлак запрокинул голову и издал победный крик. Его лицо светилось восторгом, смешанным с жадной кровью. Пилоподобная улыбка на пол-лица и до черноты расширенный зрачок здорового глаза делали его похожим на безумца.

— Вот это охота! Давненько ничего подобного не испытывал!

Ив только устало кивнул. Теперь, когда все было кончено, остатки сил будто разом покинули его, уступив место смертельной усталости. Сердце все ещё бешено колотилось, гудела голова и болела спина. Но отдыхать не время. Они с громилой оставили почерневшие останки твари за спиной — к ним тут же подлетел коптер для близкой съемки — и поспешили к Жести.

Арахна уже стояла на коленях около подруги и осматривала ее. Та выглядела потрёпанной, но вполне живой. У девушки обгорели руки. Ладони и предплечья были покрыты красными волдырями, кое-где сочилась кровь. Оплавились фильтры респиратора, и Арахна аккуратно сняла его с головы. Одежда на груди тоже оплавились, и стало видно, что вместо ребер и грудного хряща у нее вживленная в плоть металлическая пластина, покрытая остатками почерневшей искусственной кожи. Живот, где кожа была настоящей, тоже покрывали красные пятна. Девушка выглядела растерянной и то и дело дёргала головой, будто пытаясь избавиться от звона в ушах.

— Ну что ты, малышка? — мягко проговорила Арахна. — Все не так уж и плохо. Пару дней отлежишься в постели и будешь как новенькая.

Жесть слабо кивнула, дернула пальцами.

— Да, я тоже устала. Вода? — Женщина обернулась к остальным. — Есть вода?

— В рюкзаке. Надо найти его.

Ив побрел по свалке в сторону, где, как ему казалось, он бросил рюкзак. Все вокруг выглядело таким одинаковым. Бесформенные кучи ржавого железа походили одна на другую, и ориентироваться приходилось скорее на чутье, чем на зрительную память.

Сначала он увидел Белого — распростертое тело со сломанными ногами и торчащими наружу краями костей. Он лежал на животе, лицо повернуто в сторону. Металл под ним блестел от крови. Ив подошел к нему, протянул руку, вспомнил, что она механическая и пульс не почувствует, поэтому просто наклонился и прислушался. Хрипов не было. Полуприкрытые глаза, не мигая, глядели в сторону, из открытого рта под голову натекала кровь. Ив поднялся и отвернулся, с некоторым удивлением обнаружив, что не испытывает ничего. В его смерти нет несправедливости. Он сам отправился на потенциально опасное задание, а значит, был к этому готов.

В паре десятков метров валялись рюкзаки. Шлак уже собирал их, чтобы притащить к Жести. При виде Ива он кивнул в сторону тела и будничным тоном уточнил:

— Что, сдох?

— Ага.

Шлак хмыкнул, и вместе они пошли к остальным. Ив протянул Арахне бутылку воды и универсальную заживляющую мазь, которую взял с собой с мыслью, что на задании не обойдется без травм.

— Вот же я дура, — смущенно нахмурились женщина, пока поила подругу. — Почему сама не додумалась взять аптечку? Ну, готова? — спросила она, когда Жесть прикончила

полбутылки.

Та слабо кивнула, и Арахна начала обрабатывать ее ожоги. Девушка тут же сморщилась от боли, зажмурилась, потом плотно стиснула челюсти, так что заскрипели зубы, и часто и шумно задышала. Арахна быстро прошлась по всем красным пятнам и вернула мазь, заметив:

— У тебя тоже спина в крови.

Ив взглянул через плечо. Пара царапин на плечах и красные пятна на майке. Ничего особенного.

Жесть с трудом поднялась на ноги, подозвала диг и уселась на него, свесив ноги по обе стороны. Арахна слабо улыбнулась:

— Хорошо, что браслеты термостойкие, иначе не было бы сейчас ни доски, ни пропуска. Что Белый?

— Мертв.

Вместе они подошли к телу, минуту постояли в тишине, затем Арахна вздохнула и ровно произнесла, так, что невозможно было определить, что она чувствует по поводу смерти товарища:

— Он был славным ублюдком. Верно служил Тоцему много лет. Не обижал женщин и не грабил пьяниц. Нормальная жизнь. Теперь он свободен от империи и принадлежит только самому себе. — Она помолчал немного и добавила: — Заберите его огнемет. Надо вернуть боссу.

Пока Шлак доставал из-под мертвеца огнемет и отстегивал от пояса остальные пушки, Арахна оглядела свалку.

— Скоро должны подойти к гнезду, судя по карте.

Ив снова взглянул на Белого. На миг почувствовал угрызения совести, что так черство отнёсся к его смерти, но потом напомнил себе, что чувства в его работе вообще лишние.

— А с ним что? Так и оставим?

— Хочешь на плечах потащить? В городе труп никому не нужен, ещё и за кремацию платить. — Арахна махнула рукой. — Пошли. Осталось прикончить потомство.

Женщина единственная из всей команды выглядела опрятно. Макияж не потек, хвост не растрепался. Так и не скажешь, что пять минут назад сражалась с гигантской дикой тварью. Она шла впереди, ориентируясь по карте при помощи своих глазных имплантов. Жесть летела рядом с подругой, низко над свалкой, чтобы падать было не так больно в случае чего.

Шлак закурил самокрутку, поморщился и ощупал ребра.

— Кажется, растрескались ещё немного, — беспечно поделился он.

— Надо было тебе хоть неделю подлечиться.

— И пропустить такое? Ну уж нет, этот день стоит того, чтобы слегка потерпеть неудобства.

Через какое-то время Жесть вдруг остановилась и подняла руку. Когда лязг железа затих и осталось только жужжание коптера над головами, остальные тоже услышали этот звук, будто приглушенное поскуливание. Жесть послушала немного и уверенно направила диг к одной из куч, которые лепились прямо к стене.

В отличие от остальных, эта куча состояла из мягкого мусора: резины, рваной одежды и кусков мебельной обивки, прикрытая сверху листом металла. Жесть указала на нее и зависла в стороне, а остальные взяли на изготовление огнеметы и медленно обступили кучу. Арахна ногой откинула металл.

Детеныш крылатой твари перестал пищать и уставился круглыми глазами на

окруживших его людей. Персиковая кожа с тонкими волосинками покрывала маленькое тельце, неуклюжие крылья казались почти прозрачными. Он был размером с трехлетнего ребенка, да и поведением напоминал любого малыша. Он вытянул шею и потянулся к чужакам.

Ив застыл на месте. Стало одновременно удушающе жарко и нестерпимо холодно. Шлак без колебаний направил на птенца дуло огнемёта, но Арахна вдруг вытянула руку:

— Погоди. Хочу кое-что проверить.

От громких звуков детеныш втянул шею и сжался на дне гнезда. Порченный с ворчанием опустил огнемёт, а женщина уставилась на тварь. Ее зрачки сужались и расширялись, когда она меняла режимы на имплантах.

— Хмм... Я думала, будет видно хотя бы тепло, но нет. Почему-то этих тварей не разглядеть нашей технике, их видно только цветным человеческим зрением.

Шлак снова наставил на птенца дуло.

— Ну все?

— Нет, ещё кое-что.

Арахна медленно протянула к твари руку, будто хотела погладить. Птенец осторожно потянулся ей навстречу. Женщина дотронулась пальцами до лысой макушки быстро отдернула.

— Холодная. Интересно...

Потом она схватила пистолет и выстрелила твари в крыло. Она истошно завопила и шарахнулась в сторону.

— Твою мать, ты что делаешь? — воскликнул Ив, а Арахна указала на крыло.

— Пуля прошла насквозь, а от взрослой твари они просто отлетали. Значит, кожа становится крепче с возрастом, а мелких можно ранить из любого оружия. Или даже убить.

Женщина выпустила ещё две пули в живот и грудь птенцу. Он завалился на дно и попытался прикрыться бесполезными крыльями. В жёлтых глазах застыл ужас, а от тонкого жалобного писка сжималось сердце.

Ив отшатнулся от гнезда, к горлу вдруг подступил ком. Захотелось отвернуться или даже сбежать, особенно когда он увидел расплывающийся на лице Шлака оскал. Громила тоже выстрелил несколько раз. Скулеж все не прекращался, и Шлак поднял огнемёт.

Ив сделал ещё шаг назад. Завтрак запросился наружу. Пришлось приложить все усилия, чтобы выглядеть спокойным. Чтобы не зажмуриться и не закрыть уши.

Коптер подлетел поближе, чтобы заснять дымящееся гнездо, от которого повсюду распространился запах паленого пластика и горелой плоти.

— Если была взрослая тварь и мелкая, где-то должна быть и ещё одна взрослая, — предположил Шлак, запихивая огнемёт в рюкзак, к оружию Белого, которое он решил присвоить.

Арахна пожала плечами.

— Может, и есть, но нас это уже не касается. По крайней мере не за те пол-ляма юни, которые мы уже вполне отработали.

Женщина закинула рюкзак на плечо и двинулась в обратную сторону. Когда она поравнялась с Ивом, хлопнула его по плечу и усмехнулась:

— Что, Тихоня, не привык детей убивать?

Она сказала это вроде бы дружески, безо всякого скрытого смысла или упрёка, но Иву вдруг нестерпимо захотелось ей врезать. Вместо этого он опустил голову. Пробормотал:

— Не сказал бы, что меня это радует.

— Это просто работа.

— Можно было убить его быстро.

— Не подумай, что мне это нравится. Просто ради интереса. Вдруг в будущем пригодится. Мы ведь ничего не знаем об этих тварях. — Арахна обернулась к Шлаку и с ноткой одобрения в голосе заметила: — А ты молодец, что взял крюкомет. Сам додумался?

— Странно, что ты не додумалась.

— Да брось ты, я серьезно. Без крюка мы бы, наверно, до вечера ее ловили. — Женщина снова повернулась к Иву. — А тебе спасибо за мазь. Кажется, мы неплохо сработались.

В ее голосе больше не было обычной официальной вежливости. Она казалась радостной после удачного завершения задания, может, даже улыбалась под респиратором. Шлак тоже светился энергией и воодушевлением. Жесть просто мрачно молчала и глядела перед собой. Сложно было предположить, о чем она думает.

Ив немного замедлился и пошел позади всех. Не хотелось слушать обсуждение дела и уж тем более не хотелось участвовать. Как никогда остро он ощутил, насколько сильно не вписывается в компанию работников Тощего. Он никогда не был одним из них и не станет. Не хватает жёсткости. Перед глазами до сих пор стояла морда маленького существа, его полные боли и ужаса глаза. Ещё одно воспоминание, которое будет преследовать в кошмарах. Ещё один поступок, о котором он будет жалеть всю свою жизнь.

За столько лет он так и не смог стать по-настоящему равнодушным к тому, что делает. Зато научился отлично притворяться. Даже собственную сестру убедил в своем безразличии. Если бы можно было поверить в свою ложь так же легко, как поверили остальные, жить стало бы гораздо проще.

Ужасно болела голова. Мила провалялась на кровати весь день, пока ее череп разрывался изнутри, а единственное, что было доступно для облегчения боли — холодный мокрый платок на лоб. После того случая Ив убрал все таблетки и выдавал их сам в строго ограниченном количестве. Словно малому ребенку, которому ничего нельзя доверить. Это было не слишком приятно, но она заслужила.

Из-за боли она не могла ни есть, ни спать, и даже на любимом деле сосредоточиться не получалось. Как бы сейчасгодились таблетки... Хотя и они в последнее время не помогали, а лишь слегка притупляли боль.

Ещё и эти постоянные тревоги. Страх с каждым днём всё усиливался, а проблема оставалась нерешённой. В утренней новостной сводке Мила вычитала, что Чистильщики этой ночью обшарили соседнее здание. У нее началась паника.

Может быть, следующей ночью Чистильщики, эти биомеханические андройды, собранные из тел мертвых людей и наделённые искусственным разумом, заявятся в ее квартиру. Они потащат ее в порчеприемник на регистрацию, а брата арестуют или убьют на месте за то, что скрывал порченую. Он даже не поймет, что происходит.

Совсем необязательно, что ее дом следующий на очереди. Проверки проводят в случайном порядке, чтобы порчи не знали заранее, где будет безопасно. А это значит, что пока ещё не поздно, нужно действовать. Нужно срочно что-то придумать, чтобы оградить брата от той опасности, которую представляет одно ее присутствие в квартире.

Выбор небогатый: покончить с собой или уйти из дома и ждать, пока ее найдут. Первый вариант представлялся Миле менее болезненным. Разок чиркануть по венам или просто спрыгнуть вниз — и все, никаких больше проблем, страхов. Никакой боли. Однако и в смерти была загвоздка. Если она умрет в квартире, следователи увидят тело, поймут, что она порченная, и все равно арестуют Иву за молчание. Никто не будет разбираться, знал он о рогах или не знал. Империя жёстко наказывает всех, кто идёт против ее воли. Для этого достаточно малейшего подозрения. Поэтому, если бы Мила хотела покончить с собой, первым делом она избавилась бы от чипа личности, вживленного в предплечье, и от браслета — всего того, что укажет на ее семью. Потом она зашла бы в другой район... Впрочем, ещё на этапе выхода из квартиры возникли бы проблемы.

Второй вариант включал все те же пункты, кроме смерти.

Однако и в том, и в другом случае оставалась вероятность, что ее личность определят по лицу. К Иву опять-таки будут вопросы. Брат сможет избежать подозрений только в том случае, если лично сдаст ее властям. Вряд ли у него хватит сил на такое...

За окном опустились сумерки, а брат все не появлялся. Нужно обязательно рассказать ему все сегодня. Но стоило только подумать об этом, как участился пульс и задрожали руки. Как он отреагирует? Расстроится или разозлится? В любом случае, эта новость перечеркнет его жизнь, и всё то, что он сделал, ради чего старался, в один момент потеряет значение. Это Милу волновало гораздо больше, чем то, что случится с ней. Порченные умирают быстро, а их семьям приходится жить с этим всю жизнь.

Может, будет лучше, если брат ничего не узнает? Забраться в бак с кислотой — и никаких рогов, ни лица, ни отпечатков. Но тогда Ив будет винить себя, ведь он постоянно

так делает. Будет думать, что недостаточно старался или что обидел ее.

Слезы потекли сами собой. Безысходность. Нет ни одного варианта, при котором жизнь Ива останется такой же, какой была прежде. Любое ее решение, как и бездействие, повлечет за собой проблемы. Было бы не так обидно, если бы проявление мутации касалось только ее саму. Но нет: Огнев достаточно дотошен в вопросах чистоты. Если бы у Милы были друзья или другие родственники, их тоже взяли бы на контроль.

Пожалуй, свести проблемы к минимуму можно, если она сама пойдет в один из порчеприемников. Нужно соорудить из себя сознательного гражданина, который, заметив у себя мутацию, поставил благо империи превыше собственной жизни. Мила усмехнулась этой мысли: вряд ли с тех пор, как власти начали активно пресовать порченных, нашелся хоть один настолько сознательный гражданин. Это нормально, ставить свою жизнь выше других. Особенно когда понимаешь, что тяжким трудом не решить генетическую проблему.

Особенно сильная вспышка боли вдруг пронзила череп, заставив девушку зажмуриться и застонать. Может, повезет, подумала она в этот момент, в голове лопнет какой-нибудь сосуд, произойдет кровоизлияние, и ей уже не нужно будет переживать о проблемах порченных. Но пока этого не произошло, нужно было сделать что-то с болью. Из глаз уже сыпались искры, и терпеть это больше не было сил.

Мила кое-как поднялась, села на кровати. Обычно холодная кожа, казалось, дымились от жара. Девушка побрела в ванную, чтобы сполоснуть лицо. Остановилась напротив зеркала и уставилась на свое отражение. Из зеркала на нее глядел кто-то чужой, незнакомый. Растрёпанные светлые волосы, ввалившиеся щеки, острый подбородок. Во взгляде враждебность, отвращение.

Мила сняла повязку, и картина стала полной. В глазах снова защипало.

Посмотри, сказала она себе, во что ты превратилась. Мерзкое существо, больное. Всю свою жизнь ты только и делаешь, что приносишь проблемы семье. Ты ничего не сделала хорошего, ты только берешь и берешь. Как паразит. Брат слишком добрый, чтобы сказать об этом вслух, и слишком ответственный, чтобы скинуть бесполезную ношу с плеч. Соберись уже и сделай хоть что-нибудь впервые в своей никчёмной жизни.

Браслет на запястье вдруг завибрировал, и девушка с удивлением уставилась на него. Она не сразу поняла, что это вызов. В голове стоял тягучий туман. Кто это может быть? Она сосредоточилась на маленьком экране. Брат. Сердце тревожно сжалось: он никогда не звонил ей просто так. Вдруг что-то случилось? Мила в спешке принялась шарить по карманам в поисках наушника, потом побежала в комнату, судорожно соображая, где видела его в последний раз. Наушник валялся в пыли на полке, девушка подула на него, закрепила на ухе и приняла вызов.

— Ив? — дрожащим голосом позвала она. В голове тут же возникли картинки всего самого худшего, что могло бы случиться. Вдруг это коллега брата звонит сообщить о несчастном случае?

— Да, кто ж ещё, — ответил он, и Мила смогла выдохнуть. — Разбудил? Ты долго не отвечала.

— Искала наушник. Что-то случилось?

— Нет. Нет. Просто хотел узнать, как ты.

В голосе брата явно чувствовалась неловкость, а Мила просто была сбита с толку. Все ее мысли занимали рога. Неужели, Ив говорит об этом?

— В смысле?

— Ну типа... все ли у тебя нормально... — смущённо пробормотал брат. — Вчера ты чувствовала себя неважно, вот я и... волнуюсь.

Мила ясно представила себе его лицо в этот момент: серьёзное выражение, слегка нахмуренные брови, чтобы скрыть растерянность. Он не привык показывать заботу, и слова давались ему с трудом. Девушка благодарно улыбнулась, а сердце разрывалось от тоски.

— Я в порядке, — соврала она, едва сдерживая слезы.

— Ладно. Я просто хотел сказать, что немного задерживаюсь. Осталось решить пару вопросов. Но скоро уже буду дома. Так что не переживай и ложись спать.

— Ладно.

— И не... не делай, пожалуйста, глупостей, — добавил он неловко. — Я все время говорю тебе, что нужно подождать. Знаю, тебе уже надоело это слушать. Но скоро все изменится. Обещаю.

— Ладно.

— Ну, скоро увидимся.

Ив отключился, и Мила снова осталась одна в темной комнате. Слова брата подарили немного тепла. Он заботился о ней на протяжении всей жизни с тех пор, как мать оставила их. Выхаживал, кормил, потакал детским желаниям, оберегал от опасностей, пытался обеспечить нормальное будущее, дать ей все то, чего сам был лишён. Пришла пора и Миле позаботиться о нем. Снять, наконец, ответственность за свое будущее с плеч брата и взять в свои руки.

Было очень страшно, просто невероятно страшно. Но Мила сосредоточилась на том, что сильнее страха. Достала из-под подушки нож и подошла к зеркалу в ванной.

Сердце громко перебивалось, в ушах стоял шум, а все вокруг казалось каким-то нереальным, расплывчатым, будто она глядела через мутное стекло. Она нащупала чип личности на плече — едва заметный бугорок, который остался после вживления устройства идентификации. На нем хранилась вся информация о человеке, и от него нужно было избавиться в первую очередь. Девушка стиснула зубы, схватилась левой рукой за край раковины, а правой поднесла кончик ножа к коже. Рука тряслась как у хронического алкоголика.

Мила задержала дыхание и вспорола кожу. Рана незамедлительно отозвалась волной пульсирующей боли, по руке потекла кровь. Мила подставила плечо под ледяную воду, дрожащими пальцами растянула в стороны кожу, чтобы оценить глубину пореза. Слезы непрерывно текли по щекам и мешали нормально видеть, но она и так поняла, что до чипа не добралась. Помедлила немного, собираясь с силами, и повторно воткнула в рану острие ножа. Потом бросила нож в раковину — он сам выпал из непослушной руки. Взяла пинцет для бровей и попыталась нащупать им чип. Тело сопротивлялось.

Это было гораздо тяжелее, чем обрабатывать чужие раны, потому что каждую секунду хотелось остановиться, бросить все и перестать причинять себе боль. У нее едва хватало силы воли, чтобы превозмочь инстинкты. Кружилась голова, кровь залила полы и одежду, пинцет и пальцы стали скользкими. Наконец удалось зацепиться за крохотную капсулу размером с рисовое зерно. Чип давно врос в плоть. Мила ещё крепче стиснула зубы и резко дернула рукой.

От боли потемнело в глазах. Она еле сумела разжать пальцы — пинцет звякнул о дно раковины, и чип вместе с подкрашенной кровью водой скользнул в сливное отверстие. Все самое болезненное осталось позади.

Не переставая трястись, Мила промыла рану, наложила медицинскую кровоостанавливающую накладку и сверху туго обмотала тканью. Потом смыла кровь с рук и слезы со щек. Жара она больше не чувствовала, только слабость. Нужно торопиться, пока не поздно, пока она ещё способна соображать.

Мила надела безразмерную толстовку, натянула шапку на самые глаза. Подумала про респиратор и тут же посмеялась над собой: жить осталось совсем немного, так какая разница, что там произойдет с лёгкими.

Она подошла к двери и замерла. Мир по ту сторону всегда казался неприятным, опасным. Страшным. Она не выходила из квартиры месяцами. Но оставаться нельзя.

С трудом Мила открыла первый замок. Тело не слушалось, воздуха не хватало, из глотки рвались тяжёлые хрипы. Она потянулась ко второму замку. Голова вдруг взорвалась ослепительной вспышкой боли, настолько сильной, что едва держащееся ещё в теле сознание начало ускользать. Мила навалилась на стену и поползла вниз. Горько усмехнулась: какая же ты всё-таки слабачка, не смогла даже выйти из квартиры. Потом все погрузилось во тьму.

Над городом загорелся тусклый рассвет. Он походил на зарево далёкого пожара из-за густой стены дыма и пара, которые ежедневно извергались из сотен труб Огнева. Редкие неоновые вывески расплывались в тумане, под ними сидели притихшие темные фигуры и курили. Пытались протрезветь перед работой после ночного веселья, или, скорее, попытки хоть на несколько часов забыть о своей жалкой жизни. Неприглядная сторона передового и амбициозного города, наглядный показатель качества жизни. Пока одни изнывают от скуки и однообразия, другие пытаются смириться. Люди ищут утешения и находят его на дне стакана или на кончике иглы.

В утреннем полумраке Ив спешил домой. Прохожие брели вместе с ним по раскрошенным прямым дорогам, которые с обеих сторон ограждали высотки. Все они были словно зомби, с одинаковыми лицами и пустыми глазами. Ежедневно вставали по команде и шли куда-то с мыслью, что надо поработать ещё немного, потерпеть — и тогда накопят достаточно, чтобы смочь, наконец, позволить себе что-то большее.

Ив был таким же, как и все. Работал, чтобы выжить, и старался слишком много не думать об этом. Получалось не всегда.

Недавно его счёт пополнился на полмиллиона юни. Он торопился домой, чтобы рассказать сестре хорошие новости. Но настроение было несоответствующее. Эти деньги им жизненно необходимы, и он заработал их честно, рискуя собой. Однако после задания остался неприятный осадок. Круглые испуганные глаза птенца намертво врезались в память, а его предсмертный крик все звенел в ушах. Он не мог отделаться от мысли, что это неправильно.

Люди стремятся уничтожить все, что не понимают или не могут контролировать. Безжалостно избавляются от любой мнимой угрозы. Насилие — единственный ответ. Ив старался не обращать на это внимание, потому что какой смысл переживать о том, что ты не можешь изменить. В результате незаметно для себя он и сам стал частью строя, который всегда был чужд ему. Стал одним из безликих зомби, готовых по команде "деньги" выполнять любую работу, оправдывая поступки острой нуждой и отсутствием выбора.

Иву была противна такая жизнь, противен весь город и он сам. Но назад дороги нет. Единственное, что он может сделать: не дать сестре оказаться на своем месте, оградить от всего этого. И надеяться, что хотя бы ее жизнь не будет иметь привкуса гнили, а будет настоящей, нормальной. Когда-нибудь.

Он поднялся на лифте на четырнадцатый этаж и постарался изгнать из головы мрачные мысли. Скоро все изменится. Скоро окупятся все труды.

Дверь почему-то была закрыта только на один замок. Ив распахнул ее, ступил в вечную темноту родного крохотного коридора, которому сейчас был особенно рад. И едва не споткнулся. Сердце моментально ушло в пятки. Ив бросил в угол рюкзак, опустился на пол, одной рукой нашарил выключатель.

— Мила? — позвал сначала удивлённо, потом с беспокойством: — Мила!

В памяти моментально всплыл недавний случай, когда она чуть не отравилась таблетками, и первое, что он подумал: на этот раз она приняла больше. Он подполз к ней на коленях и принялся трясти за плечи, и только потом запоздало обратил внимание, во что она была одета. Неужели, хотела выйти на улицу? На памяти Ива сестра ни разу не выходила по

собственной воле.

Мила слабо замычала, почти сразу откликнувшись на попытки ее растрясти. Ив с облегчением выдохнул, провел ладонями по лицу и без сил откинулся на стену. Сестра в это время растерянно моргала и приходила в себя. Привстала и тут же схватилась за голову.

— Что произошло? Воды принести?

— Лучше... дай таблетку, — с трудом выговорила Мила. — Голова...

Ив тут же пошарил по многочисленным карманам, выудил конвертик и поспешил на кухню набрать воды. Потом опустился рядом с сестрой и протянул ей таблетку. Она жадно проглотила ее и моментально осушила стакан.

— Спасибо, — пробормотала она, потом подтянула колени к телу, обхватила их руками и облокотилась на стену рядом с братом.

— Так что вчера случилось? Почему ты здесь?

Они сидели плечом к плечу, и Ив чувствовал сквозь рукава куртки, как сестра мелко дрожит время от времени. Не поднимая глаз от колен она сказала:

— Вечером у меня ужасно заболела голова. Я хотела купить таблетку, но потеряла сознание.

— Отключилась из-за боли?

— Ну да, наверно.

Выглядела она очень сильно чем-то расстроенной. Ив подумал, что это из-за постоянной слабости. Конечно, ее саму больше всех бесит такое состояние, когда без лекарств нормальная жизнь не представляется возможной, да и с лекарствами она лишь чуть более сносная. Он собирался исправить это.

— У меня хорошие новости, — Ив постарался, чтобы его улыбка выглядела счастливой. — На нашем счёте наконец-то собралась достаточная сумма, и сегодня мы сможем сделать тебе первую операцию. Я уже договорился с биомехаником Тощего.

Мила обратила к нему испуганный взгляд. Он ждал от сестры удивления, радости, облегчения — какой угодно реакции, но не этой. В груди кольнула обида.

— Что? — нахмурился он.

Мила опустила взгляд и принялась мять край толстовки. Помотала головой и слабо прошептала:

— Нет... я не могу...

Появившееся было хорошее настроение моментально улетучилось.

— Почему это?

— Я... я должна тебе кое-что сказать...

— Нет уж, сначала ты послушай, — он с раздражением вскочил на ноги и навис над сестрой. Сказывалась усталость после бессонной ночи, как и все то, что пришлось пережить накануне. — Мы так долго этого ждали, много лет планировали, копили деньги. И теперь, когда появилась возможность сделать, наконец, твою жизнь хоть немного лучше, ты говоришь "нет"?

Он так разозлился, что почти перешёл на крик. Мила испуганно съежилась в углу. Сделала слабую попытку возразить:

— Брат...

Но он не собирался слушать.

— Ты хоть представляешь, чего мне стоили эти деньги? Знаешь, что приходится делать, чтобы не просто оплатить текущие счета, но и отложить немного на будущее? Я пашу как

какой-то грёбаный порч сутки напролет, семь дней в неделю. Ради тебя! Чтобы сделать твою жизнь лучше! А ты говоришь "нет"?!
— Братик, я...

— Хватит! Поднимайся. — Он схватил сестру за руку и поставил на ноги. Хмуро и немного разочарованно заглянул ей в лицо. — Недавно ты говорила, что хочешь хоть как-то мне помочь. Пойти на операцию — вот, что ты можешь сделать. Это единственное, что я у тебя прошу.

Оба были уже в обуви, так что Ив снял с крючка куртку и второй респиратор и без промедления потащил Милу за собой к выходу. Она попыталась вырваться, зацепилась свободной рукой за косяк и закричала:

— Нет, пожалуйста! Я никуда не пойду!

Но Ив был гораздо сильнее её. Из крепкой хватки его механических протезов не могли вырваться и мужчины покрупнее, а удержать хрупкую сестру, которая почти ничего не весила, не составило большого труда.

— Пожалуйста, не надо! Ты не понимаешь! — не унималась Мила.

— Прекрати. Ты ведёшь себя как ребенок.

С каменным лицом он запихнул ее в кабину лифта, испытывая при этом некоторые угрызения совести, что пришлось так грубо с ней обойтись. Но она просто не оставила выбора. Он все время ждал от нее определенного поведения, а она ему не соответствовала, действовала по-своему. Это раздражало. Он никак не мог привыкнуть, что сестра уже не та послушная маленькая девочка, согласная с каждым его словом. Наверно, это просто возраст, когда хочется делать все наперекор.

В лифте Мила обмякла, будто смирилась с тем, что происходит. Опустила плечи, уперла взгляд в пол. С лица все не сходило испуганное выражение, да к тому же нижняя губа начала дрожать. Ив протянул ей куртку и респиратор, и девушка послушно нацепила их.

Как только двери лифта открылись на первом этаже, в темном и засранном подъезде, так не похожем на верхние площадки, Мила вцепилась в руку брата. Дыхание из-под маски вырывалось частое и свистящее. Она молчала, только водила круглыми от страха глазами из стороны в сторону. Они миновали парочку наркоманов с закатившимися глазами, которые безвольно распластались у стены там же, где и закинулись. Мила неотрывно глядела на них, пока за спиной не закрылась расшатанная дверь.

— Не бойся их, — сказал Ив глухо из-за респиратора. — Чаще всего они безобидны. Просто валяются в отключке и не понимают, что происходит вокруг. А когда приходят в себя, они слишком слабы, чтобы даже просто стоять прямо.

Мила обернула бледное лицо к брату, на миг в испуганном взгляде появилась жесткость.

— Я не их боюсь.

— Что ж ты тогда не выходишь на улицу?

— Зачем? Снаружи нет ничего хорошего.

— Сейчас всё не так, как когда мы были мелкими. То есть, теперь-то мы выросли и можем постоять за себя. Вряд ли кто полезет нас задирать.

Мила только покачала головой. Они отошли от дома совсем немного, несколько сотен метров, и девушка по-прежнему держалась за руку брата так крепко, будто от этого зависела её жизнь. Внезапно она начала замедляться, потом остановилась.

— Я так не могу... — пробормотала она едва слышно. — Подожди, пожалуйста, братик. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Ив устало вздохнул.

— Давай ты скажешь по пути.

— Нет, сейчас. — Руки Милы снова начали дрожать, она тяжело дышала, будто не хватало воздуха. Взгляд метался из стороны в сторону, но в глаза она смотреть избегала. Вдруг она застыла, прислушалась. Прошептала: — Что это? Ты слышишь?

Мила ещё крепче вцепилась в брата и беспокойно завертела головой. Ив не понимал, что с ней происходит. Если она притворяется, то с какой целью? Но ужас на лице не был похож на поддельный.

Вскоре он и сам услышал ритмичные тяжёлые шаги. Из-за поворота дороги им навстречу вышла тройка одинаковых фигур в черном, за ними ещё одна и ещё. Звук шагов закованных в сталь ног эхом отражался от стен. В руках автоматы. Прохожие моментально убрались с дороги отряда и вжались в стены.

— Это просто Чистильщики, — сказал Ив и понадеялся, что ни в голосе, ни в лице не отразится странное беспокойство, которое он испытывал каждый раз при виде андроидов.

Мила будто приросла к месту. До невозможности круглыми глазами она следила за приближающимся отрядом. Чистильщики подошли уже на расстояние пары десятков метров, можно было заметить огоньки распознавательных камер в вырезах для глаз. Внезапно отряд как по команде остановился посреди дороги, три безликие маски одновременно повернулись в сторону брата и сестры, наставили на них автоматы.

Ив не понимал, что происходит, но инстинкты сработали безотказно. За долю секунды

до того, как раздались первые выстрелы, он резко потянул Милу вниз. Пули короткой очередью просвистели над головой. Кто-то из прохожих за спиной вскрикнул, когда попали в него. Среди остальных началась паника.

Чистильщики тут же выстрелили снова. Не мешкая, Ив схватил сестру за руку и побежал в ближайший боковой проход. За спиной снова раздались крики случайных людей, которым просто не повезло оказаться рядом с биомехами, когда те вошли в режим охоты. Ив мельком обернулся. Несколько андроидов стройной группой бежали за ними, целясь на ходу. Ив резко свернул вбок, навалился плечом на дверь — это был черный выход какого-то заведения. Они с сестрой поднялись по короткой темной лестнице, открыли следующую дверь и оказались в необорудованном грязном помещении. Окна были забиты металлическими листами, только жидкие лучи могли протиснуться в щели между ними. На полу у стен и в углах сидели люди, другие лежали прямо посреди комнаты. Десятка два, на первый взгляд. Они не двигались, иногда издавали слабые стоны. В притоне стоял едкий запах мочи и блевотины.

Ив побежал к противоположной двери, не выпуская руки Милы. Они старались переступать неподвижные тела, раскинутые в стороны руки и ноги, а когда задела одного, тот только бессознательно что-то промычал. За спиной с грохотом открылась дверь — биомехи посыпали в притон, вертя головами. Они не церемонились с наркоманами, шли прямо по ним. Ив слышал, как хрустят пальцы под их металлическими ногами и как жалобно стонут люди. Внутренности скрутились в узел, он все не мог сосредоточиться и подумать, а только бежал вперед, едва осознавая куда. Страх за сестру был сейчас сильнее всего.

Они скрылись в следующем помещении — пули забарабанили следом, едва Ив захлопнул дверь. Чистильщики использовали резиновые, только чтобы временно оглушить, ведь порчи нужны были живыми. Но если попадет в глаз, приятного мало. Да и трещину в ребре такая пуля вполне могла оставить.

Ив обнаружил новую дверь и метнулся к ней. Закрыто. Тогда они нырнули в проход в следующую комнату. Там воздух был непрозрачный от сигаретного дыма, пахло спиртом. Мужчины сидели за столом, играли в карты. Они вскочили и принялись что-то кричать, вытащили пушки. Следом в комнату ворвались Чистильщики, и мужчины машинально наставили на них оружие. Биомехи немедленно открыли огонь — они стреляли по всем, кто представлял угрозу. Брат с сестрой в это время смогли выскользнуть в открытую дверь. Они оказались на улице, в следующем боковом проходе. Ив секунду подумал, куда двинуть дальше. Отряд разделился, он знал это. Чистильщики всегда действовали по примерно одинаковому сценарию, если нужно было поймать беглеца. Старались окружить его, отрезать все пути. Если бы только удалось оторваться от них...

Ив свернул влево в надежде, что скоро попадет новая дверь. Сердце колотилось в груди, лёгкие горели. Он был собран и сосредоточен как никогда, хотя мир вертелся перед глазами слишком быстро, что-то внутри будто помогало реагировать быстрее, чем он сам осознавал. Ив обернулся к сестре — она бежала из последних сил, и если бы брат не держал ее за руку, давно уже отстала бы. В круглых глазах на посеревшем лице читалась паника.

За ее спиной в проулок выскочили биомехи, трое, и Ив тут же свернул в сторону, в арку. Это был проход во двор, но его загоразживала металлическая решетка. Ив выругался, обернулся к Миле, схватил за плечи.

— Я их отвлеку, беги на другую сторону и найди там открытую дверь.

Девушка бездумно кивнула, Ив оттеснил ее в угол между стеной и решеткой, а сам притаился у края прохода с клинками на изготовку. Он слушал. То, что андроиды направились в их сторону, легко было определить по тяжелым шагам и лязгу металла. Как только первый из них поравнялся с укрытием Ива, тот схватился за дуло автомата, потянул на себя и одновременно другой рукой вогнал лезвие под подбородок в стык между пластинами. Чистильщик замахнулся закованным в металл кулаком, Ив сумел увернуться, быстро вогнал клинок в локтевой сустав — рука повисла плетью — и потом снова под подбородок. Биомех состоял из закованных в броню частей человеческого тела, жизнь в котором искусственно поддерживалась неким устройством, установленным в черепную коробку вместо мёртвого мозга. Ив надеялся, что сможет нарушить целостность искусственного мозга, и это выведет андроида из строя.

Ещё двое открыли огонь — Ив подставил под пули тело Чистильщика, краем глаза заметил, что тот больше не двигается, ухватил его поудобнее и медленно пошел вперёд. Крикнул:

— Беги!

С силой оттолкнул от себя тяжеленное тело, и пока оно падало на одного из солдат, закрывая тому обзор, Ив метнулся ко второму, полоснул клинком по пластиковому оружию, но разрубить не смог. Боль от отдачи отозвалась в плечах. Биомех схватил его за горло и припечатал к стене, Ив тут же воткнул левый клинок под мышку, правым наотмашь ударил по горлу. Наткнулся на броню, и рука на миг онемела. Андроид врезал ему в живот прикладом, выбив из лёгких весь воздух. В этот момент все снова будто замедлилось, Ив замечал больше, чем мог осознать. Он увидел, как сестра скрылась за стеной здания, и как второй Чистильщик, отпихнув от себя тело, открыл огонь. Потом побежал за ней.

Ив с яростью вцепился в руку с автоматом, сумел вывернуть ее и направить в спину преследователю Милы. Резиновые пули отскочили от брони, не причинив никакого урона, однако андроид на миг отвлекся, переключил внимание на другую цель. Выстрелил — Ив дёрнул своего противника в сторону, чтобы закрыться от пуль. Тот вырвал из его хватки руку с автоматом — вторая болталась перерезанная — и попытался выстрелить. Ив едва успел отвести дуло в сторону. Короткая очередь прошла в каком-то сантиметре от его бока. На таком расстоянии пули вполне могли вызвать разрыв внутренних органов, кровотечение и смерть.

Второй биомех снова переключил внимание на Милу. Медлить нельзя. Ив зажал руку Чистильщика между локтем и боком и вогнал клинок под подбородок. Провел его по стыку до середины лица, отпихнул от себя тело и погнался за вторым андроидом. Свернул за угол, заметил, как биомех снова стреляет, однако Мила успела нырнуть в проход. До Чистильщика оставалось всего несколько метров, но андроид явно превосходил по скорости человека. Вслед за Милой он скрылся в проходе. Ив добрался до туда через секунду — темный узкий проем неизвестно куда, дверь сорвана с петель. Вперёд и вверх вела лестница, но Чистильщик направился к боковой двери, наверно, котельной. Пинком распахнул дверь, вскинул оружие. Ив с разбегу влетел в него со спины, выстрелы пришлись в сторону, андроид пошатнулся. Света с улицы едва хватало, чтобы хоть что-то разглядеть. Ив наносил удары клинками наугад, попытался зацепиться за голову андроида сзади, однако тот врезал ему локтем в грудь, заставив согнуться пополам, потом развернулся и врезал ногой сбоку. Ив свалился на пол, респиратор отлетел в сторону. В глазах потемнело, звон стоял в ушах. Голова, казалось, вот-вот лопнет. Во рту появился металлический привкус. Он едва мог

заставить тело слушаться. В шаге впереди Чистильщик снова вскинул автомат, целясь в сжавшуюся в углу Милу. Ив с отчаянным воплем врезал андроиду под колено, прицел сбился и пули прошли мимо, а он воткнул клинок между грудными пластинами. Тут же потянул обратно, но клинок застрял. Биомех схватил его руку одной, удерживая на месте, а второй врезал прикладом чуть выше локтя, где начиналась родная рука. Ив взвыл, почувствовал, как протез отделился от кульги и сместился. Второй рукой быстро вскрыл локоть противника. Автомат выпал. Ив просунул клинок в стык груди и шеи, резанул — и голова биомеха чуть накренилась в противоположную сторону, практически отделенная от тела. В шее что-то заискрилось, потекла прозрачная поддерживающая жидкость. Ив выдернул покалеченную руку из тела Чистильщика — она почти не слушалась, клинок заклинило в рабочем положении — и с силой ударил ногой в грудь. Биомех покачнулся, споткнулся и грохнулся на пол. В глазных впадинах ещё мелькали огоньки. Ив резко опустил ногу в ботинке на его череп. Металлическая маска погнулась и повредила искусственный мозг.

Пошатываясь, Ив провел действующей правой рукой по лицу, стёр кровь из-под носа, выплюнул красный сгусток. Обернулся к сестре. Та сидела в углу, прижав колени к груди и обхватив руками голову. Глаза дико распахнуты, сиплое дыхание сбивчиво вырывается из-под маски. Ив протянул ей руку.

— Быстро. Это ещё не всё.

С секундной задержкой она молча сжала его ладонь, и Ив повел их к выходу.

В голове стоял шум, все тело болело, мир вертелся перед глазами будто в алкогольном опьянении. Ив тряхнул головой — не помогло. Оставалось только надеяться, что сил хватит продержаться ещё немного. Он выглянул на улицу — чисто — и потянул сестру к лабиринту узких переходов между близко посаженными высотками. Почти все двери, которые они дёргали, оказались открытыми. С одной улицы на другую можно было попасть через сквозной проход. Они бежали от одного укрытия к другому, постоянно озираясь в поисках остальных Чистильщиков. Солдаты наверняка рассеялись по всему району и могли быть за каждым поворотом.

Протез болтался на соплях, клинок мешал при беге. Искусственное волокно пронаторов и супинаторов было повреждено, и единственное, что рука ещё могла — слегка согнуться в локте. Ив постарался прижать ее к телу. С такой рукой он долго не протянет в драке, а значит, лучше всего было бы найти укромное место, чтобы прийти в себя и подумать. Он знал многие районы города очень хорошо, в прошлом не раз приходилось прятаться от преследователей, да и работа коллектора подразумевала большое количество визитов.

Брат с сестрой остановились в арке очередного подъезда. На перекрестке узких улочек маячила фигура биомеха. Андроид оглядел каждый проход и свернул за угол. Ив подождал немного, чтобы не привлечь Чистильщика случайным шумом, и направился в противоположную от него сторону к следующему зданию. Постарался не скрипнуть дверью. На лестницу падал мигающий тусклый свет с верхних этажей, но им нужно было попасть в подвал. На ощупь, упираясь плечом в стену, он повел сестру вниз, к маленькой редко используемой двери. Замка не было, но она заржавела от сырости и времени. Ив не сразу сумел открыть ее, однако в конце концов со скрежетом дверь поддалась. В подвале стояла непроглядная темень. Ботинки шлепнули по воде, а на лицо тут же налипла паутина. Ив закрыл за сестрой дверь, потом порывлся в карманах. Очки ночного видения остались в рюкзаке, который он бросил дома в коридоре. Снаружи вдруг послышался шум — кто-то открыл дверь, поднялся на несколько ступеней. Брат и сестра замерли на месте. Сердце

стучало так громко, что, казалось, его стук может привлечь внимание андроида. Но тот поднялся на первый этаж и вломился в квартиру. Какой-то далёкий звук — и тяжёлые шаги снова раздались на лестнице. Они удалялись. Что-то на верхних этажах привлекло его внимание.

Ив выдохнул. Шепотом обратился к Миле:

— Включи подсветку на моём браслете.

Девушка дрожащими пальцами ощупала протянутую руку, активировала экран и набрала команду. Помещение осветилось слабым холодным светом, которого хватало только чтобы угадывать очертания труб и свай.

— Держись за мной. И ни звука, — прошептал Ив. Мила молча кивнула.

Они медленно направились в противоположную часть здания. Под потолком и у самого пола тянулись трубы разных размеров, металлические и пластиковые, обмотанные изоляционным материалом или ключьями колышущейся паутины. Какие-то были влажными, с них капал конденсат. Пахло плесенью и застоявшейся водой, немного нечистотами. Ив шёл вперёд между широкими железобетонными сваями, иногда оглядывался, выискивая в темноте что-то знакомое. Наконец они достигли глухой стены. Но двери наверх с этой стороны не было. Ив прошёлся вдоль стены, приглядываясь к полу. В бетоне обнаружился квадратный люк с металлической крышкой, а за ним спуск. Парень первым свесил ноги вниз, зацепился за скобы. Спускаться с одной рукой было не слишком удобно. Скоро он спрыгнул на нижний уровень, и Мила последовала за ним.

В узком туннеле тоже стояла вода. Он соединял подвалы ближайших зданий и канализационный коллектор. На стенах блестела слизь, копившаяся здесь, кажется, с самого основания города. По пути туннель пересекали другие, поменьше и побольше, но Ив уверенно шёл вперёд. Он бывал здесь пару раз. Подземными переходами пользовались воры и наркокурьеры, чтобы незамеченными пробраться в соседнее здание и не нарваться на патрульный дрон. Ив успел поработать и тем, и другим. Скоро он увидел впереди вбитые в стену скобы — выход. Неуклюже поднялся, кое-как открыл люк.

Ещё один подвал со множеством труб и гнилостным запахом. До подобных помещений никому нет дела. Власти содержат в чистоте и красоте только свои верхние этажи, будто думают, что это на них держится высотка. Ежегодные ремонты, антикоррозийная обработка и все такое. Но когда загниет основа, будет уже поздно.

Брат и сестра добрались до двери на первый этаж. Она тоже поддалась с трудом. Площадка пустовала. Ив потянул сестру за собой наверх, по лестнице на третий этаж. Там он толкнул одну из дверей — за ней открылось пустое просторное помещение. Облупленные стены с желтыми потеками, коробки и строительный мусор по углам. На окнах шелестела непрозрачная пластиковая пленка. Ив подобрал кусок металла, подпёр им дверь, потом выглянул из окна. Чистильщиков поблизости видно не было.

Он повернулся к сестре. Мила опустила на пол у стены, стянула свой респиратор. Она тяжело дышала, руки дрожали, взгляд застыл в одной точке. Взгляд человека, который не верил, что опасность миновала, и ждал, что с минуты на минуту снова придется бежать.

— Что происходит? — требовательно спросил Ив.

Мила вздрогнула от звука его голоса, подняла глаза. Они тут же наполнились слезами. Всхлипы моментально переросли в рыдания. Девушка стянула с головы шапку, смяла ее и спрятала лицо в ладонях.

Ив сразу их заметил. Два костяных бугорка посреди светлых волос. Вот оно что. Это

объясняло и нападение Чистильщиков, и странное поведение сестры. Подозрения крутились в голове с самого утра, но не было времени подумать об этом как следует. Да и не хотелось верить. Ведь ещё оставался шанс, что все это — просто большая ошибка. А теперь правда обрушилась как ведро ледяной воды. Неотвратимая, бескомпромиссная. Правда, с которой не представляешь, что делать, которая в один момент разрушила все.

Он минуту молча смотрел на рога сестры, на ее проявление порчи, и чем больше приходило осознание, тем он чётче понимал, что все. Всему конец.

Он с яростью впечатал кулак в стену. На бетоне осталась вмятина, но боли он не почувствовал. Он опустился на мешки в нескольких шагах от сестры, закрыл лицо рукой. Хотелось рыдать от бессилия, выть от безнадёжности. Хотелось что-нибудь сломать. Внутри бушевало столько всего, что справиться с этим казалось невозможно. Больше всего было гнева.

— Вот же гребаная неразборчивая мамаша! — злобно выпалил он. — Ни хрена хорошего для нас не сделала, так ещё и умудрилась всю жизнь испоганить!

Мила только громко рыдала, закрыв лицо ладонями.

— Вот зачем все это, а? Лучше б она нас обоих утопила в ванне, как все нормальные проститутки! Знала ведь, сука, что никакой жизни не будет. Зачем?

Ив до боли стиснул зубы, сжал пальцы в кулак. Бессильно опустил голову. Тишину теперь нарушал только шелест пленки на ветру и всхлипы Милы. Он провел рукавом по глазам, поднял взгляд на сестру, потом медленно подошёл к ней и опустился рядом. Обнял за плечи и прижал к себе. Она вцепилась в его куртку, уткнулась в плечо.

Ив погладил ее по спине и тихо пробормотал:

— Прости меня.

— Что? — Мила подняла к брату заплаканное лицо, немного отстранилась. В голосе проступили нотки страха. — За что?

— Я такой идиот! Как можно быть настолько невнимательным? Хорош брат! Если бы я только... Ну а ты почему так долго молчала? Столько проблем можно было бы избежать.

Мила снова принялась всхлипывать, виновато опустила глаза.

— Прости...

— Ничего, ничего, ладно тебе, — поспешно попытался успокоить сестру Ив. Он снова прижал ее к себе, и она, кажется, немного расслабилась. Потом добавил, скорее обращаясь к самому себе: — Что теперь делать? Что нам с тобой делать?

Они провели несколько минут в молчании. Мила изредка тихо всхлипывала, но истерика уже осталась позади. Понемногу она приходила в себя.

— Я боялась рассказать тебе, — пробормотала девушка в его плечо, — потому что знаю, как ты относишься к порченным.

— И как же? — нахмурился брат.

Немного помолчав, Мила тихо и медленно, будто нехотя, начала:

— Ты думал, что я не узнаю о том случае, ну, в детстве. У нас были соседи на четвертом. Семья. Девочка однажды вышла на лестницу, когда родители забыли закрыть дверь. Она спустилась почти до низа, пока отец не догнал ее и унес обратно. Тогда мы с тобой увидели ее впервые. У нее была странная родинка на половину лица. Той же ночью Чистильщики забрали всю семью, а утром ты принес еду. — Мила шмыгнула носом, а Ив почувствовал болезненный укол вины. Не прошло и дня, чтобы он не вспомнил об этом случае. Сестра с грустью добавила: — Тебе на них плевать. Как и всему городу.

— Вот уж неправда. Мне на всех плевать. Кроме нас с тобой. Я просто делаю что должен.

— Знаю. Поэтому мне бы хотелось освободить тебя от этого всего. Вчера я собиралась... ну, покончить с этой историей до того, как все выйдет из-под контроля. Но как всегда оказалась слишком слабой. Теперь мы с тобой тут, и ты едва не погиб, защищая меня. — Мила снова принялась всхлипывать. В голосе была сплошная вина. — Я не хотела, чтобы так вышло! Из-за меня твоя жизнь...

Плечи тряслись, она судорожно глотала воздух на грани новой истерики. Ив крепче обнял ее, прижался щекой к ее макушке.

— Не ты виновата. Мать и отец. Империя. Гребаная Катастрофа, в конце концов. Но не ты.

Мила подняла на него опухшие красные глаза и с отчаянной надеждой выпалила:

— Может, все ещё можно исправить? Если ты отведешь меня в порчеприемник...

Ив решительно покачал головой.

— Во-первых, я этого не сделаю. А во-вторых, камеры Чистильщиков зафиксировали мое лицо, и только вопрос времени, когда нас с тобой объявят в розыск по всему городу. Для меня сдать властям после того, как я уничтожил троих биомехов, — смертный приговор.

— Может, твой босс сможет помочь? Ведь он взял к себе на службу Шлака. И тебе помог однажды.

Ив ненадолго задумался. Но как бы ни хотелось верить, что Тощий испытывает к своим подопечным хоть каплю привязанности, он точно не будет рисковать своей репутацией и не отступится от принципов ради какой-то безликой шестерки. Когда человек становится обузой, босс от него избавляется.

— Нет, к Тощему обращаться нельзя. Ведь все это, считай, он и придумал: ловлю порчей для отправки на тяжёлые работы, и тела для биомехов тоже он поставляет. И потом, Шлак ему полезен, и я был полезен тоже. А ты? — Он вздохнул, покачал головой. — Не удивлюсь, если он захочет опередить власти и первым откроет на меня охоту.

Мила опустила плечи. Она выглядела разбитой и вымотанной. Грустно усмехнулась:

— Тогда что нам остаётся? Двойное самоубийство?

Ив хмуро уставился на нее:

— Полегче, малая! Это какая-то подростковая фишка — все время думать о смерти? Да, выход лёгкий, но не единственный.

— А что остаётся? — в отчаянии воскликнула девушка. — Бежать, прятаться по подвалам, трястись от каждого шороха? Поселиться в канализации, как крысы? Жить в постоянном страхе, что нас вот-вот обнаружат? Ведь в конце концов это произойдет. Город не такой большой. Мы здесь как в клетке. А потом, когда меня отправят в казармы порченных... — Она всплеснула руками, гневно выплюнула: — Все знают, что там происходит. Насилие. Каждый охранник может нагнуть любую девку, когда ему заблагорассудится. Да и вообще любой мужик всего лишь за пару тысяч юни. Мало того, что порчи работают до потери сознания. Их продают и покупают. На них вымещают гнев. С ними развлекаются. Девочка вроде меня не протянет там и года. Причем каждый свой день она будет проклинать судьбу, что все ещё жива. — Она опустила голову и притихла. — Ты сильный, а я... Я просто не вынесу всего этого.

Ив коснулся пальцами ее щеки, поймал взгляд и твердо произнес:

— Этого не будет. Мы что-нибудь придумаем, обещаю. — Хотя сам не испытывал ни капли уверенности. Вряд ли Мила поверит в эту ложь, но он надеялся, что хотя бы сможет её успокоить.

— Так ты не ненавидишь меня? — прошептала девушка.

Ив тепло улыбнулся.

— Ты моя младшая сестрёнка. Я всегда буду на твоей стороне.

Не сразу, но морщины на лбу Милы разгладились, она слабо улыбнулась и вздохнула с облегчением. Неужели, подумал Ив, сестра все это время боялась его, что он откажется от нее, как только узнает правду? Что ж, он сам виноват. Своим равнодушием, своими гневными вспышками создал образ такого беспринципного мудака, которому в тягость забота о ближних, который рад был бы остаться один. Который тащит сестру на операцию не потому, что она этого хочет, а потому, что так хочет он. Но ведь Ив совсем не был таким, просто не умел показать себя настоящего. Или не хотел.

Почему-то теперь на сердце стало гораздо легче. Странное чувство. Жизнь-то легче не станет, и все, что было прежде, покажется отдыхом по сравнению с тем, что ждёт впереди. Даже когда они с сестрой были всего лишь двое мелких беспризорников, оставленных матерью без средств к существованию, практически без надежды дожить до следующего дня рождения, — даже тогда оставался шанс выбраться, выжить. У любого нищего, у самого последнего конченого наркомана прав и то больше, чем у порченных.

Что же делать? Где искать помощи? Никто в своем уме не пойдет против империи и не

станет укрывать ее врагов.

Им никогда не стать свободными внутри стен Огнева.

— А что, если... — В голову пришла неожиданная идея, и сердце забилось чаще. — Что, если мы выберемся из города? Скроемся на Свободных Землях? Староверы вроде как ничего не имеют против порченных.

Мила кивнула, в глазах снова появился огонек надежды.

— Где угодно будет лучше, чем здесь. Но как попасть за стену? Это практически невозможно даже для граждан с большими привилегиями. А мы с тобой — порченная и преступник.

Ив в задумчивости потёр подбородок — на пальцах осталась засохшая кровь — откинулся на стену и прикрыл глаза. Протянул:

— Знаю я одних староверов, которые могли бы помочь. Вот только неделю назад мы с ними знатно поцапались. Но, может, удастся уговорить их хотя бы выслушать меня.

Учитывая, что именно он виноват в том, что торговцы попали к Тощему фактически в бессрочную кабалу, сын Радомира оказался взятым в плен, да ещё и три десятка порчей погибли просто так, вряд ли староверы захотят помочь. На их месте Ив не стал бы даже слушать. Разве что предложить им что-то взамен? Шанс небольшой, но единственный, так что попытаться стоило.

— Нужно собраться с мыслями и разработать план. Найти укрытие. Может быть, даже союзников. Потому что один я вряд ли смогу пробраться на базу и найти способ связаться с торговцами, тем более с такой рукой. У меня башка раскалывается от всего этого...

— Союзников... — Мила свела брови домиком и сосредоточенно уставилась в пространство.

— Наши союзники — это противники империи. В Огневе по-любому есть такие. Может, культисты или те, кто расклеивает листовки. Но это ещё не значит, что они не побоятся пойти против Тощего. Нам нужно найти людей, у которых с ним свои счёты.

— Хмм, по-моему, я знаю таких, — заявила Мила, а Ив уставился на нее, недоверчиво подняв брови. Девушка смущённо добавила: — Ну, не то, чтобы знаю. Так, общалась в виртуале кое с кем.

— Разговаривать и делать — это разные вещи. У нас в каждом баре найдутся несогласные с мэром, но это не значит, что они встанут и пойдут на митинг.

— Нет, эти реально что-то делают. Взламывают планшеты верхов и сливают инфу. Это они распространили то видео с камер из казарм порченных, ну, где видно, что происходит на самом деле.

В свое время это видео чуть не стало причиной массовых протестов. Однако недовольство поутихло, когда правительство ясно дало понять, что всех несогласных ждёт участь порченных. Как и всегда, собственные жизни народ ценит больше, чем жизни незнакомцев.

— И как с ними связаться?

— Через темный угол. Это такой защищённый канал сети, который невозможно отследить или записать, данные о сеансах нигде не хранятся, и попасть туда можно только если есть специальное приглашение. Я могла бы попробовать, но нужно что-то... — девушка вздохнула и растерянно закончила: — что-то вроде очков или планшета без идентификационного кода.

Ив немного подумал. Всегда можно украсть, но есть и вариант попроще.

— Как насчёт клуба виртуальной реальности? Там очки без привязки к пользователю.

Мила кивнула.

— Пойдет.

— Ладно. Давай попробуем. Только сначала нужно избавиться от чипов и от этого. —

Он вытянул руку с браслетом. Тонкий гибкий экран два на три сантиметра с кнопками по бокам уже практически стал частью тела. — Снимешь?

Мила отсоединила застёжку устройства и бросила его на пол. Потом поглядела на брата и смущенно сказала:

— Свой чип я ещё вчера вырезала.

— Сама? — удивлённо присвистнул Ив. — Ну тогда вперёд.

Он снял черную куртку, на которой остались следы недавних приключений: пыль, слизь, паутина и несколько прорех. О чипе личности в левом плече напоминало еле заметное уплотнение под кожей. Ив без колебаний выдвинул правый клинок и рассек кожу. По руке тут же заструилась кровь.

— Вытаскивай.

Мила заметно разнервничалась. Поднесла пальцы к ране, неуверенно замерла.

— У нас ведь даже нечем обработать...

— Не впервые, — заметил Ив. — Давай.

Девушка стиснула зубы, одной рукой развела в стороны края раны. Чип пришлось искать на ощупь — кровь сочилась отовсюду и ничего не было видно. Ив поморщился от боли, когда сестра ухватилась за чип двумя пальцами и выдернула его с чавкающим звуком. Мила поискала глазами, чем бы перевязать, потом сняла куртку и приспустила рукав толстовки. Ее плечо было перевязано куском ткани, слегка запачканным высохшей кровью. Этой же тканью девушка перевязала и руку брата. Потом подняла на него тревожный взгляд. Ив ответил ей бодрой улыбкой.

— Ну вот, дело сделано. Теперь идём в клуб. Думаю, у нас есть максимум пара часов, прежде чем ориентировки разойдутся по всем поисковым дронам.

А к вечеру, если не раньше, все Чистильщики города начнут методично шерстить район за районом. Тощий тоже поднимет своих людей, чтобы первым отыскать предателя. Ив надеялся, что им удастся в ближайшее время отыскать безопасное место, потому что сил бежать и прятаться осталось не так уж много.

Он воткнул острие поврежденного протеза в бетон и с силой надавил. Кое-как удалось запихнуть клинок внутрь, только кончик остался торчать с тыльной стороны ладони. Со скрипом поднялся — болела спина, ноги и плечи, голова раскалывалась от недосыпа и травм. Больше всего хотелось просто оказаться в своей постели, проспав как минимум сутки, а утром обнаружить, что все это лишь слишком реалистичный плохой сон.

Но не будет больше ни своей постели, ни нормального отдыха. Планы на будущее ограничиваются ближайшими часами и единственной целью выжить. Ив будто снова вернулся на пятнадцать лет назад, когда они с сестрой кутались в драное одеяло и с ужасом пялились на дверь, каждую минуту ожидая, что кто-то вломится в квартиру. Снова ощутил ту детскую беспомощность и пугающую неизвестность. Вот только сейчас угроза была вполне реальной и конкретной. Стала определенностью, а не вероятностью.

Мила спрятала рога под шапкой и тоже поднялась. Ее все ещё немного качало. Наверняка сестре переживать все это было гораздо тяжелее, чем ему, ведь Ив привык к погоням и дракам, привык рисковать. А Мила большую часть времени провела сидя в

кровати в запертой квартире. Он всю жизнь старался оградить ее от опасностей, но иногда кое-что случается независимо от наших желаний.

Ив сунул в карман браслет и чип с намерением чуть позже кинуть их в канализацию, выглянул из окна, чтобы убедиться, что снаружи никого нет. Протянул Миле испачканную кровью руку.

— Готова?

Девушка кивнула. А что ещё остаётся?

Они аккуратно спустились по лестнице и вышли на улицу. Народу прибавилось, и это хорошо. Проще затеряться. Хотя Чистильщики в случае чего начнут палить по толпе без разбора.

Быстрым шагом они пересекли улицу. Ив вывернул карман в сливное отверстие. Со странным отстранением он наблюдал, как два маленьких устройства, содержащих в себе всю его прежнюю жизнь, шлепнулись в канализацию. Теперь это мусор. Так и все последние годы вместе с поступками, достижениями и планами обесценились в один момент. Даже в самых пессимистичных прогнозах он не мог представить такое.

Блеклый дневной свет едва пробивался сквозь густой смог. Высотки накрывали тенью улицы, и потому в низинах Огнёва всегда оставалось прохладно и сыро. Ив накинул капюшон и опустил голову, когда сверху раздалось знакомое гудение коптера. Внутренне он напрягся и уже начал искать пути для побега, но коптер без задержки пролетел мимо. Значит, операторы ещё не успели обработать изображения с повреждённых андроидов.

Брат и сестра свернули в переулок и зашли в боковую дверь. Здесь не было никаких физических обозначений и вывесок. Мало кто утруждал себя подобными мелочами: линзы дополненной реальности снова приобретали популярность, как во времена до Катастрофы. Создать объемную подвижную виртуальную вывеску для своего заведения было проще и выгоднее, чем обойтись пресловутой надписью на двери.

Ив толкнул одну из безликих дверей в длинном коридоре второго этажа. Путь тут же преградил вышибала. Мужик не успел и рта раскрыть, как Ив с размаху двинул ему кулаком в челюсть. Мила от неожиданности пискнула, вышибала ударился головой о стену и обмякшей грудой сполз вниз. Ив наставил на него клинок на случай, если тот очнётся, и обернулся к сестре.

— Делай свое дело.

— Но... все заняты.

Ив огляделся. У стен сидели неподвижные фигуры в полумраке синеватых светодиодных лент. Старые потёртые кресла, облупившаяся штукатурка и плесень в углах. Запустение и грязь. Неотъемлемая часть нижнего города. Пахло мочой, и, приглядевшись, Ив заметил в ногах некоторых из посетителей ёмкости, к которым тянулись отводящие трубы из-под одежды.

Виртуальная реальность — ещё одна зависимость, ещё один способ забыть об удручающей обыденности. Люди с радостью меняли свою никчёмную жизнь внутри стен на красочную, полную событий, пусть и фальшивую. Здесь они были никем, а там могли быть кем угодно.

Ив решительно сорвал очки виртуальной реальности с ближайшего посетителя клуба — костлявого мужчины с недельной щетиной. От него густо воняло потом, на кофте красовались пятна от пролитых тонизирующих напитков. Он захлопал глазами и состроил возмущенную гримасу.

— Э, ты чё творишь?!

Ив схватил его за грудки одной рукой и швырнул на пол, словно тряпичную куклу.

Прорычал:

— Посидишь пока в сторонке.

Мужчина тут же захлопнул рот и отполз подальше. Ноги его не слушались после долгого неподвижного сидения. Мила со смесью сожаления и брезгливости заняла его место. Надела очки и откинулась в кресле, а Ив отошёл сторожить вышибалу. Остальные никак не отреагировали на шум.

Глядя на Милу, Ив вспомнил, как подарил ей очки много лет назад. Тогда сестра тоже засиживалась в виртуале сутками. Ему иногда приходилось силой прерывать процесс, чтобы заставить ее поесть или помыться. Он не ругался на нее за сознательный уход от реальности, потому что лучше всех понимал, какое дерьмо эта жизнь. Тем не менее сам не находил в виртуале ничего интересного.

Вышибала под стеной застонал и пошевелился, попытался открыть глаза, и Ив снова вырубил его. Шли минуты, сестра сидела неподвижно, полностью слившись с остальными игроками. Только выкинутый из кресла мужик сверлил недобрым взглядом обидчика и потирал затекшие ноги.

Наконец девушка сняла очки, потерла глаза и тряхнула головой. Кинула извиняющийся взгляд на мужчину и поспешила к брату. Кивнула:

— Все. — Как только дверь за ними захлопнулась, добавила: — Я договорилась о встрече. Они готовы нас выслушать. И, возможно, помогут, если мы сможем предложить что-то взамен.

Ив улыбнулся:

— Ты молодец. Это лучше чем ничего. Куда идем?

Сетевой знакомый Милы назначил встречу в центре города, напротив "Бара на Перекрестке". Несмотря на то, что рабочий день был в самом разгаре, в районе Перекрестка народу толкалось ничуть не меньше, чем по вечерам. В толпе проще затеряться. Может, именно поэтому тайную встречу назначили здесь, а не на полупустых окраинах, где любой случайный прохожий привлекает внимание местных.

Ив вел сестру дворами или сквозь здания, чтобы избегать расставленных тут и там камер и патрульных коптеров. Он знал лишь примерное расположение камер, и всегда оставалась вероятность какую-то из них проглядеть, так что брат и сестра шли с низко надвинутыми капюшонами и не поднимали глаз от земли. Шли они медленно, вместе с толпой. Люди вокруг тоже глядели себе под ноги, тоже прятали лица под капюшонами одинаковых плащей и курток, будто каждому прохожему было что скрывать.

С каждым шагом, приближающим их к месту встречи, нарастало беспокойство. Ив не привык вот так запросто доверять незнакомцам, прячущим свою личность под безликим ником в закрытой части сети. Они могут оказаться кем угодно: культистами, лжецами или внедренными в качестве приманки для предателей агентами империи. Но Мила будто больше волновалась не о том, что их ждёт, а потому, что прежде даже не мечтала встретиться с ними лично.

Они остановились под козырьком у входа в один из многочисленных баров. На двери красовался рисунок осьминога с кружками пива в щупальцах. На ступенях сидела компашка с сигаретами. Они лишь мельком глянули в сторону брата и сестры, не отвлекаясь от начатого разговора. Больше никого видно не было. Вскоре парни докурили, побросали окурки под стену и не спеша потянулись обратно в бар. Один отделился от толпы. Высокий, с длинными темными волосами, собранными в хвост. Он подошёл к Миле и Иву, бросив на каждого долгий изучающий взгляд. Молча протянул открытую пачку сигарет. Ив покачал головой, и парень убрал пачку в карман длинного черного плаща.

— Уже бывали здесь? — спросил он.

Ив нахмурился и хотел было нагрубить в ответ, потому что настроения вести праздные беседы не было, но Мила легонько дернула брата за руку и ответила:

— В баре "Спрут" мы впервые.

Парень кинул беглый взгляд на улицу за их спинами, повернулся ко входу и молча кивнул, предлагая следовать за ним.

Ив с вопросом уставился на сестру, и та прошептала, не сумев скрыть ребяческую улыбку:

— Секретная фраза.

Бар встретил запахом спирта и неисправной канализации. В полутемном коридоре с черными стенами было пусто, влево вели двустворчатые двери, за которыми раздавались голоса и грубый смех, с правой стороны первая дверь обозначалась табличкой с символом туалета, а вторая выглядела расшатанной и грязной. Ее и толкнул незнакомец. Дверь вела на лестницу. В молчании они поднялись на второй этаж. Голые бетонные стены длинного коридора покрывали пестрые пятна граффити, на полу валялись осколки бутылок и бычки. Незнакомец не оборачиваясь вел их к противоположному концу коридора. По лестнице они

снова спустились на первый этаж, вышли на улицу и почти сразу же нырнули в подъезд соседней высотки, стоящей буквально в двух метрах через дорогу. Потом снова поднялись на второй. Парень остановился напротив обитой железом двери, набрал команду на своем браслете — замки щёлкнули, и дверь со скрипом открылась. Длинноволосый пропустил гостей внутрь и захлопнул дверь.

Прямо напротив входа посреди широкой студии стоял старый стол в окружении драных диванов. Девушка с короткой стрижкой, примерно ровесница Ива, оторвалась от планшета и повернулась.

— Мастер M 01?

Мила смущённо кивнула:

— Просто Мила. Это мой брат Ив. А ты, наверно, Маленький Монстр? — Потом взглянула на парня. — Охотник 89?

Тот кивнул, а девушка приветливо улыбнулась.

— Что ж, Просто Мила, зови меня Аврора. Или Ро, как угодно. Я киберпреступник с стажом. А этот угрюмый красавчик — Янош, мой хороший друг и мастер на все руки. Чем мы можем вам помочь?

Мила замялась на секунду, потом опустила глаза и стянула шапку. Новые знакомые в молчании пялились на ее рога несколько секунд, потом Аврора указала рукой на диваны.

— Располагайтесь. Чаю?

Не дожидаясь ответа, она закрыла планшет и подошла к крохотной кухне в дальнем углу. Брат с сестрой опустились на протертый диван с неприятными бугорками под обивкой. Янош остался подпирать стену со сложенными на груди руками. На вид ему было лет двадцать пять-тридцать. Бритые виски и затылок, темно-русые волосы, серые глаза на спокойном лице. Он долго и неотрывно изучал гостей, так что в конце концов под его внимательным взглядом стало неудобно. Наконец, он подал голос:

— Вы ведь избавились от чипов?

Ив кивнул. Он чувствовал некоторое напряжение и понятия не имел, как себя вести. Захотят ли они помочь, да и смогут ли? А может, все это — всего лишь хитрая ловушка, и скоро в помещение нагрянет полиция, Чистильщики или люди Тощего? Одна сплошная неизвестность. Они с сестрой здорово рисковали, придя сюда. С другой стороны, рисковали и эти люди, если они и правда те, за кого себя выдают. От вопросов и предположений кипела голова. Просить о помощи — ничуть не проще, чем пытаться решить все самому.

Янош обратился к Миле, взгляд его стал чуть мягче:

— Здесь безопасно. Когда мы шли сюда, не должны были попасть на камеры, так что здесь искать точно не будут. К тому же, мы подключили свою программу к местным камерам и узнаем заранее, если пожалуют гости.

— Спасибо, — кивнула Мила и снова спрятала рога под шапкой.

Она их стыдилась, это было видно по ее лицу. Но остальные, похоже, не видели в порче ничего такого. На миг в груди вспыхнула злость, когда Ив вспомнил, с каким отвращением пялились на Шлака прохожие, куда бы тот ни пошел. Да и работники Тощего даже спустя столько лет не перестали его презирать. Что было бы с Милой, окажись она в подобной ситуации?

Янош перевел взгляд на Ива.

— Паршиво выглядишь. Что с рукой?

— Протез поврежден.

Парень оторвался от стены.

— Показывай. — Ив одарил его скептическим взглядом, и Янош добавил: — Я, конечно, не дипломированный биомеханик, но кое-что умею.

Ив со вздохом снял куртку, заранее уверенный в провале затеи. Янош навис над ним, осмотрел протез, повертел его так и эдак. Констатировал:

— Разорваны волокна мышц, только сгибатель каким-то чудом держится. Выдвижной механизм заклинило, надо разбирать и смотреть. На твое счастье, инструменты у меня есть.

Янош подошёл к стеллажам в задней части комнаты и принялся шарить по стоящим на полках коробкам. В это время Аврора принесла две чашки с дымящимся напитком, одну поставила перед Милой, другую подвинула к Иву. Сама уселась напротив сестры, расслабленно откинулась на спинку дивана. На ней была свободная рубашка и широкие штаны — классический вариант домашней одежды. Короткие волосы, чуть отдающие рыжиной, едва прикрывали уши. Девушка с интересом оглядела гостей.

— Ну, рассказывайте, в какую передрыгу вы попали.

Мила обхватила ладонями горячую чашку, подула. Потом с ноткой гордости сказала:

— Брат вывел из строя троих Чистильщиков.

Аврора присвистнула, изумлённо подняв брови, Янош одобрительно хмыкнул. Ив пожал плечами, будто сражаться с биомехами, которые раза в два тяжелее и сильнее любого человека, не такое уж большое дело.

— Я ничего не смог бы сделать, если бы не протезы, — заметил Ив.

— Значит, вам удалось оторваться? — уточнил Янош.

Он поставил на стол футляр, снял плащ и повесил его на спинку дивана, оставшись в черной футболке без рукавов и черных же штанах. Обе жилистые руки обвивали абстрактные узоры выцветших татуировок, похожие на трещины. Янош сел напротив Ива и вывалил инструменты из футляра на стол.

— Удалось, — ответил Ив, — но операторы уже наверняка проанализировали видео с Чистильщиков и определили наши личности. Если кто-то из нас засветится хоть на одной камере — тут же прибудут отряды.

— Не парься, — легкомысленно заявила Аврора, — мы лучше всех знаем, как скрыться от властей.

Ив ответил ей хмурым взглядом.

— От властей — ладно. Они полагаются на системы распознавания, поисковые дроны и андроидов. Технику можно обмануть. А как быть с людьми Тощего?

— Давай решать проблемы по порядку. — Янош взял в одну руку пинцет, в другую стилус с тонким наконечником. Оба инструмента предназначались для работы с мелкими деталями. — Положи руку на стол.

Ив поколебался. Подозрительность напомнила о себе. Он перевел взгляд с Яноша на Аврору. Оба вели себя спокойно и уверенно, даже дружелюбно, но это совсем не значило, что можно им довериться.

— С чего вдруг вы нам помогаете? Кто вы вообще такие?

Мила укоризненно поглядела на него.

— Брат...

— Нет-нет, — перебила ее Аврора, — все нормально. Тебе, должно быть, тяжело поверить, что в мире существуют люди, способные думать не только о себе. — Девушка не улыбалась. Ее взгляд был прямым и серьезным. — Каждый из нас — я имею в виду не только

нас двоих, но и всех остальных, кто нам помогает, — не желает принимать законы империи. Тупо и безропотно следовать правилам, которые ограничивают нашу свободу. Довольствоваться малыми крохами, соглашаться с любым словом власти и делать вид, что так и должно быть. Молчать, когда они разделяют семьи, убивают за один косой взгляд. Они обращаются с нами как с собственностью. Так запугали жителей, что те и рады покорно исполнять любые прихоти. Поколение безмозглых рабов, которые не знают другой жизни. — Аврора перевела дух и чуть спокойнее добавила: — Поэтому мы и хотим вам помочь. Представь: одно чудесное спасение порченной вставит столько палок в колеса империи!

Ив только презрительно фыркнул:

— Все это бессмысленно.

Потом положил руку с повреждённым протезом на стол. Янош усмехнулся и склонился над протезом. Пинцетом он подцеплял волокна, похожие на тонкие провода, а при помощи стилуса скреплял их в месте обрыва.

— Не обращайте внимание, мой брат пессимист, — скорбно заметила Мила.

— Да ладно? — Ив кинул на нее мрачный взгляд. Сестра всегда верила в то, во что хотела, и не желала принимать действительность. — Давай, спроси у них, есть ли хоть какая-то польза от того, что они делают? Многих ли порченных удалось спасти?

Брат и сестра повернулись к Авроре, а на ее лице появилось сожаление или даже стыд. Она повесила голову, опустила взгляд в пол. После долгого раздумья с печальным вздохом признала:

— Правду? Ни одного.

В комнате повисло тяжёлое молчание. Аврора удрученно пялилась на штаны и скребла ногтем несуществующее пятно. Янош продолжал работать. Он не стал ничего говорить, только неодобрительно поджал губы. Было непонятно, относится ли его неодобрение к словам Ива или к осознанию бесполезности их маленькой команды. Мила принялась сверлить брата укоризненным взглядом. Наверно, хотела, чтобы он извинился за грубость, или высказал слова поддержки, или что там ещё принято в обществе. Ив в эти игры не играл. Мир жесток, так зачем делать вид, что это неправда?

Свободной рукой он взял кружку со стола. Чай уже успел остыть до приемлемого состояния. На вкус он был сладким, с ягодными ароматическими добавками и неизменными нотками фальши. Всего лишь вода со вкусом чая. Поставил полупустую чашку на стол и оглядел повнимательнее помещение. На первый взгляд показалось, что это квартира-студия, но потом Ив разглядел едва заметную стеновую панель, скорее всего, ведущую в другую комнату. В одном углу разместился стеллаж со скудным набором кухонных принадлежностей — только самое необходимое. У противоположной стены стоял стеллаж побольше, с ящиками и коробками с каким-то оборудованием. Два протертых дивана вокруг стола посреди комнаты. Стены пожелтели и кое-где покрылись плесенью, на потолке потрескалась штукатурка. Все вокруг казалось старым и заброшенным, будто прежние владельцы оставили квартиру лет пятьдесят назад, и таким безликим. Никаких личных вещей, фотокарточек на стенах, или тех мелочей, которые создают домашний уют. Складывалось впечатление, что квартира пустовала ровно до сегодняшнего утра.

Молчание затягивалось, и все присутствующие, кажется, чувствовали какую-то неловкость. Мила первой нарушила тишину.

— Ив, ну зачем ты так? — обратилась она к брату с досадой, и он не сразу смог вспомнить, о чём идёт речь. — Эти люди делают что могут. Они открывают тайны,

показывают то, что власти пытаются скрыть. Говорят правду об империи. Совсем немногие делают хоть что-то!

Аврора подняла на Милу такой взгляд, каким утопающий смотрит на соломинку. Похоже, ей важно было услышать что-то подобное. Но Ив остался непреклонен.

— А есть ли смысл что-то делать? Жить иллюзиями о прекрасном будущем, которое можно сотворить своими руками? Правда в том, что кучка энтузиастов не сможет изменить ни порядки империи, ни власть Огнева, ни, мать их, законы мироздания! Всегда, во все времена будут люди, которые используют других для достижения своих нужд, и всегда будут те, кто позволяет собой пользоваться. Найдутся и несогласные, уверенные в том, что все можно изменить. — Он развел рукой, иллюстрируя тщету и безысходность. — Это не империя такая, это люди такие.

Янош только шумно вздохнул, не отрываясь от работы, а обе девушки уставились на Ива с явным несогласием. Но пока одна из них не начала доказывать обратное, Ив добавил примирительно:

— Мне плевать на империю. Меня заботит только безопасность сестры. И несмотря на то, что я не разделяю ваши взгляды, я готов помочь чем смогу, если и вы сможете помочь нам попасть за стену.

— Уверен, что снаружи будет лучше? — обратилась к нему все ещё немного напряжённая Аврора. — Вы могли бы вживить под кожу блокировщики программ распознавания лиц, немного изменить внешность.

Ив не был уверен ни в чем. Он не знал, что их с сестрой ждёт снаружи, и это пугало. Ненавистная неизвестность. Но все же твердо ответил:

— В Огневе Мила не будет в безопасности и уж точно не будет свободной.

— А как же те твари за стеной? Ты вообще в курсе про них?

— Как раз вчера замочил одну.

Аврора недоверчиво прищурилась, глядя на него, потом открыла планшет и застучала по клавиатуре на экране. Несколько секунд спустя она запустила видео и повернула экран так, чтобы всем было видно.

В новостном репортаже показали съемку с коптера. Внизу ржаво-бурая свалка, сбоку серая лоскутная стена. Четверо солдат в имперской форме с непроницаемыми шлемами, вооруженные до зубов, сражаются с крылатой тварью. Потом показали момент сжигания побежденного врага.

— Ещё вчера жители Огнева были обеспокоены новой внешней угрозой, — вещала мэр Карина. — Все мы наслышаны о тварях, которые обитают в лесах вокруг города. Но впервые одной из этих тварей удалось подобраться так близко к стене. Мы немедленно взяли ситуацию под контроль. Чтобы успокоить граждан и предотвратить даже малейшую возможность угрозы безопасности, мы в срочном порядке собрали отряд элитных бойцов...

Ив не удержался и рассмеялся. Остальные поглядели на него в ожидании объяснений.

— Элитных, как же: три калеки, мутант и жирдяй.

Те, конечно же, ничего не поняли. А Шлак оценил бы иронию.

Тем временем Карина продолжала:

— ...бой был долгим и трудным, не обошлось без потерь, но тварь повержена. Теперь спокойствию граждан ничто не угрожает. Будьте уверены: мы защитим вас. — Карина говорила все это с искренней заботой в голосе и такой убежденностью, что сложно было усомниться в ее словах. — Хотелось бы ещё раз напомнить гражданам о том, как важно

оставаться внутри стен, под защитой города. Снаружи множество опасностей, включая неконтролируемых диких существ, после встречи с которыми неподготовленный человек просто не выживет. Предки построили неуязвимую стену, чтобы обеспечить безопасность жителей Огнева. Помните: империя всегда была и будет на вашей стороне. Ваша безопасность — наш приоритет.

На этом видео закончилось. Аврора придвинула к себе планшет и сосредоточенно уткнулась в него. Мила обернулась к брату. На лице ее была тревога.

— Так это ты был там? Один из солдат на видео? Тебя Тощий заставил?

— Мы все пошли туда добровольно, — нехотя ответил Ив. — Это просто работа, за которую платят. Кстати, было бы неплохо взломать мой счёт. Деньги сейчас не помешают, а без чипа и браслета у меня нет к ним доступа.

— Не проблема, — заявила Аврора, — но куда ты их потратишь, если вы все равно планируете валить из города?

— Ну... — он взглянул на сестру со слабой улыбкой, — я все ещё надеюсь заняться здоровьем Милы.

— А что с ее здоровьем?

Мила опустила глаза и с раздражением сказала:

— Ничего. Абсолютно ничего. Я просто слабачка с плохим иммунитетом.

— А как же врожденный порок сердца? Обструктивная болезнь лёгких? Частая анемия?

— Пройдет много лет, прежде чем это начнет мешать мне жить. Сейчас даже кашля нет.

А анемия из-за... ну... Короче, ты сильно преувеличиваешь.

Ив собирался было возразить — сестра вечно не слишком серьезно относилась к здоровью — но тут Аврора выругалась и снова повернула экран к остальным.

— Смотрите!

Там была статья с не слишком четкой фотографией, сделанной с большого расстояния. У верхнего края стены на верёвке висело тело с мешком на голове. По обычной гражданской одежде повешенного можно было определить только, что это мужчина.

— Написано, что он висит там с сегодняшнего утра, и что власти не собираются пока убирать тело. Министр Даниш заявил прессе, что этот человек поставил под угрозу безопасность города и был казнён.

— Тощий говорил, — припомнил Ив, — что кто-то из дозорных слил информацию о твари. Наверно, это он.

Брови Авроры сердито сдвинулись, она повысила голос:

— Но это я! Я перехватила отправленный мэру файл, где видно тварь за стеной, и распространила. Они ведь сначала хотели скрыть эту информацию. Думала, так нам удастся уличить их во лжи, и начнутся волнения. А теперь... — К концу фразы голос девушки дрогнул, она удрученно покачала головой.

— А теперь они обернули ситуацию в свою пользу, — закончил Ив. — Этот труп — предупреждение. Наверно, они так и не нашли предателя, и повесили одного из дозорных наугад, чтобы показать, что у них все под контролем. Но для остальных дозорных и для нас, кто вчера был за стеной, это послание: вот, что будет с теми, кто вздумает болтать лишнее. Я не удивлен.

Снова повисло молчание. Аврора принялась ковырять ногтем воображаемое пятно, Мила маленькими глотками пила остывший чай, а Янош все ковырялся в протезе. За время разговора он успел соединить разорванные волокна мышц и теперь возился с выдвигаемым

механизмом. Он поставил на место металлический сегмент внешней стороны предплечья, покрытый искусственной кожей, скрепил стыки.

— Ну, пробуй.

Ив сжал пальцы в кулак, повертел рукой, потом отвел ее в сторону и проверил клинок.

— Как новая, — с некоторым изумлением заметил он. — Спасибо.

Янош приподнял уголок рта, кивнул и начал собирать инструменты.

— Кстати, у тебя вся спина в крови. Могу помочь и с этим.

Ив заглянул через плечо. Пара засохших пятен на майке, ткань слегка порвана. Ничего такого, о чем следовало бы беспокоиться.

— В другой раз. У меня ещё есть дела. — Он провел рукой по пыльной куртке с прилипшими клочьями паутины, чтобы привести ее в нормальный вид, надел и поднялся. — Кто-нибудь знает, где достать браслеты без привязки к пользователю?

Янош тоже встал из-за стола.

— А сколько надо?

— Два-три.

Длинноволосый достал со стеллажа коробку и грохнул ее на стол. Внутри лежала целая куча новеньких персональных браслетов с прикрепленными к каждому наушниками.

— Прямиком с завода, — усмехнулся Янош. — Выбирай.

— Краденые?

— А то.

Ив выудил из коробки три устройства. Одно закрепил на руке, остальные хотел распахать по карманам, но Аврора протянула руку:

— Погоди-ка, я добавлю их коды к себе, а то потом не сможем связаться. — Она быстро набрала команду на своем браслете. — И твой тоже. Они все пустые, неиспользованные. Так что и ты сохрани мой код.

Ив сделал пометку на своем браслете и забрал остальные два. Обратился к сестре:

— Мне нужно уйти ненадолго. Постараюсь решить наш вопрос как можно скорее. — Потом обвел взглядом новых союзников, Аврору и Яноша. — Позаботьтесь о сестре, если что.

Мила тут же приняла обеспокоенный вид. Глаза округлились, девушка вскочила с дивана.

— Брат, ты...

— Не парься, — улыбнулся ей Ив. Притянул к себе и коротко обнял. — Просто навещу одного старого друга.

День клонился к вечеру. Улицы города тонули в холодных тенях высоток, и даже теплый пар, вырывающийся из-под земли, уже не согревал так, как раньше. Погода менялась, и особенно это было заметно здесь, внизу, в вечной сырости.

Ив брёл по улице, опустив голову. Кончики ушей под капюшоном пощипывало из-за вечерней прохлады, и недавно начавшаяся противная морось никак не способствовала улучшению общего настроения. Ив ужасно устал. Все тело болело после вчерашней схватки с нечистью и сегодняшней с Чистильщиками. В глаза будто песка насыпали. Он не спал уже почти двое суток, но прежде чем позволить себе передышку, должен был сделать кое-что.

Узкая улица привела его к неосвещенной подворотне. В тенях пряталась сгорбленная фигура в плаще. В остатках тусклого солнечного света можно было разглядеть неприветливое лицо, заросшее бородой, и седые сальные волосы. Мужчина стоял, прислонившись поясницей к стене, будто не мог выпрямить спину, и прятал руки от холода в нагрудных карманах. Из рта облачками вырывался пар. Ив подошёл к нему.

— Шлака давно видел?

Мужчина кинул на него настороженный взгляд. Просипел:

— Сегодня не видел.

От него густо несло спиртом и лишайником. Но это совсем не перебивало вони застарелого пота. Ив поморщился и отвернулся, перешёл на другую сторону дороги и опустил на корточки у стены. Придется подождать.

Он вообще не был уверен в правильности принятого решения. Всё-таки Шлак давнó служил боссу, гораздо дольше, чем они с Ивом сотрудничали. Он мог и не вспомнить, что Ив недавно спас ему жизнь, или, точнее, не стал тупо смотреть, как громилу убивают. Надежда на то, что Шлак его выслушает, а не станет тут же бить морду, была ничтожно мала, но Ив хотел попытаться. Всё-таки четырехрукий — его единственный друг, если так можно назвать взаимное отсутствие ненависти.

Дальше разговора со Шлаком Ив ещё ничего не планировал. Слишком многое могло пойти не так уже на начальном этапе. Слишком многое зависело не от него, и это напрягало. Куда проще рассчитывать лишь на свои силы и не думать о том, кто и в какой момент тебя подведёт. Но не все можно решить в одиночку.

От мыслей его отвлекли звуки тяжёлых шагов. Так стучат сапоги с окованными металлом мысками. Внушительных размеров фигура в просторном плаще показалась из-за поворота. Шлака ни с кем не спутаешь. Он шагал по центру дороги с расправленными плечами и поднятым подбородком, с таким видом, будто город принадлежит ему. Этим он отличался от всех порченных, которых Иву довелось повстречать. Шлак всегда гордо встречал насмешки и брезгливые взгляды, он не стыдился порчи, как остальные, а наоборот, гордился своей непохожестью. Учитывая, через что он прошел и что вынужден терпеть каждый день, это вызывало уважение.

Ив наблюдал на расстоянии, как Шлак подходит к тому грязному мужику, протягивает ему наличку, а взамен получает свёрток. Лишайник. Шлак уже много лет покупал курево у одного и того же сборщика на одном и том же месте. Просто потому, что все остальные боялись иметь с порченным дела.

Поставщик указал в сторону Ива, громила обернулся, помедлил немного и зашагал к нему. А Ив внезапно понял, что совершенно не готов к разговору. В голове стоял густой туман, и такой же туман клубился вокруг, подсвеченный редкими фонарями. Шлак остановился в нескольких метрах от него. Он выглядел удивлённым.

Ив открыл было рот, но так ничего и не придумал. Порченный опередил его:

— Ты че тут забыл?

По вечно грубому тону сложно было понять его настрой. Ив наконец взял себя в руки и осторожно начал:

— Я, э... хотел поговорить.

— Так я весь день проторчал на базе. Не мог там что-ли найти? — усмехнулся громила, а Ив с облегчением выдохнул: значит, прямо сейчас бить морду не собирается.

— Уже слышал новости?

— Ты про того повешенного на стене? Все думают, что это он разболтал про тварь.

Ив нахмурился и задумался. Похоже, громила не слышал про сегодняшнее происшествие. Тощий и сам еще не знал, или не захотел рассказывать? Похоже, бюрократическая волокита впервые сыграла на руку. Пока операторы выясняют, чье право на просмотр материалов с биомехов выше по очередности, можно успеть завершить дела.

— Давай-ка пройдемся. — Ив кивнул в сторону пустынной улочки, где, как он знал, камер не было.

Шлак сунул в зубы самокрутку, щёлкнул зажигалкой. Вместе они медленно двинулись вдоль обшарпанных бетонных стен с заколоченными окнами.

— Паршивый видок, — с усмешкой заметил громила, когда они попали в пятно фонарного света. — Что, опять с кем-то подрался?

— Типа того.

Из-за усталости Ив никак не мог сосредоточиться. С трудом соображал, и принимать какие-то решения в таком состоянии было совсем тяжело. Если Шлак еще не знает, что Ив стал врагом империи, это можно использовать. С другой стороны, громила все же был его товарищем, а обманывать единственного друга — совесть замучает. К тому же, не сегодня, так завтра Шлак и сам обо всем узнает. И если Ив обойдется с ним подло, то просто заполучит ещё одного врага вместо возможного союзника или хотя бы нейтрального наблюдателя.

— Слушай, здоровяк, — начал Ив, а внутри все сжалось от напряжения, — я попал в передрагу. Проблемы у меня, короче.

Они остановились перед расшатанной металлической лестницей, которая поднималась по боку здания этажа до седьмого. Ив тяжело опустился на ступени. Голова шла кругом. Сомнения грызли изнутри. Возможно, все, что он делает сейчас, одна сплошная ошибка.

— Моя сестра, Мила, — сглотнул подступивший к горлу ком и практически прошептал: — порченая.

С изрытого шрамами и подкрашенного синяками лица Шлака сошла ухмылка. Он молча затаился, выпустил струю тошнотворно вонючего дыма. Несколько долгих секунд они глядели друг на друга.

— И зачем ты мне это говоришь? — холодно поинтересовался громила.

— Потому что больше некому.

Шлак молча глядел на него здоровым глазом и курил, а Иву оставалось только напряжённо гадать, о чем думает громила. Он был импульсивен и непредсказуем, жесток,

предан идеалам империи. Возможно, немного безумен. Как ни посмотри, не лучший выбор, чтобы доверить тайну, от которой зависела жизнь.

Шлак шумно вздохнул и опустился рядом. Старая лестница опасно зашаталась под его весом. Он протянул дымящуюся самокрутку Иву, тот помедлил мгновение, принял ее и затянулся. Отвратительный ядрёный дым с привкусом прелой соломы тут же наполнил рот горечью, в горле словно битое стекло застряло. Он закашлялся, вернул окурочек и прохрипел:

— Твою мать, это ещё хуже, чем я предполагал.

Шлак на миг растянулся в ухмылке, но потом снова сделался серьезным.

— Ну так чего ты от меня ждёшь? Совета? Помощи? Сам знаешь правила: никаких исключений. Даже для порчей, чьи родственники работают на Тощего.

Ив твердо взглянул на товарища.

— Я не позволю забрать ее. Это моя семья. Не знаю, поймёшь ли ты.

— Ясно. Значит, решил пойти против города. Почему бы мне не сдать тебя властям прямо сейчас?

— Потому что мы...

— Друзья? Ты пришел на встречу, зная, как я отношусь к предателям, и думаешь, что пара совместных пьянок помешает мне выполнить долг? Да ты ещё более отбитый, чем я думал.

Он затянулся и мрачно уставился перед собой, уперев три свободные руки в колени.

— Слушай, я не прошу тебя предавать Тощего, или, там, свои идеалы. Он ведь не давал команды поймать меня?

— Кто, босс? А с чего бы? — Шлак прищурился. — Уже что-то успел натворить?

— Утром я вывел из строя троих Чистильщиков, когда они внезапно накинулись на нас. Тогда и узнал, что Мила...

Шлак присвистнул.

— Троих? Поделом механическим ублюдкам! Ну и какой план? Хотя, нет, я все равно не собираюсь в этом участвовать. Я боссу всем обязан.

— Тощий тут ни при чем. Какой ему толк от жизни или смерти одной девчонки? Когда надзиратели поймут, что она не может работать, они просто... — Ив заскрипел зубами от досады. Сама мысль о подобном будущем сестры причиняла боль. — Ну, ты и сам знаешь, как обстоят дела. Если ее поймают, она не протянет долго.

— Да уж, ситуация. — Четырехрукий щелчком отправил окурочек в полет. Испустил шумный протяжный вздох. — Так что ты хочешь от меня?

Ив взглянул на товарища с надеждой, внутренне сгорая от стыда. Всю жизнь он старательно избегал просить о помощи, потому что считал, что этим признает свою слабость. Пришло время избавиться от гордыни.

— Мне нужно, чтобы ты незаметно передал один браслет торговцам на следующей поставке и один Мареку. Больше ничего.

Шлак повернулся к нему с серьезным выражением — настоящая редкость. Прищурил здоровый глаз. Второй прикрывала свежая медицинская накладка. Тихо сказал:

— Ты же понимаешь, что если меня поймают, я не просто лишусь всего, что есть. Босс размажет меня, как дерьмо по полу.

Ив тяжело вздохнул. Конечно, он подумал о возможных последствиях. И из-за этого просить об услуге было ещё тяжелее.

— Это единственный шанс. Кроме тебя, мне больше никому доверять.

Шлак нахмурился, пожевал губы в раздумьях.

Тишину закутанного в тени и туман города нарушало низкое гудение завода, не прекращающего работу ни на минуту. От нагретого за день бетона поднимался пар, он клубился в тусклом свете фонарей и горящих окон. Мелкая морось готова была вот-вот превратиться в дождь.

Ив ждал. Что ещё оставалось? На месте громилы он послал бы с такими просьбами куда подальше. Ввязываться в чужие проблемы, рисковать собой — ради чего? За "спасибо" от человека, которого толком и не знаешь?

— Ладно, — проворчал громила, — давай сюда свои браслеты.

Ив не сразу смог осознать, что не ослышался. Он удивлённо заморгал. Уставился на Шлака в ожидании, что тот сейчас рассмеется и скажет что-то типа: поверил, придурок? Но он только хмурился и глядел вперед.

Ив протянул ему браслеты. Воздуха вдруг стало мало, в горле снова запершило. Чувства переполняли его, но главным было облегчение. Он хрипло выдохнул:

— Спасибо. Правда.

Шлак не глядя схватил браслеты и спрятал их во внутреннем кармане. Поднялся, сложил руки на груди.

— Я делаю это, потому что малая показалась мне славной. Жаль ее. И ещё потому, что я тебе должен. Но на этом все. — Он сверкнул янтарным глазом, в холодном тоне появилась угроза. — Когда мы встретимся в следующий раз, мне придется тебя убить.

Громила развернулся и быстро пошел прочь.

Ив брёл под дождем по ночному городу. Водоотталкивающая ткань куртки защищала только от дождя, но не от холода, так что он успел порядком замёрзнуть. Тело ныло и сопротивлялось каждому движению, глаза слипались. Но долгожданный сон снова пришлось отложить на неопределенное время.

Из разговора со Шлаком следовало, что на базе пока не слышали про утреннее происшествие с Чистильщиками, а значит, не считают его врагом. И пока эта информация не распространилась, у Ива был шанс не привлекая лишнего внимания побродить по базе и достать все необходимое. План созрел внезапно, и действовать нужно быстро.

Он достал наушник, набрал на браслете команду вызова — благо, Аврора заранее напомнила, чтобы они обменялись кодами. Почти сразу из наушника раздался обеспокоенный женский голос:

— Слушаю! Все в порядке?

— Да. У меня просьба. Аврора, можешь подключиться к камерам базы Тощего и найти один предмет?

— Подключиться — да, а вот с поиском могут быть сложности. Что именно найти? Для автоматического поиска с использованием поисковых систем нужно изображение.

— Изображения нет. Но это устройство в виде небольшого куба, который помещается на ладони. Скорее всего, оно в хранилище, в мастерской или спальне Тощего. — Если его ещё не разобрали и не уничтожили, добавил он мысленно.

— Попробую. А что это вообще такое?

— Это устройство староверов, которое действует по типу сталкерских браслетов, но с большой зоной покрытия. Оно должно было помочь торговцам провести по свалке несколько десятков порчей.

— Оу, и почему мы сами до такого не додумались...

— Я сейчас иду к базе. Но если там нет куба, то и смысла туда пробираться нет.

— Ладно, поняла. Сделаю, что смогу. Будем на связи, — пообещала Аврора и отключилась.

Если не будет куба — придется придумать какой-то другой способ избежать расстрела охранными коптерами. Может, создать подобное устройство. Однако на это потребуется время, а с каждым лишним днем, проведенным в Огневе, вероятность быть пойманными только увеличивается.

Из-за дождя на улицах было не так много народа. По бетонному полотну к сливным отверстиям текли ручейки, и редкие прохожие в непромокаемых плащах шлепали прямо по ним. В это время суток одни возвращались домой после дневной работы на одном из заводов, другие только готовились заступить на ночную смену. Под козырьком у входа в бар жались люди, они все глядели вверх, на огромную проекцию на стене высотки напротив. Хмурые и даже сердитые лица. Ив тоже поднял голову, прислушался. В городе с таким количеством фонового шума учишься не обращать внимания на рекламные объявления и новостные трансляции, которые целыми днями гоняют по кругу, пока от однообразия не начнет тошнить.

Сквозь шум дождя доносился бодрый голос диктора:

— В этом году мэ́р Карина празднует свой сто четырнадцатый день рождения! В честь праздника в городе организуют гуляния. На площадях будут оборудованы танцевальные площадки. В планах живая музыка и красочные инсталляции. Празднование продлится неделю и завершится традиционным салютом. Не забудьте линзы дополненной реальности: пользователей данных девайсов ждёт потрясающее виртуальное шоу! А если у вас до сих пор нет линз...

Ив собирался двинуться дальше, как пьяный возмущенный возглас из толпы у бара привлек его внимание. Растрёпанный, хорошо подпитый мужик разговаривал со своим приятелем, но слышно было всем.

— Сто четырнадцать! Нет, ты слышал? Похоже, мэ́р собирается жить вечно!

Стоящие рядом зашикали на него, но мужику явно лишняя бутылка не пошла на пользу.

— А знаешь, сколько было моей матери, когда она померла? Сорок два! Рак лёгких, так-то. Город не выделяет денег, чтобы лечить таких, как мы. А бате тридцать девять было. Лет через десять и мне в печь, если не раньше. Разве это справедливо?

— Да тихо ты, придурок! За такие слова...

— Какие? Что средняя продолжительность жизни простых работяг, как я, — лет пятьдесят? Что мы не можем позволить себе даже самую малость? Чтодохнем, как крысы в канавах, от первой попавшейся заразы, пока эти наверху каждый год меняют убитую вхлам постоянными пьянками печень?

Пора валить, подумал Ив. Опасно находиться рядом с такими типами. Это понимали и остальные: люди с улицы толпой поспешили в бар, пока пьяный мужик продолжал выкрикивать недовольства, а приятель безуспешно пытался его заткнуть. Когда они попытались зайти в бар, горластого не пропустили. Толкнули обратно под козырек, мужик споткнулся, не устоял на ногах и так и остался сидеть на ступенях.

Прежде чем свернуть за угол, Ив заметил, как двое в черном приблизились к недовольному, подхватили его под руки и потащили куда-то. Вот и все. И никому от его речей лучше не стало.

На браслете высветился входящий вызов, и через секунду из наушника раздался голос Авроры:

— Нашла твой куб в какой-то мастерской, там несколько столов с оборудованием и инструментами. Там собирают протезы.

— Понял, где это. А можешь глянуть, где сейчас Тощий? Не хотелось бы с ним встретиться.

— Секунду. Нет, на камерах его не видно.

Значит, либо босса нет на базе, либо он в личных комнатах, в которых не установлены камеры. Ив кивнул сам себе, сказал:

— Хорошо. Сообщи, если он появится, — и отключился.

До базы оставалось несколько десятков метров. Над землёй это был один из заводов по переработке. Широкое здание в семь этажей с торчащими из крыши огромными трубами. Под зарешеченными окнами ввелись в бетонные стены черные потёки, стекла покрыты копотью изнутри. Здание вплотную прилегало к стене. Территорию ограждал глухой бетонный забор с натянутой сверху проволокой под напряжением. Зайти и выйти можно было только через блокпост.

Ив приблизился к двери, снабженной устройством распознавания, встал напротив глазка камеры. Система просканировала его лицо, сверила по базе данных работников — и

дверь открылась. С замиранием сердца он проскользнул на территорию завода. Огромные гидравлические ворота, предназначенные для приема отходов и закрытые в это время, освещались двумя мощными фонарями. Рядом в стене была дверь нормальных человеческих размеров — для персонала. Она не закрывалась, чтобы работники в любое время могли прийти на базу и уйти. Ив толкнул ее. В тускло освещенном коридоре дежурил охранник в черном. Он встрепнулся от звука, опознал в пришедшем знакомое лицо и кивнул. Ив, не снимая капюшона, кивнул в ответ. Чаще всего этим и ограничивалось его общение с остальными людьми Тощего.

Коридор расходился на два входа: один, открытый, вел в просторный зал первого этажа, где осуществлялась разгрузка платформ и распределение отходов. Работы прекратились на ночь, и пустой тихий зал тонул в крошечной тьме. На верхние этажи вели грузовые подъемники и лестница между ними. Там же был спуск в казармы, где обитали порченые. Второй вход — в подвальные помещения базы — стоял отдельно, огороженный дверьми от едкого запаха отходов и косых взглядов порчей.

Ив спустился на нижний уровень, не встретив никого по пути. Однообразные серые коридоры освещались светодиодными лентами по всей длине и представляли собой путаный лабиринт, сориентироваться в котором с первого раза было просто нереально. Никаких указателей к выходу, только редкие надписи или номера на дверях. Ив работал на Тощего не первый год, так что расположение ключевых комнат давно выучил наизусть. Он уверенно направился к мастерской, стараясь не слишком спешить и не показывать нервозность.

Парочка безликих охранников попала на пути. Ив кивнул им, не имея понятия, кто это вообще такие. Пока все шло хорошо.

В мастерской работали двое: мужчина постарше с громоздким увеличительным прибором на голове ковырялся в протезе, а парень с кружкой в руке сидел над схемами. Их рабочие столы, как и стеллажи у стен, были в беспорядке завалены инструментами и разобранными устройствами. На полу громоздились коробки с деталями, одни выглядели новыми, пригодными для дальнейшего использования, другие — оплавленные, простреленные и поцарапанные — должны были отправиться на утилизацию. На пороге мастерской Ив чуть не споткнулся об одну из таких коробок, и оба механика обернулись к нему.

— Босс просил принести ему ту штуку, — небрежно бросил он и со скучающим выражением огляделся, — ну, устройство староверов.

Механик помоложе с хрустом разогнул спину и уставился на Ива.

— Зачем?

— Хочет провести эксперимент снаружи.

Парень вопросительно взглянул на старшего товарища, тот пожал плечами, не отрываясь от работы. Тогда парень указал на стеллаж, где в куче прочего хлама лежал куб, и снова склонился над столом, украдкой наблюдая за гостем.

Приготовившийся уже к драке Ив немного расслабился. Похоже, в последнее время ему везло. Хотя везение и отсутствие препятствий на базе казались подозрительными. Стресс и недосып сделали его параноиком, и во всем, что давалось слишком легко, он видел подвох.

Ив забрал куб, спрятал его в кармане куртки — устройство едва поместилось целиком — и побрел по коридору с единственным желанием поскорее покинуть базу.

На браслет поступил очередной вызов.

— Тощий появился в коридоре за поворотом впереди тебя! — затараторила Аврора.

Ив круто развернулся и прибавил шагу, потом свернул влево. Шепетом спросил:

— Куда он направляется?

— Тут развилка: прямо и направо. Повернул направо, в сторону мастерской.

Значит, если Тощий не зайдет сейчас в один из кабинетов по пути, то через пару десятков шагов поравняется с тем переходом, в котором скрывался Ив. Этот коридор длиннее предыдущего, и Ив не успеет добраться до поворота прежде, чем его увидит Тощий. Встречаться с боссом не хотелось — может, он как раз только что просмотрел видео с биомехов, и увидев беглеца на базе, тут же прикажет его арестовать. Но это была не единственная причина. Ив только что обокрал босса и собирался объединиться с торговцами против того, кто фактически вытащил его из нищеты и дал шанс на нормальное будущее. Конечно, он знал, ради чего приходится так поступать, но все равно испытывал стыд. Ответить на добро подлостью — вот это предательство.

Ив толкнул первую попавшуюся дверь — та на удивление оказалась открыта — быстро проскользнул внутрь и тихо закрыл за собой. Огляделся. Это была одна из жилых комнат, совсем крохотная, с кроватью у дальней стены, столом и крючками для одежды. Светловолосый парень, лёжа на кровати, подбрасывал к потолку мяч, а потом ловил. Он повернулся к гостю — и Ив с удивлением опознал в нем Марека.

— Чего тебе? — грубо бросил торговец, продолжая кидать мяч.

— Да ничего, — буркнул Ив. — Дверь оказалась открыта. Тебе что, разрешают гулять по базе?

Парень презрительно фыркнул и поднял руку, демонстрируя тонкий обруч на запястье. Устройство, которое бьёт током, если носящий его отходит слишком далеко от домашней станции.

Ив вспомнил о том, зачем вообще зашёл сюда, и поглядел на экран браслета.

— Ро, ты ещё здесь?

— Ага, — отозвалась Аврора. — С кем это ты разговариваешь?

— С кем ты там болтаешь? — одновременно спросил Марек.

Ив глянул на него и приложил палец к губам, потом обратился к Авроре:

— Где он?

— Пошел прямо, мимо твоего коридора. Остановился напротив двери, там что-то типа склада. Разговаривает с мужчиной в черном.

— Видишь по камерам, где я?

— Не-а. Слепая зона.

— Ладно, не отключайся пока. Сообщи, когда Тощий отойдет подальше. — Он поглядел на Марека. — Меня не должно здесь быть.

— Мне-то какое дело? — зло проворчал парень. — Заходите тут днём и ночью, будто я дивная зверушка, на которую всем обязательно надо поглядеть!

— Наверно, хочешь поскорее свалить отсюда?

Марек сел на кровати и принялся перекидывать мяч из руки в руку, хмуро глядя на Ива. Синяки на его лице уже прошли, но под глазами залегли тени, намекающие на проблемы со сном.

— Хочу, чтобы ты поскорее свалил.

Ив устало вздохнул и прислонился спиной к стене около двери. Вести беседы в таком состоянии он не горел желанием, но раз уж пришел, стоило хоть попытаться. Примирительным тоном начал:

— Знаю, не так давно у нас были разногласия. Знаю, что в некотором смысле я виноват в том, что тебя здесь держат. — Ив смущённо откашлялся. — Прости за это, Марек. Я надеюсь, что мы сможем с тобой стать... союзниками.

— Мы? — с возмущением воскликнул Марек. — Простить? Да ты хоть знаешь, сколько людей из-за тебя погибло? — Он поднялся, с силой сжал мяч в кулаке и злобно сверкнул глазами. — Знаешь, что чувствуют отец и остальные? Они наверняка винят себя в смерти тех людей. Так ещё и ввязались в кабалу, потому что не могут меня оставить! Если бы не ты...

— Да-да, вини меня сколько угодно, — закатил глаза Ив. — Мне поручили работу, и я ее выполнил. Ничего личного. Но теперь я хочу все исправить.

Марек фыркнул, плюхнулся на кровать и сложил на груди руки.

— Поздно.

— Ты ещё жив, так что не поздно. Если хочешь выбраться отсюда и освободить своих от ведения дел с Тощим на его условиях, советую не позволять прошлым обидам влиять на принятие решений в настоящем.

Марек несколько секунд сверлил его колким взглядом, раздражённо всплеснул руками и сдался:

— Ну и что ты предлагаешь, кудряшка?

— Ив. А если захочешь меня поддеть, называй Истислав.

— Давай-ка ближе к делу.

— Я планирую связаться с Радомиром и вывести тебя отсюда. И у меня есть это, — он вытащил из кармана куб. — Умеешь им пользоваться?

— Конечно. — Марек недовольно прищурился. — Так значит, хочешь вытащить меня и оставить порченных здесь?

Ив пожал плечами. Он уже думал о порченных и о том, что каждый из них пережил. После этого сумасшедшего дня, наполненного страхами и беготней, после разговора с Милой он по-другому взглянул на проблему порченных. Ив и раньше знал, что им непросто, но предпочитал делать вид, что его это не касается. Но теперь подавленная вина снова дала о себе знать. Вина за тех порчей, которых он сдавал властям за еду, и за тех, с которыми вел себя надменно и жестоко, потому что этого требовала империя. Вина за тех, которым помешал в шаге от свободы, и теперь они все превратились в пепел.

Ив потупился и тихо проговорил:

— Всех не спасти. Но мы можем попытаться.

— А тебе-то какая выгода?

— Мне и моей сестре нужно уйти из города. Мы хотим попасть в Свободные Земли.

Марек презрительно скривился:

— Сдается, ты бы и пальцем не пошевелил, если бы не острая нужда.

— Именно так. Но тебя это волновать не должно. Главное — мы оба получим то, что хотим, благодаря нашему сотрудничеству.

— Сильно сомневаюсь, что у тебя что-то выйдет, Истислав.

Да, Ив сомневался тоже. Но должен был попытаться. Он твердо взглянул на Марека.

— Мне, главное, знать, что, когда я приду за тобой, ты не захочешь остаться.

— Остаться в этом змеином гнезде? — невесело усмехнулся старовер. — Ты шутишь?

— Ну и отлично. Скоро Шлак передаст тебе браслет, и ты сможешь поговорить со своим отцом. Ро, ты ещё здесь?

— Да, да. Путь свободен. Прости, не хотела отвлекать от беседы. И кстати, ты все это

время был на громкой связи. Просто чтоб ты знал.

— Аврора, твою мать!

Перед уходом Ив ещё раз взглянул на Марека. Старовер выглядел хмурым. Не стоило рассчитывать, что он забудет так сразу все то, что случилось по вине Ива. Но если он хотя бы просто не наделает глупостей из желания отомстить, этого будет достаточно.

На обратном пути в коридорах никто не встретился. Осталось только подняться по лестнице и покинуть территорию завода. Ив вышел в последний переход, где у двери дежурил охранник. Сложно было не ускорять шаг, когда внутри все кипело от волнения. Каждую минуту он ждал, что услышит за спиной шаги и приказ остановиться. Не может же так долго продолжаться везение?

Он проделал уже половину пути, как входная дверь открылась и в коридор зашла женщина в длинном плаще. Арахна. Она отряхнула с плаща капли дождя, утерла рукавом мокрый лоб, кивнула охраннику и только потом заметила Ива. Стремительно зашагала к нему, стуча по полу металлическими протезами. Он попытался протиснуться мимо, но женщина преградила путь.

— Ив? Весь день тебя искала.

— Давай потом, а? — пробормотал он и снова попытался обогнуть ее.

Арахна ухватила его за плечо.

— Я просто хотела поблагодарить. В медицинском кабинете сказали, что, если бы мази не оказалось под рукой, Жесть через раны подцепила бы заразу. К тому же, мазь повысила шансы на восстановление кожи. Говорят, рубцы останутся, но могло быть и хуже. Так что спасибо тебе.

— Да не за что.

— Как всегда многословен, — усмехнулась Арахна. — Кстати, босс тоже тебя искал. Вам удалось встретиться?

— Ага, только что. Ну, мне пора. — бросил Ив и поспешил к выходу, пока женщина ещё что-нибудь не спросила.

Холодный ветер и дождь ударили в лицо, стоило только открыть дверь. Ив плотнее укутался в тонкую куртку и практически бегом направился к блокпосту. Брызги грязной дождевой воды летели из-под ботинок, и штаны до колен уже насквозь промокли. Ив остановился у глазка сканирующего устройства, подождал немного, но ничего не произошло. Он нетерпеливо скинул капюшон, повертел головой перед камерой в надежде, что системе просто недостаточно света для распознавания, или ракурс не тот.

Дверь все не открывалась. Ив внутренне похолодел от осознания, что попал в ловушку. В сердцах он ударил кулаком по двери — и в следующий момент услышал грохот десятков шагов позади. Резко обернулся — на улицу один за другим высыпали люди Тощего с направленными в его сторону пушками. Кто-то закричал:

— На колени! Руки держи на виду!

За спинами остальных остановилась Арахна. Она непонимающе поглядела на Ива и тихо протянула:

— Что же ты натворил?

Ее голос потонул в шуме дождя и криках людей.

Ив огляделся. Понял: не сбежать. Наемники окружили его и подходили все ближе, за спиной путь перекрывал забор под напряжением. Ив торопливо позвал:

— Мила, ты слышишь?

Из наушника раздался обеспокоенный голос сестры:

— Я здесь. Что происходит?

Люди Тощего подошли уже совсем близко.

— А ну, на колени!

Ив медленно поднял руки и опустился на раскрошенный бетон. Дождь просочился под воротник куртки, заливал глаза. Фигуры вокруг превратились в темные пятна.

— Мила... — Голос подвёл от осознания, что, возможно, говорит с сестрой в последний раз. — Не сдавайся, ясно? Ни за что не сдавайся.

Наемники подошли уже на расстояние вытянутой руки. Один из них резко ударил прикладом в висок. Ив покачнулся и упал в грязь.

Мила проплакала несколько часов. Она ненавидела себя за слабость, за то, что брат вынужден расплачиваться за ее ошибки, и за то, что даже в такой ситуации не может взять себя в руки. Но успокоиться не могла. Чем больше думала о том, что происходит с братом, тем становилось хуже. Что Тощий сделает с ним, когда узнает, что он не только спас порченную от Чистильщиков, но и хотел увести из-под носа теневого барона ценного заложника, разрушив таким образом торговые связи со старовеерами?

Ничего хорошего, уж точно. И в этом — во всем, что случилось за прошлый день, — виновата она. Если бы только хватило сил вовремя покончить с собой...

Не сдавайся, сказал брат. Но как это сделать, если никогда в жизни не полагалась на свои силы, а того, на кого полагалась, больше нет рядом?

— На, выпей.

Мила подняла опухшие красные глаза на кружку с горячим чаем перед собой, потом на Аврору. Девушка села на диван напротив и участливо улыбнулась.

— Знаю, тебе сложно сейчас о чем-то подобном думать, но мы ещё можем связаться с Радомиром. Ив сказал, что отдал браслеты Шлаку. Ты его знаешь?

— Это вроде как товарищ брата. Он показался мне... — Мила нахмурилась, — ну, не таким уж плохим, но это не значит, что он пойдет против босса.

— Если предположить, что он передаст браслеты, то когда мы сможем с ними связаться?

— Я не знаю, когда поставка. Лучше сделать так, чтобы старовееры сами связались с нами.

Аврора включила свой браслет, принялась на нем что-то печатать и одновременно размышляла вслух:

— На этих браслетах пока нет никакой информации. Мы не знаем, кому какой достанется, так что я отправлю им сообщения с кодом для связи с нами по закрытому каналу сети.

Мила только тяжело вздохнула.

Была уже середина ночи, и новые друзья все это время провели рядом, вместо того чтобы заняться своими делами или хотя бы поспать.

— Эй, Мастер Мила, мы найдем способ освободить Ива, — в который раз повторил Янош в надежде ее подбодрить.

Вот только многократное повторение не делает слова реальными. Что они могут? Трое людей против нескольких десятков охраны Тощего — и против целого города. Если Янош ещё выглядел готовым постоять за себя, а Аврора выглядела хотя бы просто здоровой, то Мила была слабачкой и неумехой, способной скорее помешать, чем принести пользу. Она не дралась никогда в жизни и не держала в руках оружия. А если вдруг дойдет до дела, вряд ли сможет в кого-то выстрелить. Как жаль, что в реальном мире не все так просто, как в виртуальных играх.

Мила резко выпрямилась от пришедшей на ум идеи. Потянулась к открытому планшету, который лежал на столе перед Яношем.

— Можно?

И не дожидаясь ответа начала искать информацию. Непослушные дрожащие пальцы

стучали по экрану, а в груди начал зарождаться лучик надежды.

— Вот. — Она повернула экран к остальным. — Вот, что мне нужно.

На экране высветилась старая фотография особого отряда полиции. Тела мужчин были дополнены громоздкими механическими устройствами, которые можно было снять и надеть в любой момент, будто костюм.

— Боевой экзоскелет?

— Именно, — с огнем в глазах кивнула Мила. — Роботизированный комплекс из металла и полимеров, который приводится в движение не физической силой, а при помощи системы датчиков, улавливающих активность мышц. Корпус защищает от пуль и гасит силу разрядов, а сила ударов механических конечностей во много раз превосходит человеческие способности.

— Ха, да нам всем такие не помешают! — поддержала Аврора. — Вот только они сняты с производства. Слишком дорого. Для силового подавления сейчас используют в основном просто улучшенных солдат.

— Да, но на складах должны остаться экземпляры в рабочем состоянии. Что-то такое писали в новостях... Несколько экзоскелетов оставили в качестве образца на будущее, когда технологии снова станут более доступны и ввод комплексов в эксплуатацию покажется властям необходимым.

— Пробежусь на склад и украдем целый экзоскелет? — Янош озадаченно вскинул брови. — Не думаю, что нам удастся при этом остаться незамеченными.

— Ну-ка, а что если... — Аврора открыла свой планшет и сосредоточенно в него уставилась. Через минуту поисков она победоносно улыбнулась и подняла глаза от экрана. — Обычно я такое не предлагаю, но, может, купим его? — Она развернула планшет, чтобы показать остальным страничку аукциона. Экзоскелет был выставлен на торги. — Это закрытый аукцион, о котором знают только те, кому положено. Если мы выкупим экзоскелет, у нас будет официальное разрешение на владение им. Но не использование, конечно. Так что если ты разок пройдешься в нем по улицам, вопросов не возникнет.

— Зато вопросы возникнут из-за этого, — напомнила Мила, указывая на рога, которые теперь постоянно прятала под шапкой. — Мне нельзя выходить.

— Точно, — потупилась Аврора.

Янош пробежался глазами по странице аукциона с подробно расписанными правилами, в задумчивости потёр подбородок.

— Не проблема. Купить и забрать экзоскелет может кто-то из нас. Или даже закажем доставку. Только вот, что дальше? Какой вообще план? Не хочу быть пессимистом, но...

— Тощий не станет убивать его, — твердо проговорила Мила. По крайней мере, ей очень хотелось в это верить. — Может, продержит несколько дней, но потом обязан будет предоставить его официальной власти.

— Следовать законам — не для него.

— В любом случае, у нас мало времени, чтобы вытащить его. То есть, у меня. Одно дело, предоставить убежище и помогать информационно, но это... Вы же не пойдете со мной на базу сражаться за незнакомца.

Янош опустил руку на ее плечо и заглянул в глаза. Выражение лица было серьезным и печальным.

— У многих из нас есть личные счёты к Тощему. Он согнал наших друзей и родных в казармы. Чью-то мать, чью-то то сестру, сына, племянника. Мы даже не знаем, живы ли они,

не можем с ними увидеться. Многие хотят отомстить, лишь бы подвернулся шанс.

Мила помолчала немного, потом тихо спросила:

— А кого потерял ты?

— Родителей, старшего брата. Порча проявилась только у него, но когда пришли Чистильщики по доносу соседей, родители встали у них на пути. В восемь лет я остался сиротой. Ялану было тринадцать. — На его лице на секунду отразилась боль, которую он до сих пор испытывал, вспоминая о семье. Потом Янош нахмурился, в голосе появилась жесткость. — Чуть позже я узнал, что Тощий продал Ялана владельцу подпольного клуба. Того, где порченных детей заставляют драться друг с другом, а если они не хотят, бьют током до тех пор, пока не станут умолять выпустить их на ринг. — Янош помрачнел, сложил на груди руки и отвел взгляд. Тихо закончил: — Он умер в первый же месяц.

Повисло тяжёлое молчание. Значит, и его Огнев перемолол на мелкие куски, из которых потом собрался кто-то другой, одержимый противостоянием и бесконечно грустный. Мила знала, каково это — остаться одной. Но ей повезло больше, чем Яношу. Она хотя бы не видела смерть матери. Можно было притвориться, что та ещё жива.

Мила осторожно дотронулась до руки Яноша. Сказала:

— Мне жаль.

Искренние слова, но бесполезные.

Янош слабо улыбнулся, хотел было что-то сказать, но просто молча поднялся, достал сигареты и сел на подоконник. Затянулся, глядя на ночной город в приоткрытую створку окна.

Мила перевела взгляд на Аврору. Пожалуй, лучшего момента не найти для разговора на такую личную и болезненную тему.

— А ты, Ро?

Аврора нервно и коротко улыбнулась, принялась ковырять ногтем дырку в обивке дивана.

— Да у меня похожая история. Сестра родилась со сросшимися ногами. С такой мутацией не живут. Не было смысла рисковать всем и прятать ее, и родители это знали. То есть, отец знал, а мать не хотела его даже слушать. — Девушка говорила это, скрывая обиду за показным равнодушием. — И вот однажды, когда мать уснула, отец забрал малышку и отнес ее в Центр Чистоты. Он сделал это, потому что знал: если придут Чистильщики, мы все можем умереть. Мать впала в продолжительную депрессию, отказывалась есть и в конце концов умерла. Мертвая дочь ей оказалась дороже, чем живая и здоровая. — Она изогнула брови и снова коротко улыбнулась. — Ты, наверно, думаешь: при чем тут Тощий? Да ни при чем. Я просто хочу, чтобы на порченных обратили внимание. Ведь тем, кто не терял своих близких, все равно. Люди такие: предпочитают не замечать проблему, пока она не касается их лично. Столько несправедливости творится прямо у нас под носом, а мы отводим глаза, потому что слишком боимся.

Аврора замолчала, погрузившись в свои мысли. Янош докурил сигарету и закрыл окно. Холодный воздух, пробравшийся в неотопливаемую квартиру, заставил поежиться. Мила уставилась в чашку, с горечью вспоминая моменты, когда и сама отводила глаза.

В тишине вдруг раздался сигнал вызова. Мила вздрогнула от неожиданности и вместе с остальными уставилась на экран персонального браслета Авроры. Вызов шел с браслета Ива.

В первую секунду Мила обрадовалась, решив, что брату каким-то образом удалось сбежать, потом сердце сжалось от мысли, что он звонит попрощаться, или что кто-то чужой

сейчас сообщит о его смерти. У остальных, видимо, появились похожие мысли. Они сидели и молча глядели на браслет, не решаясь ответить. Наконец, Аврора потянулась к кнопке громкой связи.

— А вдруг это не он? — зашептала Мила с волнением. — Они ведь не смогут нас отследить?

Палец Авроры завис над кнопкой.

— Нет, конечно, — отозвался Янош. — Ответ, вдруг всё-таки он. Хуже не будет.

Аврора приняла вызов и положила руку с браслетом на середину стола. Из динамика раздался спокойный голос, который можно было даже назвать приятным, если бы не вся эта нервозность ситуации:

— Мила, полагаю.

Девушка круглыми от испуга глазами поглядела на друзей. Янош покачал головой.

— Что ж, можешь не отвечать, — продолжал неизвестный, когда молчание затянулось. — Главное, слушай. Твой брат, Истислав, у меня. Где именно? На базе Тощего. На *моей* базе. Пока что он в порядке, жив-здоров. Ну, почти. Истислав крепкий парень, он может многое выдержать. А сколько выдержишь ты, зная, что каждый час, пока ты отсиживаешься в безопасности, ему причиняют боль?

Он сделал драматическую паузу, а Мила от волнения закрыла рот руками.

— Итак, предлагаю тебе вот что: если хочешь ещё раз увидеться с братом, пришли координаты и дождись моих людей, либо попытайся добраться до базы так, чтобы тебя не поймали Чистильщики. Нет, я не отпущу его, конечно, но в твоих силах сделать так, чтобы он не страдал перед смертью. Если продолжишь прятаться — Истислав умрет через много-много дней в муках, проклиная твое имя. А тебя все равно поймут, рано или поздно. Так зачем усложнять жизнь? Он и так уже достаточно настрадался по твоей вине.

Связь прервалась. Аврора и Янош настороженно переглянулись, а Мила спрятала лицо в ладонях. За миг до отключения показалось, что она услышала голос брата. Крик. Хотелось сию же секунду кинуться на базу. От обещаний Тощего мороз побежал по коже и в мыслях воцарился хаос. А хуже всего было осознание того, что он прав.

— Ты ведь не собираешься делать, как он сказал? — с тревогой взглянула на нее Аврора.

Не сдавайся. Так сказал брат.

Мила растерла слезы по щекам, судорожно вздохнула.

— Нет. Я не сдамся.

Принять решение, обрекающее брата на пытки, было невыносимо больно. Какой-то части сознания казалось, что она предает Ива. Но она знала, что поступает правильно. Потому что если она сдастся сейчас — все, что сделал для нее брат, окажется напрасным.

— Не слушай его! — крикнул Ив от безысходности, почти не надеясь, что Мила услышит.

Тощий отключился и спрятал браслет в карман. Он стоял в дальнем конце пустой, плохо освещенной комнаты. Единственная лампа болталась над головой привязанного к стулу Ива, и ещё немного света просачивалось в щель под дверью за спиной Тощего. Бетонный пол был покрыт бурыми въевшимися пятнами. В помещении пахло ржавчиной и разложением. Старой, засохшей кровью и свежей.

— Бесполезно. — Тощий приблизился на несколько шагов и оказался в круге света, так

что Ив наконец смог его разглядеть. Мужчина не улыбался. Он выглядел... опечаленным. — Ей уже не удастся спастись, так что смирись. Хотя я тебя прекрасно понимаю. Когда-то и у меня была семья. Защитить любимого человека любой ценой... Жаль, что ты сделал неправильный выбор.

Ив хмыкнул. Кровь из носа текла по губам и подбородку и капала на грудь. Череп раскалывался после удара по голове. И все ещё ужасно хотелось спать.

— Выбор? — Ив облизнул губы и сплюнул. — По-твоему, он у меня был?

Тощий усмехнулся уголком рта.

— "По-твоему". Как интересно. Девять лет обращался ко мне уважительно, будучи свободным, а стоило попасть в плен... Храбришься? Ладно. Но нет, я не про выбор скрывать сестру или сдать властям. Я про выбор довериться мне или предать. — Он тяжело вздохнул, будто это его действительно задевало. — Почему-то рано или поздно все выбирают предательство.

— Ни за что не поверю, что ты помог бы моей сестре.

— Жаль. И почему все обо мне такого мнения? Были бы мы незнакомцами, я не пошевелил бы и пальцем. Но мы знакомы много лет, и ты был одним из лучших сотрудников. Неужели, ты думаешь, я бы не откликнулся на маленькую просьбу? Твоя сестра не смогла бы стать эффективным работником. Так какой мне прок от ее смерти? Стоило только попросить — я подыскал бы ей безопасное место и обеспечил работой по способностям. Но ты выбрал решать проблему в одиночку.

Ив опустил голову, прикрыл ненадолго глаза. Слова босса заставили снова всколыхнуться то чувство стыда, которое он испытал, когда пытался вынести куб. Он не мог знать, правду ли говорит Тощий, но мысль о том, что все могло сложиться по-другому, не будь он так недоверчив, больно врезалась в сознание.

— Может, все ещё можно исправить? — тихо проговорил он. Пришлось приложить все усилия, чтобы голос не дрожал. Не хотелось выглядеть жалким.

— Увы.

Ив вскинул голову и гневно воскликнул:

— Но если тебе нет дела до нее, тогда зачем все это? Звонишь ей, угрожаешь. Ты сам сказал, что рано или поздно ее найдут Чистильщики. Так почему бы тебе не пристрелить меня и не оставить все заботы им?

Тощий стоял прямо напротив Ива. Взгляд его синих глаз стал жёстким, он смотрел не мигая из-под слегка нахмуренных бровей.

— Потому что теперь это личное. Когда ты пришел в мой дом и взял то, что тебе не принадлежит, это стало личным. Когда ты пытался сговориться с Мареком против меня, это стало личным. — Помолчал немного, усмехнулся. — Недавно я просмотрел записи с камер Чистильщиков. Впечатляет. Уничтожить три машины в одиночку практически голыми руками — такие люди мне нужны. Даже *это* я мог бы уладить. Но потом ты решил украсть куб. — В голосе появилось разочарование. — Причем сделал это весьма неуклюже. Механик обратил внимание на мокрую одежду и решил на всякий случай уточнить у меня, действительно ли понадобился куб. Что, растерял все навыки? — Тощий усмехнулся одними губами и взглянул на протезы пленника. — Хотя и в прошлом ты не был хорошим вором, раз позволил себя поймать аж дважды.

Ив заскрипел зубами и сжал кулаки. Руки были прицеплены наручниками к спинке стула. Протезы — немое доказательство тех двух его провалов. И теперь он снова попался на

воровстве. Из-за гребаного дождя! Как глупо.

— Ну и зачем тебе Мила? — глухо проговорил Ив. — Сам сказал, что она будет бесполезна в работе.

Тощий отмахнулся и повернулся в сторону, а голос стал бесцветным, будто он резко потерял к теме интерес.

— Я же сказал, это личное. Нельзя оставлять предательство безнаказанным. Я поймаю ее и потом выдам вас обоим властям. Вас приговорят к смертной казне за несоблюдение закона о порченных. А я в очередной раз докажу городу, что мои методы поимки преступников более эффективны, и что не покрываю своих людей, если те идут против империи. Ну и самое главное: это послужит уроком всем остальным. — Снова взглянул на Ива, не поворачивая головы. — Хотя мне искренне жаль, что приходится так поступать, я не могу проявить слабость в глазах подчинённых.

Ив нахмурился. Значит, босс просто хочет сделать из него наглядный пример, напомнить своим шавкам, что ждёт предателя. Он всегда так поступает: не убивает человека, а заставляет его смотреть, как все, что он любит, превращается в пепел.

— Я не скажу, где она.

— Знаю. Ты многое можешь выдержать, но это не значит, что мы оставим тебя в покое. Поэтому я и позвонил ей. Вряд ли она окажется такой же психически устойчивой.

— Мила не станет с тобой связываться, — упрямо проговорил Ив в надежде убедить в этом хотя бы самого себя. — Она умная девочка.

— Если она немного умнее тебя, то сделает, как я сказал. И дураку понятно, что это конец. Ты её больше не защитишь.

Тощий развернулся и вышел, оставив Ива в одиночестве размышлять над своим положением. А положение было так себе. Он слабо подёргал руками, попробовал встать. Крепкий металлический стул был прибит к полу, ноги прикованы к ножкам, а запястья перехвачены толстыми браслетами, которые не разорвать даже с учётом силы механических протезов. В висках пульсировала боль, он не спал уже больше двух суток, и соображать в таком состоянии не получалось при всем желании, однако не требовалось особой концентрации, чтобы понять, что он в полной жопе. Спасти его могло только сошествие одного из староверских богов.

Ив не знал, сколько времени уже провел здесь, но плечи ныли из-за неудобного положения и спина напоминала о себе. Он поерзал на стуле — не помогло. Повесил голову и закрыл глаза. Казалось, они пересохли и сморщились. И кишки тоже. Он уже и не помнил, когда ел в последний раз. Усталость навалилась, несмотря на напряжённость ситуации, и Ив готов был уже провалиться в сон, но внезапный скрип двери заставил его разлепить веки.

В комнату зашёл мужчина в форме надзирателя. Лицо показалось знакомым. Возможно, виделись на разгрузке товара. Ив присмотрелся к нему повнимательнее — и в голове медленно, словно это было давно, всплыл эпизод: порченный с уродливыми руками роняет яблоки, и надзиратель бьёт его стеклом.

На этот раз он тоже достал стек, другой, электрический. Включил режим подачи тока. Кончик стека заискрился. Мужчина молча ткнул Ива в плечо. Тот задергался от разряда, сжал зубы. Боль прошла по всему телу и сконцентрировалась в месте ожога.

— Босс сказал, ты вряд ли что-то скажешь, — оскалился мужчина, покачивая стеклом из стороны в сторону в опасной близости от лица пленника. — Мне все равно. Молчи или говори. Моя работа — не дать тебе сдохнуть слишком быстро.

Он ткнул стеклом в живот. Ив согнулся и едва удержался от того, чтобы выблевать кишки. Ожог горел огнем. Сил разогнуться уже не было. Сознание едва держалось в теле. Надзиратель подошёл вплотную и оттянул его голову за волосы, чтобы проверить, что Ив ещё не отключился. Ив собрал остатки сил и плюнул ему в лицо. Кровавый сгусток угодил в щеку. Мужчина стёр его, брезгливо стряхнул с пальцев. Ухмылка сменилась злобным оскалом. С яростью он врезал стеклом наотмашь по лицу, оставив на щеке красную полосу. В глазах потемнело. Ив отстраненно подумал: наконец-то посплю — и потерял сознание.

Когда Ив снова пришел в себя, потребовалось много времени, чтобы сфокусироваться на окружении. Голова болела немилосердно, веки казались тяжёлыми, а тело затекло, и при малейшем движении ноги и плечи отзывались неприятным покалыванием, больше всего напоминающим физическое воплощение белого шума.

Ив с трудом поднял голову. У стены напротив удалось разглядеть неподвижный силуэт. В воздухе появился новый запах, слабый по сравнению с остальными. Запах жженой прелой соломы. Когда мир перестал расплываться перед глазами, Ив разглядел в полумраке знакомую громадную фигуру. Шлак. Он молча стоял, привалившись спиной к стене, сложив на груди обе пары рук. Ив не мог толком рассмотреть лица товарища, но чувствовал, что тот неотрывно смотрит на него. Такой непривычно тихий и серьезный.

Ив тоже молча смотрел в ответ. Почему-то на сердце залегла тяжёлая тоска. А когда молчать стало невыносимо, Ив тихо сказал:

— Прости.

Вышло хрипло из-за пересохшего горла. Шлак не ответил. Это и не требовалось. Ив подвёл его и чувствовал потребность выразить сожаление, но не знал как.

Шли минуты, а в голову так ничего и не пришло. Есть моменты, когда молчание выражает больше, чем любые слова.

Несколько минут спустя Шлак пошевелился. Наверно, собирался уйти. Ив прохрипел:

— Пить хочу.

Громила замер на миг в дверях, не оборачиваясь, и вышел, снова оставив пленника одного.

Ив опустил голову. Не было сил ни на что. Такую слабость он испытывал, когда валялся в лихорадке из-за отрубленной руки. Постоянно хотелось спать, а когда он просыпался, не мог понять, реальность это или бред. Так и сейчас.

Стоило закрыть глаза — Ив тут же провалился в сон.

Его резко выдернули из забытья, окатив ледяной водой. Ив тут же закашлялся, завертел головой. Пульс ускорился из-за холода, по телу побежала дрожь.

— С добрым утром, неженка! — ехидно ухмыльнулся все тот же надзиратель и отбросил пустое ведро в сторону. Оно с грохотом покатилося по полу и ударилося о стену. — Уйти в отруб всего лишь с трёх ударов — а ты, оказывается, не такой уж и выносливый, как говорил босс.

Ив хмуро уставился на него. Стучали зубы. С волос на лицо текла вода, и приходилось часто моргать, чтобы она не заливала глаза. Капало с одежды. Ожоги на плече и животе слегка онемели и болели уже не так сильно. Голова трещала, и каждый звук отдавался в черепе новой вспышкой.

— Ну, воды достаточно, или ты все ещё хочешь пить? Я тебе кое-что принес.

Мужчина поднял с пола пластиковую бутылку с жидкостью жёлтого цвета и повертел ею перед лицом Ива. Тот отвернулся и плотно сжал челюсти. Не верилось, что все это происходит на самом деле.

— Ну что, высокомерный ублюдок? Интересно, как долго ты продержишься, прежде чем начнёшь умолять меня дать попить? Может, снимешь пробу прямо сейчас? А то ведь

испортится.

К горлу Ива подступил ком, он до скрежета стиснул зубы и вжался в спинку стула. Ещё немного — и его вывернет.

Со стороны двери вдруг раздался низкий окрик:

— Слышь, ты!

Надзиратель с возмущенным видом обернулся, а Ив увидел из-за его спины стремительно приближающегося Шлака. Громила схватил надзирателя за грудки, встряхнул и притянул к себе, так что тот едва мог достать до пола кончиками ботинок. Угрожающе зарычал ему в лицо:

— Вали отсюда, ублюдок недоделанный! Тупой идиот, ты вообще слышал, что босс сказал? Он приказал достать информацию, а не сводить личные счёты!

— А ну убери лапы, выродок! — заорал в ответ надзиратель.

Шлак растянулся в широкой угрожающей улыбке, демонстрируя острые пилоподобные зубы. Надзиратель вжал голову в плечи, на лице проступил испуг. Шлак ещё раз встряхнул его, развернул и отпихнул к выходу. Тот потерял равновесие и едва устоял на ногах. Сжал свою бутылку, кинул на каждого взгляд с немим обещанием поквитаться, и хлопнул дверью.

Шлак подошёл к Иву. Он больше не улыбался. Хмурые морщины прорезали исполосованный шрамами лоб. Ив никак не мог привыкнуть видеть громилу серьезным. В один момент он будто стал другим человеком. Шлак вытащил из кармана бутылку с водой, открыл крышку.

— Вода, — пояснил он на всякий случай, прежде чем напоить Ива.

Ив жадно припал к горлышку. Безвкусная жидкость показалась настоящим благословением. Он осушил бутылку за раз.

— Спасибо, — пробормотал он, когда немного отдышался.

Шлак смял пластик в кулаке, одарил Ива колючим взглядом и с неодобрением бросил:

— Умеешь же ты наживать врагов.

Потом развернулся и так же стремительно вышел.

Ив долго глядел на закрытую дверь, дрожал от холода и гадал, что ждёт его в следующий раз и сколько ещё он выдержит.

Целый день ничего не происходило. Мила бродила по сети в очках виртуальной реальности и пыталась убить время. Просматривала обучающие ролики, как пользоваться экзоскелетом, какие функции у него есть и какое совместимо оружие. Она смотрела, как мужчина сыпет автоматными очередями из обеих рук, поражая десятки мишеней за пару секунд, и совсем не чувствовала уверенности, что сможет повторить нечто такое с живыми людьми. Да, обитатели базы были ее врагами, они схватили брата и неизвестно что делают с ним в комнате без камер, но это не значит, что нажать на курок станет легче. То и дело подступала паника. Она боялась того, что предстоит. Боялась, что не получится. Боялась, что получится. Совсем, совсем не так, как в виртуальных играх.

Аврора не отрываясь работала за планшетом. Она выпускала устройство из рук только когда чай в ее чашке кончался и нужно было залить кипятком новую таблетку. Миле чай надоел довольно быстро. Горячая вода со вкусоароматическими добавками казалась не менее фальшивой, чем ее показная уверенность в собственных силах.

Янош собирал какое-то устройство, а на все вопросы о работе отмалчивался. Он тоже ждал. Из разговора брата и кого-то по имени Марек было понятно, что Ив надеется на

помощь торговца Радомира. Но никто не знал, когда планируется поставка, поэтому оставалось надеяться только на то, что торговец сам свяжется с ними. Если, конечно, Шлак передаст устройство. Весь план основывался на бесконечных "если" и в любую секунду грозил развалиться. Но другого пока не было.

— Все, — объявила Аврора. Она окинула друзей победным взглядом, потянулась, чтобы размять затекшую спину и плечи. Суставы ответили хрустом. — Взломала счёт Ива и перевела все деньги на новый, с которого и будем оплачивать экзоскелет. Там оказалось всего миллион юни, так что пришлось взломать и ещё парочку.

Девушка довольно хохотнула. Удачные виртуальные взломы явно доставляли ей удовольствие.

— Целый миллион? — ахнула Мила. — Да я в жизни таких денег не видела! И брат хотел потратить их все на меня?!

В лёгком шоке она покачала головой.

— За миллион можно купить бутылку хорошего вина староверов из натурального винограда, — заметил Янош, оторвавшись от работы. — Не то, что производят в Огневе: спирт со вкусом вина, который разливают в барах по полторы тысячи.

— Можно купить три бутылки вина или один экзоскелет. Хмм... — В притворной задумчивости Аврора потерла подбородок.

— Целый миллион... — снова повторила Мила. Она никак не могла прийти в себя.

Янош забрал из ее рук очки виртуальной реальности, взглянул на Аврору. Та кивнула:

— Осталось договориться о сделке. Надеюсь, организаторы не станут углубляться в поиски информации по твоей новой личности, гражданин Исаак.

— Как только они увидят деньги на моем счету, интерес ко всему остальному моментально отпадет, — заверил Янош и надел очки.

Что бы он ни делал, парень всегда выглядел уверенным и собранным, будто все умеет и знает ответ на любой вопрос. Мила хотела бы хоть каплю его уверенности, потому что не чувствовала ее совершенно. Хотела бы хоть каплю энтузиазма Авроры, с которым та бралась за любую задачу. Эти двое казались полноценными, ответственными, более приспособленными к жизни. Мила же держалась только на идее. Каждую минуту сомневалась, переживала и боялась. Но не собиралась отступать. Даже провальная попытка лучше чем ничего.

Через полчаса Янош снял очки, поморгал, пока глаза привыкли к освещению. Улыбнулся.

— Он наш. Как только закончат с оформлением документов — можно забирать.

Мила благодарно улыбнулась.

Скоро. Потерпи немного, брат, скоро я приду за тобой.

Посреди ночи раздался звонок входящего вызова. Мила моментально проснулась, но не сразу смогла понять, откуда звук. Первая мысль: сирена. Надо бежать. Она села на матрасе и только потом поняла, что это не ее комната.

У соседней стены заворочалась Аврора. На ночь девушки расположились во второй комнате, крохотной, напоминающей каморку. Все помещение занимали два матраса в разных углах, уложенные на голый пол.

Аврора нащупала пульт и включила свет. В следующую секунду стеновая панель с шелестом отъехала в сторону, и в комнату зашёл Янош. Он спал на неудобном диване в

первой комнате, и, как и остальные, проснулся из-за звонка. Распушенные темные волосы свешивались на голые плечи. Он был в одних штанах, и на бледном теле, исполосованном темными ломанными линиями татуировок, красовались вмятины от диванных пружин.

Слезящимися от света глазами все уставились на браслет, лежащий на полу возле матраса Авроры.

— Тощий? — предположил Янош.

Аврора присмотрелась к экрану. Под глазами красовались темные мешки, а волосы, растрёпанные после сна, забавно торчали во все стороны.

— Нет. Один из браслетов, на которые мы отправили сообщение с просьбой связаться.

Янош опустил на пол рядом с ней.

— Торговцы. Наверно. — Он нажал кнопку, чтобы принять вызов, и переключил на громкую связь.

Тут же захрипели помехи. Потом раздался мужской голос:

— Кто это?

Друзья выжидательно уставились на Милу. Она испуганно захлопала глазами в ответ. От волнения тут же потеряла дар речи.

— Зачем вы оставили мне браслет? — требовательно спросил мужчина. Из-за большого расстояния связь оставляла желать лучшего, и из динамиков летели звуки, похожие на порывы ветра.

Янош одними губами прошептал: говори. Мила подняла дрожащими пальцами браслет.

— Привет, э... здравствуйте. Радомир?

— Да, я. А кто вы?

— Мила. Меня зовут Мила. Я... — Сердце грохотало, мысли путались. Нужно взять себя в руки. — Вы уже далеко от города?

— Да, но я так и не...

— Во-первых, вы должны знать, что я не работаю на Тощего. — Вдох, выдох. Голос стал звучать чуть более уверенно. — Выслушаете меня?

— Слушаю.

Мила проглотила ком, зажмурилась на секунду.

— Я порченная. — Произносить это вслух было все ещё тяжело. — Мне — нам — нужна ваша помощь.

Последовало молчание. Некоторое время из динамиков долетал только шум. Закралось опасение, что Радомир просто отключится и выбросит браслет, чтобы не ввязываться в новые проблемы. Однако потом среди помех раздалось что-то вроде вздоха. Торговец печально проговорил:

— Помощь? Вы знаете, чем наша попытка обернулась в прошлый раз? — Снова вздох сожаления. — Не думаю, что мы можем что-то изменить.

— Я... я не в курсе дела, Радомир, — осторожно ответила Мила, подбирая слова. — Меня там не было. Но предполагаю, что в прошлый раз вам никто не помогал? Теперь же мы нашли союзников среди жителей Огнева, равнодушных к судьбе порченных. Если попытаемся освободить их вместе, у нас получится!

— Хотелось бы верить, но где доказательства? Откуда мне знать, что это не очередная ловушка Тощего или подстава от его конкурентов? Может, я рискую, просто разговаривая с вами сейчас?

Мила принялась судорожно соображать. Что же говорил брат?

— Знаю, знаю, доказательства... — Надо было подготовиться к разговору заранее и записать все аргументы. — Третий браслет! Я слышала, как брат разговаривает с кем-то по имени Марек. Это ваш сын?

— Да, и мы только недавно виделись с ним во время поставки.

— Итак, брат хотел передать один браслет вам, а другой вашему сыну, чтобы вы могли поговорить и убедиться, что все в порядке. Мы отправим Мареку сообщение, и он свяжется с вами. Ив уже рассказал ему о своем плане.

После недолгого молчания Радомир изменившимся голосом переспросил:

— Ив?

— Да, мой брат.

Снова молчание. А когда торговец заговорил, в словах даже сквозь помехи чувствовалось напряжение:

— Вообще-то, это из-за него в прошлый раз ничего не вышло, Тощий перестрелял десятки людей, а моего сына взял в плен.

Мила снова сглотнула. Ладони вспотели, кружилась голова. Нужно как-то убедить торговца, что Ив совсем не такой.

— Да, и он сожалеет. Как и я. Поверьте: все, что он делал, было ради меня. Не потому, что он плохой человек. Он просто пытался защитить меня. Но этого все равно оказалось недостаточно. — Голос предательски дрогнул. Мила закусил губу и старалась не смотреть на друзей. От сострадания на их лицах стало бы только хуже. — Послушайте: остаться в городе — это верная смерть. Не только для нас с братом. Сейчас он в плену у Тощего. Мы собираемся в ближайшее время напасть на базу и освободить его вместе с вашим сыном и порченными. И нам очень нужна ваша помощь!

Радомир снова замолчал, и на этот раз тишина длилась гораздо дольше. Мила в напряжённом ожидании мяла край футболки, вслушиваясь в помехи.

— Хорошо, — наконец, ответил Радомир. — Я приму решение после разговора с сыном и совета со своими людьми.

Мила зажмурилась. Тихонько выдохнула.

— Хорошо. Но времени мало. Нужно действовать. Я готова на все ради брата. Думаю, как и вы ради сына.

— Да. Да. Надеюсь, мы сможем помочь друг другу.

Шум помех стих, связь прервалась. В комнате воцарилась тишина. Хотелось кричать от радости, плакать от облегчения, но все просто молчали. И в этом молчании отражалось много всего: невысказанные сомнения, вопросы, неуверенность. Снова нужно было ждать. Но сколько?

В любую минуту в их укрытие могли ворваться Чистильщики. Они днём и ночью прочесывали район за районом в случайном порядке и даже находили порченных. У Милы сжималось сердце, когда она читала очередную новостную сводку. Выявлено и обезврежено двое порченных. Будто они не больные и запуганные люди, которые просто хотят жить, а опасные террористы. Угрожают обществу нежелательными генами. С содроганием Мила осознавала, что скоро и сама окажется на их месте.

Но ещё больше она переживала за брата. Тощий явно дал понять, что не станет с ним церемониться только потому, что Ив долгое время служил ему. А раз Мила не выходит на связь, то и смысла оставлять Ива в живых нет. Нужно как-то убедить Тощего, что она вот-вот сломается.

В голову вдруг пришла идея. Она поглядела на друзей, стараясь не выдать страха. Принятие решений и раньше пугало, а в последнее время страх вышел на новый уровень, потому что от каждого зависело их с братом будущее.

— Ты ведь можешь взломать городскую камеру и транслировать на нее необходимое изображение? — обратилась она к Авроре. Девушка кивнула. — Что, если... — Мила глубоко вздохнула: идея казалась настолько простой и невероятной, что не верилось, что она сработает. — Допустим, я свяжусь с Тощим и попробую убедить его, что сдаюсь, но для начала мне нужны доказательства, что брат жив. Допустим, он поверит, я отправлю координаты. Что-нибудь на другом конце города. Ты заранее взломаешь камеры и сделаешь так, чтобы на них мелькнуло мое лицо. Что-то не слишком явное, я ведь скрываюсь. Тощий пошлет за мной кого-то, и людей на базе останется немного меньше. В это же время можно, например, подорвать один из его заводов в другой части города, ну или что-то такое. Если повезёт, на базе останется самый минимум. В это время мы и нападём.

Последовало недолгое молчание.

— М-м, попробовать можно, но... — Янош развел руками. — У нас не хватит людей и на взрыв, и на атаку базы. — Он виновато взглянул на Милу. — Я ещё не успел вам сказать: ночью я связывался с теми, кто прежде предлагал свою помощь. Идея отправить порченных за стену понравилась не всем. После того репортажа про тварь многие убеждены, что снаружи ещё опаснее. Так что откликнулись единицы.

Появившийся было огонек надежды стал стремительно уменьшаться. Упавшим голосом Мила спросила:

— И на скольких человек можно рассчитывать?

— Не считая нас с Авророй, может, человек пять.

— Пять?! — Мила обхватила голову ладонями. Почувствовала, как шансы на благоприятный исход, словно вода, утекают сквозь пальцы.

Янош опустил голову. Темные пряди свесились на лицо, наполовину скрыв его.

— Прости, Мила. Мы, вроде как, дали тебе надежду, пообещали помощь, но все вышло... — Он тяжело вздохнул. — Может, твой брат был прав, когда говорил, что мы не способны на что-то более серьезное, чем выставлять в сеть краденые видео. Но мы в любом случае сделаем все возможное.

Не сдавайся, твердила себе Мила. Как, если все против тебя?

— Если понадобится, — сказала она твердо, — я и одна пойду.

Хоть в этом она была уверена.

Экзоскелет был прекрасен. Утром два курьера доставили его в большом пластиковом ящике на подставной адрес в пустующую квартиру соседнего дома. Янош нашел в баре "Спрут" добровольца, который за коробку сублимированного виски помог дотащить ящик до убежища, и теперь все столпились над ним, с восхищением разглядывая технологии из докатастрофных времён.

— Примерь, — предложил Янош. — Нужно подогнать его под твой размер.

Уговаривать Милу не пришлось. Как только она увидела комплекс, могла думать лишь о том, какие ощущения испытает, надев его. Экзоскелет казался чем-то нереальным, недоступным простой нищей сиротке вроде нее. Это как спешить к окну всякий раз, когда услышишь звуки пролетающего мимо аэрокара и мечтать, что когда-нибудь увидишь его вблизи. Только вот настоящий экзоскелет она никогда вживую не видела.

Янош достал комплекс из ящика, распрямил конечности. Аврора придержала экзоскелет с одной стороны, Янош с другой. Мила с трепетом и волнением подошла поближе.

Комплекс представлял собой поддерживающую систему, частично закрывающую тело и конечности. Мила поставила ноги в ножные модули, затем закрепила датчики на руках. Верхние конечности экзоскелета были более массивными, предплечье и ладонь полностью закрывала броня. Правая рука с более мощной броней предназначалась для пробития стен, а в левую было встроено энергетическое оружие, которое питал отдельный аккумулятор. Оба модуля оканчивались подвижными пальцеподобными хватателями. Их тыльные стороны были оснащены выдвигаемым механизмом со встроенными автоматами. Внутри модулей Мила нащупала перчатки с датчиками для управления, но не могла их примерить — рука не доставала. Спину и плечи закрывал ещё один модуль. Там стояла батарея, питающая весь экзоскелет.

Как только все датчики были закреплены, из боковин устройства выдвинулись две половины нагрудной пластины из полимерного пластика. Они плотно соединились между собой, создав единый защитный корпус.

Мила могла стоять самостоятельно, без поддержки, но для полного управления необходимо было подогнать модули под ее размеры.

— Ну и ну, — восхищённо протянула Аврора, отходя на несколько шагов. — Я теперь тоже себе такой хочу.

— погоди, ничего не делай. Сейчас затяну.

Янош достал ключ из того же ящика — необходимые инструменты в комплекте — и принялся подкручивать регуляторы длины конечностей, расположенные в местах сочленений.

Мила могла только молча хлопать ресницами в попытках осознать, что все это — реальность. Даже в самых смелых мечтах она не могла представить, что когда-нибудь станет обладателем настоящего боевого экзоскелета.

Янош закончил возиться с регуляторами, сделал пару шагов назад и кивнул:

— Ну, пробуй.

Мила затаила дыхание. Сердце ускоренно грохотало в предвкушении. Не покидал и вездесущий страх: вдруг не получится? Вдруг за столько лет механизм заржавел, перетерлись

провода или ещё что?

Девушка испустила длинный вздох и подняла руки — сначала одну, потом вторую. Согнула в локте, повернула в одну сторону, в другую. Потом шагнула. Корпус чуть накренился вбок, но Мила выровнялась и сделала ещё шаг. Уже лучше, но все равно шатает. Проверила, удобно ли поворачиваться.

На лице появилась восхищенная улыбка. Она будто попала в одну из любимых виртуальных игр. Экзоскелет отзывался на любое движение, и при этом не требовалось почти никаких усилий.

— Работает! — провозгласила она. — Непривычные ощущения, но тяжесть не чувствуется, только небольшое сопротивление. К этому нужно привыкнуть.

— Немного скрипит, — заметил Янош. — Надо смазать сочленения. Тут ещё есть шлем.

Он достал из ящика серый, в тон остальному костюму, шлем с непрозрачным щитком и водрузил Миле на голову. Она повертела головой. Обзор ограничивался краями щитка, но такие мелочи можно было потерпеть ради того, чтобы не получить пулю в лоб при первой же перестрелке.

Мила нащупала кнопку правой рукой — пластина на модуле отъехал, и выдвинулось оружие. Янош осмотрел его, сказал:

— Патронов нет. Придется заказывать отдельно. — Затем оглядел отсек с батареей на левом модуле. — Надо зарядить. Но в целом все хорошо. — Потом он поднял на нее серьезные серые глаза. — А ты уверена, что сможешь стрелять в людей?

Улыбка сошла с лица, Мила нахмурилась. Тихо ответила:

— Не хочу. Но ради брата...

Ив сидел в пустой комнате, опустив голову. Он не чувствовал ни рук, ни ног. Болела спина. Вообще все болело, но спина особенно. Сколько прошло — сутки? Дня два? Он не знал. Половину времени провел в бессознательном состоянии, а другая тянулась слишком долго в тишине и одиночестве. Иногда кто-то из шавок Тощего заходил и задавал вопросы. На теле живого места не осталось из-за ожогов от электрического стека. Но он упорно молчал. Сил едва хватало изредка поднимать голову и глядеть в глаза тем, кто приходит. Лица все знакомые, но не близко. Некоторых он знал по именам. Ив догадывался, почему они все приходят: так Тощий показывал, что будет с теми, кто решится его предать. Наглядный пример куда лучше доносит информацию, чем история, пересказанная случайным знакомым. Особенно когда самому приходится приложить к наказанию руку.

Шлак заходил только однажды. Молча покормил Ива из тубика питательной смесью. Вкус отвратительной желеобразной массы перенес его в детство, во времена, когда смесь была единственной доступной едой, да и то не всегда. Прямо как сейчас.

Как и в прошлом, Ив сидел в темной пустой комнате и смотрел на дверь в ожидании, что вот-вот кто-нибудь зайдет. И кто-нибудь обязательно заходил.

Иногда разум впадал в какое-то оцепенение, мысли путались, и Иву казалось, что он все ещё в той старой квартире, что так и не выбрался оттуда, и все сидит и смотрит на дверь. Ждёт то ли возвращения матери, то ли своей смерти.

Дверь в очередной раз скрипнула, пропуская кого-то внутрь. Не хотелось поднимать голову. Зачем? Видеть до странности одинаковые лица, на которых написаны одинаковые чувства: брезгливость, злорадство, неприязнь, уверенность, что уж они-то до такого не докатятся.

— Хочешь поговорить с сестрой? — раздалось вдруг в тишине, и Ив тут же вскинул голову.

Тощий стоял в нескольких метрах от него. В руках держал браслет с горящим экраном. Ив молча уставился на устройство.

— Ну, скажи что-нибудь. Сестра ждёт.

Ив все молчал. Попытался собрать мысли в кучу. Думалось с трудом. Если Мила позвонила сама, значит, хочет убедиться, что он жив. Неужели, она готова сдаться?

Из динамиков послышался тонкий, испуганный голос:

— Брат? Братик, ты там? Пожалуйста, ответь! — Пауза. — Я... я пыталась, но что я могу? Это неправильно: сидеть на месте, пока ты там. Не хочу так жить. Хочу увидеть тебя снова. Прости, что так долго медлила... Я боялась. И сейчас мне страшно. Но Тощий говорит...

— Не смей! — попытался крикнуть Ив, но вышел только едва слышный хрип. — Не смей сдаваться, Мила!

— Брат...

Тощий отключил громкую связь, приложил к уху наушник. С полуулыбкой взглянул на Ива. На лице читалось торжество.

— Итак, ты получила доказательства. Истислав жив. Пока. Так что хватит прятаться, девочка. Это последний шанс увидеть брата.

Он отключился. Немного помедлил, прежде чем уйти. Наверно, хотел насладиться победой. Потом всё-таки отвернулся и снова оставил пленника одного.

Как только дверь закрылась, Ив задержался в бессильной ярости. Он сжал кулаки, изо всех сил потянул руки в стороны в надежде разорвать наручники. Потом потянул руки на себя, но вырвать металлическую перекладину стула тоже не вышло. Тогда он дернулся всем телом в отчаянной попытке оторвать протезы. Ещё раз и ещё, пока не выдохся окончательно.

Хотелось кричать. Но он до боли стиснул челюсти. И снова уставился на дверь.

Пришлось приложить все силы, чтобы просто сидеть на месте. Только что Мила слышала голос брата, и от него мурашки побежали по спине. Казалось, Ив едва держится. Нужно торопиться. Но они не готовы напасть на базу прямо сейчас: подготовка началась совсем недавно. Патроны для встроенного в экзоскелет оружия можно будет забрать только завтра, Радомир не отвечает, Марек так и не вышел на связь, а добровольцы Яноша все ещё не добыли взрывчатку.

Сидеть и ждать казалось настоящей пыткой. Если полчаса назад она ещё надеялась, что Тощий просто запугивает ее, обещая сделать последние дни брата невыносимыми, то теперь она жалела, что не пошла за ним сразу же. Хотя лучше от этого никому бы не стало. Реальные шансы хоть что-то сделать появились только после покупки экзоскелета.

Аврора сосредоточенно работала над взломом городских камер наблюдения, Янош возился с устройством, про которое так ничего и не рассказал. Батареи экзоскелета стояли на зарядке, и неизвестно, сколько времени это займет. Только Мила маялась от безделья, чувствуя себя самым бесполезным человеком в команде.

Голова болела постоянно — из-за рогов или просто так. Но девушка научилась не обращать на мигрень внимание. В конце концов, за пару месяцев можно привыкнуть к чему угодно. Главное, не доводить дело до обмороков. Когда к сдавливающей боли добавлялись вспышки, она принимала таблетку — и боль снова становилась терпимой.

После очередной таблетки Мила задремала на диване: в последние дни поспать удавалось совсем мало, да и переживания забирали много сил.

— Дерьмо! — воскликнула вдруг Аврора, заставив Милу подпрыгнуть на месте. — Уходим, быстро! Нас обнаружили.

Аврора достала из-под дивана пыльный рюкзак, запихнула в него планшеты, очки и несколько запасных браслетов. Янош без лишних слов схватил со стеллажа оружие и надел плащ.

Остатки сонливости как рукой сняло. У Милы тут же затряслись руки от волнения. Она глядела на слаженные действия друзей, которые, видно, уже привыкли резко подрываться с места, и не понимала, что делать.

— Сколько у нас времени? — сосредоточено спросил Янош.

— Мало. Скоро они будут здесь.

Янош бросил Миле шлем:

— Надевай экзоскелет.

Пока она возилась с датчиками, Янош поставил аккумуляторы на место. Уточнил у Авроры:

— Они — кто?

На лестнице раздались тяжёлые шаги.

— Чистильщики.

Мила едва успела влезть в экзоскелет, как в металлическую дверь убежища посыпался град ударов.

— Сюда, — махнул рукой Янош, сдвигая в сторону стеновую панель.

Первой в комнату протиснулись Аврора. Она сбросила на пол прислоненный к единственному окну лист непрозрачного пластика, распахнула створку и влезла на подоконник. Потом ловко зацепилась за арматуру, торчащую из раскрошенных бетонных плит под окном. Янош закрыл за собой панель — не слишком сложное препятствие для Чистильщиков, но, может, они потратят лишнюю секунду на обнаружение потайной комнаты.

В дверь ритмично барабанили, но она ещё держалась. Нужно было торопиться, но от волнения и страха у Милы подгибались колени. Она ненавидела себя за это, но ничего не могла сделать. Не так-то просто при помощи одной силы воли взять себя в руки, когда страх засел внутри с самого детства.

Янош следом за Авророй вылез из окна. Крикнул Миле:

— Прыгай! У тебя амортизаторы!

Мила неуклюже влезла на подоконник. Она ещё не привыкла как следует к экзоскелету. Пришлось учиться на ходу. За спиной раздался жуткий скрежет металла и грохот — выбили дверь. Времени паниковать перед прыжком не осталось. Мила оттолкнулась и прыгнула. С лязгом приземлилась на дорогу и едва удержала равновесие, опершись на руки. Под ножными модулями раскрошился бетон. Амортизаторы почти полностью погасили толчок, и Мила без труда поднялась на ноги. Остальные уже бежали по проулку, а через открытое окно было слышно, как андройды громят квартиру.

Мила побежала сначала медленно, потом быстрее. Экзоскелет был создан, чтобы превосходить человеческие возможности, и любое приложенное усилие многократно увеличивалось. Мила никогда не бегала быстро — начинало болеть сердце и колоть в боку

— но теперь она без труда догнала друзей.

Прохожие отскакивали с ее пути, оборачивались и глядели вслед. Из-за такого внимания девушка чувствовала себя неудобно. Грохот ножных модулей разносился по всей округе, и нужно было срочно что-то придумать, потому что по одному только шуму биомехи смогут отследить ее где угодно. В голове, как обычно в любой важный момент, было пусто.

Янош свернул в следующий проулок, потом снова свернул — и внезапно они едва не врезались в толпу разодетых в праздничные костюмы людей. Пришлось замедлиться. Толпа двигалась плотным потоком, кто-то свистел, кто-то кричал. Дети сидели на плечах у взрослых и размахивали флажками. Издалека доносилась ритмичная музыка.

— Что происходит? — Мила озадаченно вертела головой, протискиваясь сквозь толпу следом за Яношем.

— Точно, — тяжело дыша, откликнулась Аврора, — началась неделя гуляний в честь дня рождения мэра.

— Это значит, сегодня на улицах будет больше патрулей.

— О нет, — простонал Мила, взглянув за спину. Трое Чистильщиков уже бежали в их сторону по проулку.

Девушка вспомнила, как андроиды топтали лежащих на пути наркоманов, и сердце едва не остановилось от осознания, что все эти люди в опасности. Снова кто-то пострадает из-за нее. Она набрала в грудь побольше воздуха и закричала что есть сил:

— Бегите! Бегите отсюда!

Тут же раздался грохот автоматной очереди. Часть людей на пути Чистильщиков попадала, остальные отхлынули в обе стороны. Началась давка.

Мила остановилась как вкопанная. За спиной ей кричали, просили поторопиться. Раненые стонали, пытались отползти. Надрывно плакали дети на фоне бодрой праздничной музыки.

Пространство между андроидами и Милой опустело за считанные секунды. Они продолжали стрелять. Пули отскакивали от укрепленного корпуса и шлема, лишь каким-то чудом не задевая незащищенных частей.

Чистильщики двинулись на нее. Не все люди успели убраться с пути, некоторые валялись в болевом шоке. Мила опустила глаза, увидела, как андроид заносит ногу над телом женщины — он вот-вот ее раздавит! На миг Мила словно отключилась. Перестала воспринимать реальность происходящего. Прежде, чем успела подумать, она направила левую руку на первого Чистильщика. Из модуля вырвался сгусток энергии и на большой скорости врезался в андроида. Его грудные пластины оплавилась, из дыры потекла прозрачная поддерживающая жидкость. Биомех покачнулся и грохнулся на спину. Быстро, все ещё не до конца осознавая происходящее, Мила выстрелила ещё дважды. Первый разряд угодила в Чистильщика, а вместо второго модуль пыхнул слабой искрой и потух. Последний оставшийся Чистильщик кинулся на нее. Мила машинально выставила перед собой руки, зажмурилась. Последовал удар — под давлением она заскользила назад и еле устояла на ногах. Когда снова открыла глаза — прямо напротив щитка, пугающе близко увидела металлическую маску биомеха с горящими в круглых прорезях огоньками. С усилием он развел ее руки в стороны и тут же ударил закованным в металл кулаком в грудь. Корпус выдержал, но Мила потеряла равновесие и рухнула. Попыталась припомнить хоть какие-то приемы из игр. Столько лет ее мозг заставлял виртуальных персонажей двигаться и сражаться. Теперь нужно было заставить себя.

Чистильщик шагнул в ее сторону, отвел руку назад для удара сверху. Одновременно Янош выстрелил несколько раз — пули застряли в корпусе, но не причинили вреда. И одновременно Мила изо всех сил впечатала громоздкий ножной модуль в колено противника. Сустав изогнулся в обратную сторону, андроид пошатнулся, и его удар пришелся в бетон в сантиметре от головы Милы. Правой она тут же ударила в лицо, металл прогнулся — и Чистильщик обмяк. Она скинула его с себя и поднялась. Огляделась вокруг, пребывая в глубоком шоке от всего происходящего.

Трое Чистильщиков валялись посреди дороги. Трое! Мила не могла в это поверить. Она ловила на себе взгляды притихшей толпы. Люди были напуганы не меньше, чем она сама. Над головой кружили коптеры. Потом вдруг кто-то закричал "ура".

— Там ещё трое! — крикнула Аврора. — Давай же, бежим!

Теперь и Мила увидела новых Чистильщиков. Те с оружием на изготовку бежали по тому же проулку, что и их предшественники пару минут назад. Нужно было бежать, пока не пострадал кто-то ещё. Мила развернулась и двинулась следом за друзьями.

Коптеры увязались за ними. Янош притормозил, чтобы сбить их. Пара выстрелов — устройства для слежки рухнули и разбились о бетон.

— Мы не сбежим, — заговорила Мила дрожащим от напряжения голосом, — пока я так грохочу. К тому же, они быстрее. Надо спрятаться!

— Куда?

Мила припомнила, как они точно так же бежали с братом каких-то пару дней назад.

— В коллектор? Но сливные люки слишком узкие для меня.

Янош резко свернул в арку между домами. Они оказались перед относительно невысоким промышленным зданием. Внутри гудели генераторы, и чем ближе подходили друзья, тем громче становился шум. Стены и земля вокруг, казалось, вибрировали.

Янош быстро оглядел стены на предмет камер и поманил остальных на территорию завода.

— Шум должен сбить Чистильщиков с толку.

За углом, где их не было видно с улицы, они остановились отдышаться.

— Все сливные люки в городе делают узкими, чтобы вниз не пролезли порчи, — говорил Янош и одновременно набирал команду на браслете. — Поэтому и Чистильщики туда не спускаются. Проходы для рабочих есть в подвалах некоторых домов, но ты туда все равно не пролезешь.

Над браслетом высветилась объемная карта города. Янош огляделся вокруг, пытаясь выстроить маршрут. Потом взглянул на Милу.

— Чистильщики используют системы поиска и способны в реальном времени обрабатывать информацию с городских камер. Если лицо есть в их базе, они смогут его найти, как только человек попадет на камеру. Поэтому предлагаю вот что: Аврора взламывает несколько камер и вставляет на видео твое лицо. Чистильщики пойдут по следу. Туда же пойдут и люди Тощего. А мы в это время атакуем базу.

— Сейчас? — воскликнула Аврора. — Но у Милы нет оружия! Аккумулятор сел после двух выстрелов. Это чистое самоубийство.

— Янош прав. — Мила приложила все силы, чтобы голос звучал уверенно. — Я и сама уже об этом подумала. Мы не можем больше ждать.

— Но Радомир...

— Он все равно не сможет пересечь помойку без того устройства, а следующей

поставки ждать целую неделю, — напомнила Мила. — Даже если сейчас нам удастся скрыться, брат не продержится ещё неделю.

План рассыпался на глазах. Придется рассчитывать только на свои силы. Ещё вчера Мила отказалась бы от этого безумия, но теперь, испытав экзоскелет в действии, у нее впервые в жизни появилась уверенность в своих силах.

— Ро, срочно начинай работать над камерами, — скомандовал Янош. — Чистильщики где-то рядом.

Аврора неодобрительно покачала головой, пригладила растрепавшиеся после бега волосы. Вытащила планшет из рюкзака, уселась у стены и приступила к работе. Янош выглянул за угол, проверил, нет ли кого поблизости, и обернулся к Миле.

— Устала?

— Совсем нет, — бодро отозвалась девушка. — Экзоскелет все делает за меня, даже не нужно напрягаться. Сигнал моментально поступает на модули, даже, кажется, быстрее, чем я успеваю подумать. Это просто... невероятно! — с восторгом закончила она.

Янош только хмыкнул:

— Смотри, как бы победа над биомехами не вскружила тебе голову, Мастер Мила. Безрассудство нам ни к чему.

— Ладно тебе, — легкомысленно отмахнулась девушка. — Может, это мой последний день. Постараюсь как следует им насладиться.

Странное дело, но Мила чувствовала лёгкость. Может, это всего лишь новая стадия нервозности из-за предстоящей ответственной операции, может, победа действительно вскружила голову, но всегдашняя паника отступила. Страх отступил. Впервые в жизни она была свободна.

— Готово, — объявила Аврора, потом глянула на экран персонального браслета. — Кстати говоря, ещё полчаса назад с браслета Марека пришло сообщение. Не было времени посмотреть из-за всей этой беготни. Пишет, что в его комнате прослушка и камеры. Контроль усилился после поимки Ива. Так что держим связь через сообщения. — Девушка провела ладонями по лицу. Она выглядела растерянной, но постаралась сосредоточиться на первостепенных задачах. — Теперь нужно отправить Тошему координаты, связаться с добровольцами и с Мареком, и ещё известить Радомира.

Янош кивнул.

— Думаю, у нас есть лишних полчаса. Давайте пока поищем, где зарядить аккумулятор. На базе нам понадобится любое оружие.

Шлак закрыл за собой дверь и остановился у входа, там, где свет тусклой лампы лишь слегка очерчивал его фигуру. Лицо оставалось в тени. Но Ив все равно рад был его видеть. Громила был единственным из работников Тощего, кто приходил не издеваться над ним. Обычно он молчал во время визита, приносил то воду, то тубик питательной смеси — наверняка из собственных запасов, но с позволения босса. Ив был ему благодарен.

— Слушай, парень, — начал вдруг Шлак. Глубокий низкий голос прокатился по комнате. — Сестра твоя решила-таки сдаться. Недавно ее засекли камеры на северо-западе.

Ив разочарованно опустил голову. Все то время, пока торчал здесь, он надеялся, что Мила найдет в себе силы и станет чуть более самостоятельной. Надеялся, что трудности закалят характер. Но сестра всегда выбирала лёгкий путь. Ив знал это — и не удивился. Куда проще сдаться, чем продолжать борьбу.

— Я хотел напроситься забрать ее, но босс не позволил. Сказал, чтоб я не выходил сегодня и не пугал народ. В городе че-то там празднуют.

— Мэру сто четырнадцать лет, — пустым голосом отозвался Ив.

Шлак щёлкнул зажигалкой, на миг осветившей его лицо. Затянулся. По комнате тут же распространился знакомый запах жженого лишайника, который сейчас показался приятным в сравнении с затхлым воздухом помещения.

— Ага. Кое-кто из наших отпросился бухать. На улицах сегодня шумно.

Ив взглянул на товарища, сдвинув брови. Тот что-то пытался сказать, или просто поболтать пришел?

— То-то я смотрю, меня уже давно током не били.

Шлак помолчал. В полутьме светился красноватым тлеющий кончик самокрутки. Ив машинально следил за ним, а в голове было пусто.

Шли минуты, а громила просто стоял и курил, такой непривычно спокойный и тихий. Даже задумчивый. Интересно, какие мысли крутятся в его порченной башке?

— Такая громкая музыка, — снова заговорил Шлак. — Наверно, если что произойдет, никто и не услышит.

Он расплющил окурок об стену и ушел, а Ив остался гадать в недоумении, что громила имел в виду. Потом понял.

Нужно было немного подождать.

Ив поерзал на стуле, пытаясь хоть немного размять ноющие конечности, избавиться от этого белого шума. Хорошо, хоть протезы не затекли. Покрутил головой до хруста позвонков. Потом откашлялся и крикнул:

— Эй, вы! Есть там кто? Охрана! Я знаю, что вы там!

Через пару минут, когда в ушах уже звенело от собственных криков, а голос начал садиться, в комнату заглянул охранник.

— Че надо? — недовольно проворчал он.

— Хочу отлить.

— Ну начинается, — протянул охранник и наверняка при этом закатил глаза.

— Сам бы попробовал вот так посидеть, — проворчал Ив. — Ну так что? Позови босса если это слишком сложный вопрос. Спросим разрешения у него.

Мужчина помялся немного, потом хлопнул дверью. Ив было подумал, что тот реально

пошел за боссом, но через минуту охранник вернулся в компании товарища. Оба в темной форме, в руках светлячки. Оба донельзя недовольные тем, что их оставили приглядывать за пленником.

Один придвинул к стулу ведро, второй встал на приличном расстоянии и направил на Ива оружие.

— Без глупостей, — предостерёг.

— Да ты издеваешься? — огрызнулся Ив.

Пока второй охранник сверлил его хмурым взглядом, первый зашёл за спину, отстегнул один наручник, освободив левую руку, положил ключ в нагрудный карман. Тут же отошёл на шаг и тоже наставил пушку.

Ив с наслаждением повертел плечом, сделал вид, что разминает пальцы. Потом удивлённо уставился на дверь:

— Босс?

Оба мужчины тут же глянули на дверь. В этот момент Ив потянулся к ближайшему охраннику, схватился за дуло светлячка и резко дёрнул на себя. Тот потерял равновесие от неожиданности, но оружия не выпустил. Выстрелил, но Ив успел отвести дуло в сторону, потом вцепился в форму охранника и одновременно выдвинул клинок. Тот проткнул грудь насквозь. Охранник задергался, заехал Иву локтем под подбородок. Второму не мог выстрелить, чтобы не задеть товарища, поэтому замахнулся светлячком и наотмашь ударил по скуле. В глазах Ива на миг потемнело, он сбросил с клинка первого охранника — тот повалился на пол — и замахнулся, в надежде достать второго. Но тот успел вовремя отскочить и тут же влупил разрядом. Ив задергался и обмяк на пару секунд, потом понемногу стал приходить в себя. Второму охраннику уже оттащил раненого на безопасное расстояние.

Ив в бессильной ярости махнул клинком, подавшись вперёд до боли в плече, но те были слишком далеко. Охранник помедлил немного, раздумывая, стоит ли привязать пленника. Его товарищ хрипел и пускал кровавую пену, следом тянулась красная дорожка. Приняв решение, охранник подхватил раненого под руку и поспешил прочь, оставив Ива дёргаться на стуле в безуспешных попытках освободиться.

Как только те двое скрылись за дверью, Ив убрал клинок и разжал вымазанный чужой кровью кулак. На ладони лежал ключ.

Мила и Янош стояли перед бетонным забором с рядами колючей проволоки сверху. Метра три в высоту, не меньше. На площади неподалеку играла музыка, и сотни людей замороженно вертели головами, глядя на пустые стены окружающих высоток. Представление, доступное только для обладателей линз дополненной реальности. Мила позволила себе на секунду отвлечься от дела и позавидовать им: когда-то и она мечтала о таких линзах, но смысла в них нет, если целыми днями сидишь дома.

Десять минут назад двое добровольцев закидали горящими бутылками со спиртом один из баров Тощего. Это лучшее, что они смогли придумать за столь короткое время. Мила надеялась, что теневой барон пошлет хоть часть своих людей на разведку, чтобы на базе их осталось как можно меньше. Несмотря на то, что экзоскелет придал ей немного уверенности, кидаться сломя голову на противника, превосходящего числом раз в десять, она не собиралась. К тому же, у остальных никакой защиты не было.

Янош молча курил, сверля забор глазами, будто пытался проломить его одной силой

мысли. Ветер шевелил полы длинного плаща и темные пряди, собранные в аккуратный хвост.

Вокруг собрались двое мужчин и женщина. Они подошли по одному с разных сторон за то время, что Янош и Мила провели на улице. Все в грязно-серых потрепанных плащах, потрескавшихся ботинках. Хмурые, сосредоточенные лица. Они не носили масок — значит, готовы были умереть.

Добровольцы. Те, кто потерял своих близких из-за закона о порченых или от рук людей Тощего. Мила глядела на них и думала: порченых сотнями сгоняют в казармы, а тех, кто хочет это изменить, единицы?

— Наверно, думаешь, чего это нас так мало? — с усмешкой, хриплым голосом заговорила женщина, повернувшись к ней. — Или почему это мы все бедняки? Видела, как ты разглядываешь обувь.

Мила смущённо улыбнулась. Она держала шлем в руке, и союзники могли хорошенько рассмотреть ее.

— Нас мало, — подхватил лысеющий мужчина с седой щетиной, — потому что тех, кто готов встать на защиту родных, убивают сразу. Остаются только трусы.

Он взглянул на Милу, и стали видны красные пятна на белках глаз.

Второй мужчина натужно закашлялся, сплюнул под ноги кровавую мокроту и утерся рукавом. Его пальцы почернели от вьёвшихся в кожу красителей. Сиплым голосом он заговорил:

— Или остаются те, кто полжизни убил на заводе и пахал очередную смену, пока Чистильщики выбивали двери его квартиры.

— Обыски всегда начинаются с низов, — снова прохрипела женщина, — а до верха дело может и не дойти. Слышали хоть один случай, чтобы забрали сынка какого-нибудь министра? Нет? То-то. Законы про порчей не для них. Дай-ка и мне сигаретку.

Янош протянул ей всю пачку вместе с зажигалкой. Женщина зажала одну между тонкими обветренными губами и передала пачку дальше. Не спеша затянулась, потом снова глянула на Милу.

— Я была чуть старше тебя, когда родила. Тяжёлые роды. Ох, как я намучилась! И представь: первый же долгожданный ребенок оказался порчем. Его забрали почти сразу. Я даже имя ему придумать не успела. — Женщина прищурилась и указала рукой с дымящейся сигаретой на завод впереди. — Я знаю, что его там нет. Мелких усыпляют сразу. Но если у тебя получится хоть кого-то вывести — мне этого хватит, чтобы сдохнуть спокойно.

Мила нервно сглотнула. Осознание, что теперь она ответственна не только за жизнь брата, обрушилось внезапно. Она тихо проговорила, когда смогла справиться с волнением:

— Вы... готовы умереть ради порчей?

— А мы и не жили толком. Посмотри на это, — мужчина с черными пальцами широко махнул рукой. — Город умирает. Медленно гниёт, как мои лёгкие. Какая тут может быть жизнь? — Он скривился и выплюнул: — Фальшивка!

Остальные согласно хмыкнули.

— Ну, а... я ничего такого не хочу сказать, — робко начала Мила, — но почему вы не... то есть, почему именно сейчас?

Женщина горько усмехнулась:

— Что, почему раньше не пытались? Пытались. Протестовали. Не вышло. Да и что толку? Порчам все равно не позволили бы жить нормально. — Она отбросила непотушенный

окурок и обернулась к Яношу. — Ну, когда начинаем-то?

Янош нажал кнопку вызова на браслете.

— Ро, как там дела?

— Ничего не понимаю... — отозвалась девушка по коллективной связи — один наушник был у Яноша, другой у Милы. Сама Аврора сидела на лестнице в подъезде ближайшей к базе высотки. — По камерам я не видела, чтобы хоть кто-то выходил. Там вообще будто пусто.

— А что с блокпостом?

— Пока не закончила. Не могу к нему подключиться — хорошая защита.

Мила надела шлем и засунула руку в модуль. После разговора с добровольцами стало как-то не по себе. Страх снова начал подкрадываться к горлу — страх все испортить, подвести этих людей. Для них успешное освобождение порчей равносильно обретению смысла под конец жизни. Слишком большая ответственность.

— Может, я пробью дыру энергетической пушкой? — Стоять и ждать было уже просто невозможно. Она чувствовала: ещё немного, и страх укрепитя окончательно.

— Повезет, если батареи хватит на два разряда, — откликнулся Янош. — Надо экономить.

Тогда Мила оглянулась вокруг, подошла к фонарному столбу и с силой толкнула. У основания появилась трещина, и Мила навалилась снова. Столб с громким треском накренился и медленно обрушился на забор. Заискрились оборванные провода, с лязгом лопнула проволока, загрохотал разваливающийся на куски бетон — и сектор забора ввалился внутрь под тяжестью столба, подняв вверх облако пыли. Ногой Мила выбила растрескавшиеся куски по краям и расширила пролом. Махнула рукой остальным и первая шагнула во двор базы.

— Погодите! — закричала Аврора так, что заставила поморщиться от боли в ухе. — Дерьмо! Вот дерьмо!

— Что такое?

— Камеры зациклены! Кто-то понял, что я слежу. Мы не знаем, сколько внутри людей.

Входная дверь впереди с грохотом распахнулась. Охранник без предупреждения открыл огонь. Мила на миг замерла от неожиданности — тут же раздались выстрелы за спиной. Янош. Охранник нырнул внутрь, прекратив стрелять. Все это заняло какую-то секунду, но Мила успела осознать, что обычные пули не отскакивают от экзоскелета, как резиновые, а оставляют в металле вмятины, и что если бы хоть одна попала в бедро или открытую часть руки — все. Это слегка охладило голову. Нужно действовать быстрее, решила она, и, пока охранник снова не открыл огонь, побежала прямо на него.

Янош прекратил стрельбу, и охранник тут же высунулся из проема. Мила заранее нырнула в сторону, уходя от предполагаемой линии огня, в несколько прыжков подскочила к противнику сбоку и врезала модулем по дулу автомата, едва не выбив его из рук, затем попыталась выхватить оружие, но противник ловко отскочил назад. Мила заметила в конце коридора за его спиной ещё нескольких, пока далеко. Она отвлеклась на них всего на миг — тут же почувствовала выстрел в голову. Шлем выдержал, но от силы удара голова откинулась назад, Мила потеряла равновесие. В ушах зазвенело, в глазах заплескали звёзды. Она зажмурилась и свалилась на спину, но перед этим успела заметить, как дернулся охранник из-за угодившей в него пули.

— Оставайтесь пока там! — крикнул Янош добровольцам, которые не успели ещё даже

зайти на территорию. Его голос доносился будто через толщу воды. — Вставай, Мастер, нет времени!

Мила кое-как перекатилась на живот и поднялась. Покачиваясь, она встала с одной стороны от прохода, а Янош с оружием в руках с другой. На щитке шлема появилась трещина.

Так ты до брата не доберешься, сказала она себе. Взгляд наткнулся на шатающуюся дверь. Мила схватила ее и с силой дернула. Петли с лязгом погнулись и вылетели из рамы. Мила поудобнее вцепилась в дверь пальцеподобными хватателями модулей — и из проема посыпали солдаты.

Они выходили по двое и тут же сворачивали, один влево, другой вправо. Стреляли сразу. Не мешкая, Мила навалилась дверью, как щитом, и смела с ног сразу двоих. Потом размахнулась и врезала плашмя следующим. Руки вибрировали от града пуль, которые противник сыпал в дверь, она почти ничего не видела, но продолжала сшибать с ног всех, кто выбегал во двор, надеясь, что Янош успел отойти подальше.

Вдруг выстрелы стихли. Мила огляделась. Солдаты, оглушенные первым ударом, уже поднимались, но Янош с безопасного расстояния быстро перестрелял почти всех. Один направил на него оружие, и Мила машинально врезала ему дверью сверху вниз. Нижний край двери пришелся на ребра, раздался тошнотворный хруст. Противник дернулся, выпучил глаза. Из глотки полетели хрипы.

Мила тут же отбросила дверь в сторону. Она даже не успела подумать — и теперь человек с раздавленной грудной клеткой валялся у ее ног и давился кровью. Внутри все похолодело и сжалось сердце, когда пришло осознание. Она всё не могла отвести от него взгляд, но Янош окликнул:

— Идём.

И Мила переступила через него.

По серому двору растекалась яркими пятнами кровь. Брызги покрыли и стены у входа на базу, и модули нижних конечностей. Добровольцы снимали с трупов оружие. На лицах улыбки, одобрение. Они говорили что-то — Миле или друг другу, — но девушка слышала только стук собственного сердца.

Или, может, это была музыка.

Ив не имел понятия, что делать дальше. Он знал только, что надо торопиться, и что второго шанса не будет. Шлак сказал, что на базе меньше народу, чем обычно, а значит, может пройти несколько минут, прежде чем сюда нагрянут ещё люди. Нужно использовать это время и подготовиться.

Пришлось извернуться, чтобы отстегнуть второй наручник. Когда правая рука освободилась, дело пошло быстрее. Ив поднялся на ноги и едва не упал. Колени разогнулись с трудом, затекшие мышцы отказывались работать. Он кое-как добрался до стены, опёрся на нее, выглянул в коридор.

По подвалам и правда разносился какой-то посторонний гул, далёкий грохот ритмичных ударов. Но гораздо громче был топот ног приближающихся солдат. Всего трое, но у них было оружие, а у Ива только протезы.

Он в который раз оглядел комнату. Прикрученный к полу стул по центру, единственная лампочка и опрокинутое ведро. Ничего полезного. Хотя...

Ив швырнул ведро к потолку, лампочка разбилась, погасла, и помещение погрузилось в

непроглядную темноту. Только полоса тусклого коридорного света пробивалась в приоткрытую дверь.

Люди Тощего были уже совсем близко. Ив на цыпочках подошёл к стене у двери, выдвинул клинки и опустил на корточки. Хрустнуло колено. Ив понадеялся, что за собственным топотом они ничего не услышат, и приготовился.

Первый распахнул дверь, и все тут же остановились. Света из коридора хватило только чтобы слегка обозначить очертания стула.

— Где свет?

Первый медленно ступил в комнату. Он смотрел в центр, силясь разглядеть сидящего на стуле человека.

Вот же самоуверенные придурки.

— Да кто его знает.

— Не ссы, заходи. Не мог же он...

Ив резко чиркнул клинком по коленям последнего зашедшего. Перерезанные сухожилия лопнули, колени подогнулись, тот заорал и машинально выстрелил вверх. Вспышка на миг осветила комнату. Ив стремительно вогнал раненому клинок в спину и вскочил на ноги. Остальные двое начали разворачиваться — Ив сделал выпад, резко развел руки в стороны и обоими клинками одновременно вспорол противникам животы. Один из них стоял чуть дальше, и лезвие нанесло лишь неглубокую рану. Он выстрелил. Разряд светлячка угодил в грудь. Ив затрясся и опустился на колени. Солдат с распоротым брюхом пошатнулся и повалился следом. Второй разряд пришелся раненому в спину. Ив перехватил светлячок случайно спасшего его солдата и выстрелил над его плечом. Последний противник задергался, на миг потерял концентрацию — и Ив живо ударил его в грудь. Клинок вышел из спины, противник застонал. Ив сбросил его на пол и привалился спиной к стене в попытках отдышаться.

Болели мышцы во всем теле, уже отвыкшие от нагрузок. Саднили многочисленные ожоги от электрического стека. Часть из них — на груди и животе — прикрывала заляпанная кровью майка. Красные пятна покрывали и кожу на плечах. Новые шрамы на щеках покрылись корками.

Да уж, подумал Ив, ну и неделька. Успел подраться со всеми, с кем только можно: староверы, Чистильщики, бывшие коллеги и даже неведомая тварь. Может ли жизнь обернуться ещё более странно?

Отдыхать времени не было. Ив выглянул в коридор: никого. Что делать теперь? Необходимо узнать, где Мила, и свалить отсюда, пока не подоспел кто-то ещё.

Ив побрел по коридору в сторону кабинета видеонаблюдения. Стены вибрировали от громкой музыки, и время от времени на заводе, расположенном над базой, что-то грохотало. Казалось, слышны даже далёкие приглушённые крики людей. Пока порчи трудятся без перерывов и выходных, весь остальной город наслаждается праздником.

— Стоять! — раздалось за спиной Ива, и он резко обернулся, раздосадованный тем, что кому-то удалось застать его врасплох.

На другом конце коридора стояла Арахна с пистолетом в руках. Между ними было метров тридцать и ни одного укрытия.

— Предатель! — злобно выплюнула женщина. — Я знала, что поганая кровь твоего папаши рано или поздно возьмёт верх.

— Что, пришла поговорить? — с деланным спокойствием откликнулся он. — Или сейчас твоя очередь тыкать в меня стеклом?

Ив украдкой зашарил взглядом по сторонам в поисках хоть чего-то, что могло бы помочь, и Арахна, словно бы прочитав его мысли, дернула пистолетом.

— Видишь? Это тебе не светлячок и не резиновые пульки Чистильщиков. Так что не дергайся.

Двери. Может, если он быстро добежит до одной из них...

— А то что, выстрелишь? У босса на меня свои планы.

Арахна прищурилась, свела тонкие брови вместе. Лицо выражало ненависть пополам с презрением. Она выкрикнула:

— Да как ты смеешь?! Не делай вид, будто знаешь его лучше других! Он все делал для нас, но тебе все равно было мало! Да ты жив только благодаря тому, что однажды босс обратил на тебя внимание! Выбрал тебя среди сотен других сирот! И вот так ты решил отплатить ему? — Ее лицо исказилось до неузнаваемости. С такой обидой, с таким непониманием она яростно зарычала: — Как ты посмел, я тебя спрашиваю?!

Ив краем глаза определил ближайшую дверь, переступил с ноги на ногу, выбирая удобное положение. Наверху что-то вдруг снова загремело, но Арахна и глазом не моргнула.

— Избавь меня от тупых разговоров, — скучающе бросил Ив, стараясь не показывать, что ей удалось задеть его. — Мы оба знаем, что Тощему плевать и на сирот, и на нас с тобой. Он делает все только ради себя.

Арахна сжала губы в тонкую линию. Палец на курке шевельнулся. Ив попытался резко уйти в сторону, хоть и сразу понял, что уже слишком поздно. Звук выстрела эхом отскочил от стен.

Янош переступил через трупы солдат в черной форме, распластанные на входе. Он сосредоточенно прислушался: нет ли в конце коридора ещё кого, и только потом поманил остальных. Он держал пистолет наготове, на плече висел автомат одного из убитых солдат.

— Что там происходит?

Взволнованный голос Авроры едва пробивался сквозь шум в ушах Милы.

— Все нормально, мы заходим, — спокойно ответил Янош, будто его ни капли не волновало, что только что они оба едва не погибли.

— Мне это не нравится. Я вас не вижу. Я не смогу сказать, если вдруг за углом засада.

Давайте притормозим.

— Мы будем осторожны. Да, Мастер? Не подставляйся так, экзоскелет не защитит от всего.

Мила неопределенно промычала в ответ. Перед глазами все ещё стояла раздавленная грудная клетка и хрипы, которые вместе с кровью выталкивал из горла мужчина. На его лице был ужас и отчаянное отрицание близкой смерти.

Мила проглотила горькую слюну и попыталась сосредоточиться на чем-то другом. Как там говорил брат? Либо они, либо мы. Всего лишь неделю назад она готова была с этим поспорить, потому что не понимала по-настоящему, что это значит. Ив хорошо постарался, чтобы оградить ее от подобного. Но вот она здесь. Решает, кому жить, а кому умереть.

Либо они, либо мы. О выборе не может быть и речи.

Длинный, плохо освещенный коридор расходился надвое, открытый проход вел в помещение первого этажа, а ещё один, боковой, скрывала тяжёлая дверь. Янош толкнул ее и обернулся к остальным.

— Вход в казармы через завод. Возможно, порченые ещё на рабочих местах. А это спуск на базу.

Женщина вышла вперёд.

— Разделимся. Мы избавимся от надзирателей, а вы ищите путь наружу. Свяжемся позже.

Кивнули друг другу и разошлись.

Спуск привел в безликий коридор с отходящими вглубь базы ответвлениями и множеством комнат. Янош застыл в нерешительности. Планировалось, что Аврора направит их к той комнате, где держат Ива. Но раз изображение зациклено, на камерах их не видно, и Ро не сможет понять, где они находятся.

Мила почувствовала, как подступает паника. Они ведь не могут открывать каждую дверь в поисках брата! На это уйдет целая вечность, да и вероятность наткнуться на камеру одного из постоянных обитателей базы (или, точнее, всех, если они будут открывать *все* двери) увеличивалась раз так в сто.

— Как мы найдем его? — прошептала Мила скорее самой себе.

Янош вдруг замер, приложил палец к губам, прислушался. Шепотом спросил:

— Слышишь?

Мила покачала головой: шлем приглушал звуки. Она чувствовала только вибрацию музыки с поверхности, которая доходила аж до подвалов. Янош прошёлся чуть дальше по коридору, заглянул за угол, потом махнул Миле.

Теперь и она слышала. Впереди, за следующим поворотом, кто-то громко разговаривал. Слова сливались и разносились гулким эхом по пустым коридорам, но можно было различить женский голос и мужской.

— Сними его, — попросила Мила, указывая на шлем.

— Плохая идея.

— Вдруг это брат?

Янош секунду помедлил и потянул шлем вверх. Голоса сразу стали слышны четче, но эхо искажало их. Мила и Янош медленно и аккуратно пошли в сторону звуков. И чем ближе подходили, тем больше знакомого Мила улавливала в редких фразах мужчины.

Это брат, точно.

Вдруг повисла тишина — и в следующий миг раздался выстрел.

Мила бросилась вперёд, забыв обо всем. Каждый шаг сопровождался лязгом металла. Наверно, такой шум переполошит всю округу, но она об этом не думала. За пару секунд она долетела до конца коридора, резко свернула. Впереди стояла женщина с пистолетом. Она глядела вперёд и только-только начала оборачиваться на шум, как Мила на всей скорости врезалась в неё боком. Женщина ударилась о стену и сползла вниз, но Мила даже не посмотрела в ее сторону. Она искала глазами брата.

Ив привалился к стене. Почувствовал, как по телу расходятся волнами боль. Неужели — конец? Внутри все похолодело от мыслей о неизбежном. Он забыл об Арахне, которая до сих пор держала его на мушке, и опустил голову в ожидании увидеть расплзающееся по груди пятно. Длинно выдохнул: пуля попала в плечо. Видимо, тот отчаянный рывок в последний момент все же принес результат. Он зажал рану ладонью. По руке тут же потекла кровь.

Сквозь шум в ушах слышал грохот, разносящийся по коридорам, поднял взгляд на наемницу. Та тоже что-то слышала. Повернула голову в сторону — и в тот же миг ее отбросило к стене, словно тряпичную куклу. Теперь на ее месте посреди коридора стояла...

— Мила? — прохрипел Ив, уверенный, что это всего лишь предсмертные галлюцинации.

Его хрупкая и тонкая сестра с расширенными от страха глазами, облаченная в боевой экзоскелет, бежала к нему. Такого он не видел даже в самом странном сне.

— Ты ранен? — Она остановилась и быстро оглядела его. На бледном лице смешались радость от встречи с ним и переживания.

Все ещё не до конца уверенный в реальности происходящего, Ив дотронулся до нагрудной пластины. Та была в трещинах и следах от пуль, но вполне настоящая.

— Мила? — снова хрипло проговорил он.

Сестра счастливо улыбнулась, потянулась к нему и поцеловала в лоб. Благодаря массивным ножным модулям в экзоскелете Мила была одного с ним роста, так что ему даже не пришлось наклоняться. Потом сестра перевела взгляд за его плечо, лицо помрачнело.

Ив быстро обернулся. Открылись сразу несколько дверей. Привлеченные шумом люди выглядывали в коридор. Громилы с протезами рук. Их было не так много — всего четверо, а остальные, наверно, ушли праздновать в город. Однако и тех, что заполнили коридор сейчас, вполне хватит, чтобы задержать еле живого предателя и хрупкую порченую.

Пока Ив зажимал раненое плечо, пытаясь найти выход из ситуации, Мила встала перед ним, загородив от надвигающихся громил.

— Ложись! — раздался вдруг за спиной знакомый голос — и сразу за ним прогремела автоматная очередь.

Мила успела вжаться в стену, как и один из громил. Ещё один свёл массивные протезы перед собой, загроодившись от выстрелов. Остальные двое затряслись от множества пуль, прошивающих тела насквозь, и свалились на пол. С противоположной стороны коридора Янош резко прекратил огонь, когда со спины на него напал ещё один громила.

Не мешкая, Мила понеслась на первого противника. Она замахнулась правым модулем — но громила перехватил его массивной металлической ладонью. Кулаком другой руки он размахнулся и едва не ударил по лицу, но Мила вовремя выставила вперёд левый модуль.

Ив кинулся к ним, но на ходу его сбил второй оставшийся в живых громила. Ив свалился на спину, ударился затылком и проехал по бетонному полу. В голове звенело, от позвоночника по всему телу распространилось такое оцепенение, когда хочется сжаться в

комок, но мышцы светло, и единственное, что ты можешь — неподвижно ждать, когда боль отпустит. Он и до этого был не в лучшей форме, а теперь последние силы утекали вместе с кровью из раны в плече. Огромных усилий стоило хотя бы просто держать глаза открытыми. И когда над ним склонился противник, Ив не смог даже пошевелиться. Как сквозь туман он глядел на занесённый над ним клинок.

Шлак лежал в своей комнатухе, закинув пару рук за голову, и курил. Дым кружил под потолком, а потом просачивался в щель воздухоочистителя. Шлак наблюдал за дымом, пока в коридорах шла перестрелка. Вмешиваться он не собирался. Без приказа Тощего он и пальцем не пошевелит.

Ему было глубоко плевать на жизни остальных шавок Тощего. Единственный человек, к которому он умудрился прикипеть, сражался сейчас за свою свободу. Но Шлак уже достаточно помог ему. Дальше пусть сам.

За дверью раздавались крики и лязг металла. Должно быть, там происходило что-то интересное. У порченого руки чесались присоединиться к драке. Но вместо этого он достал новую самокрутку.

Янош крикнул:

— Ложись! — и открыл огонь.

Он надеялся перестрелять всех разом. Не хотел, чтобы Мила столкнулась с ними в рукопашную. До этого ей просто везло. Она не обладала ни быстротой реакции, ни зачаткам техники, и единственное, что спасало ее — экзоскелет. Хаотичные удары тяжёлыми модулями могли сработать на простых людях со слабыми конечностями, и даже у обученных солдат практически не было шанса. Но эти громилы с их механическими протезами вполне могли сравниться мощностью с экзоскелетом. К тому же, они умели драться.

Удалось уложить двоих, когда со спины на Яноша кто-то накиннулся. Противник обхватил его шею механическим протезом и дёрнул на себя. Выстрелы ушли в потолок. Противник сдавил горло между плечом и предплечьем одной руки, а другой потянулся к автомату. Янош отбросил оружие, вцепился в протез в попытках хоть немного ослабить хватку. Вдохнуть не получалось, лёгкие горели огнем из-за нехватки кислорода. Свободным протезом противник перехватил его за предплечье и отвел руку за спину. Янош попытался ударить пяткой по ногам, заехал локтем в грудь, но громила не ослабил хватки. Казалось, ещё немного — и шейные позвонки просто не выдержат. Заслезились глаза, Янош понял, что слабеет, и отчаянно задергался. Нащупал пистолет, прикрепленный к поясу под плащом, развернул его, не снимая, и нажал на курок. Противник дернулся, ослабил хватку. Янош шумно глотнул воздуха, быстро вытащил пистолет, вывернул руку, чтобы приставить дуло к животу громилы, и выстрелил, проделав в собственном плаще вторую дыру. Вырваться из хватки ослабевшего противника не составило труда.

Янош отшатнулся подальше и закашлялся. В горле словно битое стекло застряло. Перед глазами все расплывалось, но он глянул на противника поверх оружия. Громила, скрючившись, опирался на стену. Одной рукой он зажимал рану на животе, другой на бедре. Кровь стремительно текла ему под ноги, просачиваясь между пальцами. Он держался из последних сил. Янош отвернулся, поискал глазами друзей.

Мила сцепилась с одним громилой, а второй навис над лежащим на спине Ивом. Громила выдвинул клинок из протеза и собирался уже проткнуть Ива.

Янош прицелился и выстрелил. Он видел все как через мутное стекло и не был уверен, попал ли, поэтому выстрелил снова. Противник опустил руку, накренился вперед, и Ив оттолкнул его ударом ноги в грудь.

Следом Янош прицелился в оставшегося громилу, но Мила загоразживала его почти полностью. Он не собирался так рисковать, поэтому поискал выпавший из рук во время перестрелки шлем и поспешил на помощь.

Громила схватился за модули экзоскелета и грохнул Милу о стену. Девушка ударилась головой и на миг потеряла сознание. Она начала сползать по стене, а противник занес кулак для удара. Как только громила открылся, Янош пустил пулю ему в грудь.

Мила сползла на пол. Она едва могла пошевелиться. В глазах потемнело, по черепу словно кувалдой прошлись. До скрипа стиснула зубы, зажмурилась. Из глаз брызнули слезы. Осознание, что она по-прежнему такая же слабачка, как и вчера, накрыло волной горького разочарования. И на что она рассчитывала? Кому вообще может помочь?

Мила с усилием открыла глаза, отчаянно не желая встречать последние мгновения как трусиха. Увидела занесённый над собой кулак. Искривленное яростью лицо противника. Он не медлил, не думал ни о чем. Просто отстаивал свою жизнь, как и любой другой.

Совсем рядом прогремел выстрел. Кровь стремительно расползалась по груди, закапала на пол. Через пару секунд мужчина свалился рядом, и коридор погрузился в непривычную тишину.

Мила оглянулась. Чуть дальше Янош помогал брату подняться.

— Мила, как ты? — слабо прохрипел Ив.

Он заметно побледнел и уже весь измазался кровью, но все равно побрел к сестре, гораздо больше обеспокоенный ее состоянием, чем своим.

Мила с трудом поднялась, сжав кулаки. Хватит строить из себя жертву. Стукнули не так уж сильно, а вот брату досталось по-настоящему.

— Я справлюсь, а тебе нужно остановить кровь. Где медицинский кабинет?

Ив кивнул на тянущуюся по полу красную дорожку. Они двинулись по следу мимо трупов, из которых натекло достаточно, чтобы залить часть коридора тонким ровным слоем. Тусклые светодиодные ленты оставляли блики на темно-красных лужах. Пахло металлом и чем-то ещё, тошнотворно сладким.

— Там могут быть люди, — предупредил Ив перед дверью медкабинета.

Янош кивнул и зашёл первым, держа оружие наготове.

Медицинский кабинет оказался относительно просторным. У стен стояли стеллажи с медикаментами, две передвижные койки и стойка с инструментами. Персонал отсутствовал, зато обе койки были заняты. На одной лежал без движения охранник в черной форме. Его остекленелые глаза глядели в потолок, рука лежала на кровавом пятне на груди. Кровь по капле падала на бетон, в чернеющую лужу под койкой. На второй сидела девушка с обритым наголо черепом, босая, в длинной просторной ночнушке. В носу одно кольцо, другое в ухе, а между ними цепочка. Мила уставилась на нее, совсем позабыв, что так нагло пялиться неприлично. Потом обратила внимание на ее глаза. Они казались очень темными, почти черными. Пронизывающий взгляд заставил неуютно поежиться.

Девушка медленно поднялась, пошатываясь. Одной рукой она нащупала у стены палку с торчащими на конце гвоздями и подняла ее в угрожающем жесте. Обе руки от пальцев и до рукавов ночнушки были замотаны бинтами со светло-коричневыми пятнами эксудата.

Ив накрыл рукой пистолет Яноша, заставив того опустить оружие, и устало обратился к девушке:

— Не глупи, Жесть. Давай как-нибудь без этого.

Девушка нахмурилась и молча сделала несколько жестов рукой. Потом прислонилась к койке: видно, от слабости с трудом держалась на ногах.

— Я все равно не понимаю, — снова заговорил брат. — Хотя ты наверняка сейчас назвала меня предателем и все такое. Не трудись.

Он отвернулся, и вместе с Яношем они подошли к другой койке. Янош убрал пистолет, положил шлем Милы на стойку и спихнул мертвеца на пол. Тот шлепнулся с глухим ударом, а Ив занял его место.

— Уверен? — кивнул Янош в сторону Жести.

— Она под морфином. Ожоги.

— Ладно. Мила, приглядывай за ней и за входом. А я посмотрю рану.

Янош поискал на полках раствор, плеснул на плечо Ива, осмотрел с одной и с другой стороны.

— Сквозное. Могу зашить. Потом закроем накладками, они остановят кровь. Поискать и для тебя морфин?

— Не. Давай уже, шей. Времени мало, — напряжённо напомнил Ив. — Надо свалить до того, как шавки сбегутся со всего города по зову хозяина.

Янош покопался в ящиках, пододвинул поближе передвижную стойку и разместил на ней необходимое: полукруглую иглу с хирургической нитью, медицинские накладки, дезинфицирующий раствор и салфетки. От вида толстой острой иглы Милу начало подташнивать, и она отвернулась.

За все время брат не издал ни единого звука. Мила в очередной раз поразила его стойкости: несколько дней его держали взаперти, пытали током, судя по ожогам, и кто знает чем ещё, но ему все равно удалось каким-то образом освободиться. Она гордилась им и восхищалась, но было ещё и чувство вины, которое заговорило с новой силой, стоило только увидеть все эти раны.

Первое, что сказал Ив: "как ты, Мила". Он не спросил, почему так долго, хотя имел полное право. Он не стал ругать ее, что рискнула своей жизнью и пришла за ним. Ведь все, что ему пришлось перетерпеть в последние дни, было ради ее защиты. Чтобы Мила жила. Впредь нужно проявлять осторожность, не кидаться бездумно на врага. Мертвой она никому не поможет.

Пока Янош обрабатывал раны Ива, Мила глядела то на дверь, то на странную девушку. Жесть покачивало, она вынуждена была опираться на койку, но упорно стояла с решительным выражением лица и выставленным перед собой оружием. Несмотря на угрожающий вид, вряд ли ее стоило опасаться. Милу гораздо больше беспокоило, что кто-то вот-вот вломится в кабинет, а они окажутся к этому не готовы.

— Ро, ну как там дела? — спросила она по общей связи.

Аврора откликнулась незамедлительно:

— Все ещё в процессе, пытаюсь восстановить доступ. — В голосе чувствовалось напряжение. — Не знаю, мне все это очень не нравится. Кто-то не хочет, чтобы мы видели, что происходит на базе. Может, Тощий где-то собирает народ, чтобы напасть разом, а я даже не смогу вас предупредить...

— Не думаю. Если бы они знали заранее, что мы придем, подготовились бы лучше. Но

мы все ещё живы.

— Да, но зачем тогда камеры отключать? — Аврора вздохнула, и из динамика посыпались трескучие помехи. — Я надеялась сделать запись освобождения порченных. Такое видео взорвало бы сети!

— Надеюсь, все получится, — тихо проговорила Мила, подразумевая весь план целиком.

Шум борьбы стих. Шлак подождал ещё немного, но потом всё-таки решился посмотреть. Посчитать трупы и все такое.

Он выглянул в коридор и тут же чуть не вляпался в кровь. Как же ее много. По телу пробежало знакомое возбуждение. Шлак растянулся в ухмылке, оглядывая трупы. Вон тот урод на прошлой неделе плюнул в его сторону, а теперь валяется мордой вниз. А вон тот вечно придумывал для Шлака тупые прозвища. Теперь глядит в потолок с открытым ртом. Заткнулся навсегда.

Шлак прошелся до конца коридора, стараясь обходить лужи крови. Если заметят ее на подошвах, спросят, чего это он не помог своим. Но своих-то тут не было. Ни один из этих ублюдков не шевельнулся бы, чтобы помочь Шлаку, так с какой стати он должен?

У стены вдруг кто-то пошевелился. Четырехрукий подошёл поближе. Паучиха. Из разбитого виска текла кровь, слиплись волосы на левой стороне. Женщина со стоном приподнялась на дрожащих руках, огляделась и только потом обратила внимание на Шлака.

— О, ты здесь, — пробормотала она, протирая левый глаз от крови. — Хорошо. Видел Тихоню? Похоже, ему удалось улизнуть.

Шлак не отвечал. Он навис над ней, скрестив на груди руки, и размышлял. Арахна поднялась, пошатываясь, хмуро уставилась на него.

— Эй, урод, чё ты лыбишься? Надо собрать всех, сообщить боссу...

Шлак резко схватил женщину за горло двумя руками, а остальными поймал за запястья, когда та начала дёргаться.

— Что... творишь... — едва слышно прохрипела Арахна. — Отпусти...

Шлак только шире улыбнулся.

— Хорошо, что он не замочил тебя. Я сам давно хотел это сделать.

Арахна хрипела и задыхалась, щеки покраснели, глаза широко распахнулись. Макияж потек из-за выступившей влаги. Она попыталась задеть Шлака ногами, но была слишком слаба после удара о стену. Шлак сдавил шею крепче, пока не хрустнуло, а потом отпустил. Арахна безвольно свалилась под стену.

Вот так. Теперь никаких насмешек и презрительных взглядов. И теперь она никому не помешает. Но это не ради Ива. Шлак давно хотел избавиться от нее, только все не было подходящего момента. И вот появился. Под шумок можно и свои вопросы решить, а если кто спросит, свалить все на беглеца.

Янош закончил обработку, закрепил поверх раны медицинскую накладку и поднял оценивающий взгляд на Ива.

— Может, всё-таки немного обезболивающего?

Ив пошевелил раненым плечом, поморщился. Пульсирующая боль расходилась по всей руке, конечность словно потяжелела и едва двигалась. В таком состоянии он и мошку на лбу не прибьет.

— Лучше поищи тут где-то флаконы с надписью "Улучшитель". Инъекция поможет продержаться бодрчком ещё несколько часов и не чувствовать боли. А то от простого обезболивающего я моментально завалюсь спать.

Янош хмыкнул, но возражать не стал. Стекланные флаконы нашлись в холодильнике.

Парень изучил этикетку, набрал содержимое в шприц и ввел внутривенно.

Прошло несколько секунд, прежде чем препарат начал действовать. Боль притупилась, но не ушла совсем. Вязкий туман из-за недосыпа, стоящий в голове все последние дни, тоже начал рассеиваться. Этого должно хватить на какое-то время, и Ив надеялся, что, пока препарат поддерживает силы, он успеет увести сестру в безопасное место.

— Мне бы тоже от головы что-нибудь, — подала голос Мила, и Янош снова обернулся к стеллажам в поисках таблеток.

Ив пошевелил рукой, удовлетворенно кивнул и поднялся. Подхватил со стойки шлем Милы, надел на нее и бросил взгляд на Жесть, прежде чем выйти в коридор. Девушка все так же сверлила его хмурым взглядом, но хотя бы оказалась достаточно благоразумной, чтобы не кинуться в драку. Хотелось бы обойтись без лишних жертв — их и так уже предостаточно.

Ив оглядел коридор — неподвижные тела на дальнем конце, темные лужи крови, брызги на серых стенах. И больше никого. Припомнил, в какую сторону идти, и махнул остальным.

— Теперь освободим Марека, заберём куб и проведем порчей. С Радомиром говорили?

— Да, однажды, сразу после поставки, — ответил Янош. — Но больше он не выходил на связь. Возможно, их деревня находится вне зоны покрытия сети.

Ив согласно хмыкнул. Ну конечно! И почему он сразу об этом не подумал? Чтобы браслет уловил сигнал, нужно находиться в пределах пяти километров от передатчика.

Впереди коридор расходился на две ветки. Ив выдвинул клинки и заглянул за угол. Никого. И такая тишина вокруг, только отзвуки далёкой музыки просачивались под землю. Все это казалось слишком хорошим, чтобы не быть ловушкой, ведь, когда он попался в прошлый раз, путь тоже был обманчиво свободен. Но не стоять же теперь на месте?

Дверь в комнату Марека оказалась не заперта. Светловолосый парень тут же вскочил с кровати, стоило Иву сделать шаг за порог.

— Пришел всё-таки, — бросил он хмуро, но по лицу заметно было, что взволнован.

— Готов?

— Нужен ключ. — Марек поднял вверх руку с электрическим обручем, из-за которого не мог покинуть комнату.

Ив растерянно поморгал, огляделся. На это совсем нет времени.

— Нужна домашняя станция, так? — проговорила Мила. — Я бы поставила ее в соседней комнате.

Она вышла, и Янош последовал за ней. Марек проводил взглядом обоих и нервно усмехнулся:

— Это твоя команда по спасению порчей?

Ив только устало пожал плечами. Спросил:

— Есть лишние шмотки? — И, не дожидаясь ответа, снял с крючка короткую куртку. Ничего другого в комнате не было.

Марек в это время принес персональный браслет из ванной комнаты.

— Я говорил с отцом на днях. Они готовы помочь, но нужно было дать им больше времени на сборку нового устройства.

Значит, помощи ждать неоткуда. Ив совсем не был уверен, что они справятся с оставшимися людьми Тощего своими силами. Да, экзоскелет Милы давал огромное преимущество, но что она сможет, если их окружают?

— Нет у нас времени, приятель, — вздохнул он.

— Уже слышал. — Марек хмуро сложил на груди руки. — Одна из ваших сообщила, что твою сестру обнаружили Чистильщики и что она хочет освободить тебя сегодня, потому что уверена, что ты долго не протянешь.

Ив усмехнулся. Он рад был видеть, что Мила понемногу учится жить и принимать решения самостоятельно, но одновременно чувствовал вину, ведь совсем недавно сам же пытался навязать ей свою волю. Глупо решать все за других, даже если уверен, что поступаешь правильно. Жаль, подумал Ив, что не осознал этого раньше.

За стеной раздался грохот ломаемой аппаратуры, и Мила крикнула:

— Готово!

Марек глянул на Ива, и в его взгляде впервые не было скрытой враждебности. На губах появилась тусклая улыбка:

— У вас это семейное: решать проблемы при помощи грубой силы?

В коридоре они встретились с остальными.

— Куда теперь?

Ив ненадолго задумался, прежде чем ответить.

— Тощий мог отнести куб куда угодно. Аврора может посмотреть по камерам?

— У нее нет доступа, — сказала Мила. — Думает, что кто-то специально заблокировал, чтобы привести нас в ловушку.

— Значит, просто будем повнимательнее. Сначала проверю в мастерской.

Мастерская находилась всего в нескольких шагах за поворотом. Ив толкнул дверь, выставив клинок перед собой, уверенный, что их уже ждут. Однако внутри было пусто. Коробки так и валялись на полу, на стеллажах беспорядочная мешанина инструментов и оборудования. Наполовину собранные протезы торчали тут и там, заваленные всяким хламом, будто стоили какие-то пол-юни, а не как годовая зарплата среднестатистического гражданина.

Один из столов оказался расчищен, в его центре лежал молоток и куча осколков какого-то устройства.

Ив похолодел. Он склонился над столом, взял один из осколков, повертел в руках, потом с яростью швырнул об стену.

— Твою мать!

Он с горечью уставился на осколки. Внутри клокотала обида — они были так близко! Злость. Это наверняка устроил Тощий. Растерянность. Что теперь делать? Неужели, все было зря? Он не решался поднять взгляд на сестру. Казалось, это он ее подвёл.

Янош подошёл к столу и тоже уставился на осколки. На вечно спокойном лице ни один мускул не дрогнул.

— То самое устройство?

— Ага, — мрачно кивнул Марек.

Тогда Янош смел рукой кусочки разрушенного шанса выбраться за стену, потянулся к внутреннему карману плаща и выложил на стол диск.

— Я надеялся, что это не понадобится, но все же решил подстраховаться.

— Ты воссоздал устройство?! — с надеждой воскликнула Мила. — Так вот, над чем ты работал в последнее время.

— Типа того. Но тут принцип действия другой. Устройство должно создать вокруг себя широкое электромагнитное поле и распространить на коптеры и датчики настенных пулеметов индуктивные помехи, но... — Янош сдвинул брови и неуверенно повел

плечами. — Я не успел его протестировать. Может, и не сработает.

Все притихли. Одно дело, рисковать собой, и совсем другое, вывести сотню людей за стену, где их за пару минут расстреляют автоматические пулеметы, если устройство не сработает.

— У нас все равно нет другого выбора.

Крохотная надежда лучше, чем ничего. Ив забрал со стола устройство и протянул его Мареку. Потом повернулся к Яношу и приподнял уголки губ в благодарной улыбке.

— Есть хоть что-то, что ты не умеешь?

Тот печально улыбнулся в ответ:

— Приходится многое осваивать, когда вынужден сам о себе заботиться. Тебе ли не знать.

Мила нетерпеливо кашлянула, привлекая внимание.

— Ну, теперь идём в казармы? Янош, какие вести от добровольцев?

— Пока никаких. Попробую с ними связаться. Может, им нужна помощь.

— Погодите немного, надо подумать. — Ив нервно провел рукой по кудрям, обвел глазами мастерскую. — У нас не так много времени. А целая толпа порчей от казарм до туннеля будет идти вечность через переходы базы. Марек, помнишь тот боковой туннель?

— Ну.

— Он ведёт напрямиком от казарм к выходу. Его заварили после прошлого раза, но не обрушили — иначе пострадал бы завод. Так что предлагаю срезать металл и открыть этот путь. Вон там газовый резак. Умеешь пользоваться?

— Я умею, — кивнул Янош. — Давайте разделимся: мы вдвоем освободим путь, а вы соберете порчей. Возможно, там ещё остались надзиратели. Связь держим по браслету Милы. — Он повернулся к Мареку. — Покажешь, куда идти?

— Ага. — Марек обвел всех взглядом, остановившись на Иве. Сурово сдвинул брови. — На этот раз не подведи.

Аврора все поняла. Единственным разумным объяснением отключения камер были Чистильщики. Их системы поиска лиц собирали изображения со всех камер в городе, даже частных. Если предположить, что Тощий смог распознать обман Милы или хотя бы учел такую возможность, то становилось понятно, почему он заранее зациклил камеры на базе. Если Мила появится на одной из них, незамедлительно явятся Чистильщики.

Она могла бы вновь восстановить доступ к камерам, потому что не покидало ощущение, что для друзей на базе расставлена ловушка. Однако, если интуиция все же подведёт, это подвергнет их новой опасности.

Аврора сидела на лестнице в подъезде, пялилась в экран, картинка на котором не менялась уже около часа, и чувствовала себя слепой и беспомощной.

Они шли по пустым тихим коридорам базы к лестнице вверх. Только один путь вел в казармы — через просторное помещение для приема отходов на первом этаже завода.

Из-за нарастающего нервного напряжения у Милы снова начали подрагивать пальцы. Хорошо, что модули экзоскелета не дрожали вместе с ними. Она следовала за братом и не могла не думать, как многое сейчас зависит от них. Всего пару недель назад она и представить не могла, чтобы Ив добровольно шел освобождать мутантов, кое-кто из которых даже попал сюда по его вине. Она думала, брат ненавидит порченных, раз сдавал их властям,

и только теперь поняла, какой груз все это время лежал на его плечах. Либо они, либо мы. Некоторые вещи просто приходится делать, даже если будешь сожалеть об этом всю жизнь.

Но сегодня есть шанс все исправить. Вернуть порчам свободу — пусть и не в привычном им городе, а на неизвестных и пугающих Свободных Землях, о которых в Огневе рассказывают столько плохого. Едва ли десять процентов из этого правда, но сердце все равно замирало в страхе перед одной только мыслью выйти за стену. Когда столько лет слышишь одно и то же, невольно начинаешь верить.

С верхних этажей, где происходила переработка, не доносилось ни звука. В распределительном зале было темно, но свет просачивался на нижние этажи сквозь обитые плотной сеткой шахты грузовых подъемников. Ив и Мила переглянулись и двинулись к лестнице. Замок, скрепляющий ограждение перед лестницей, оказался взломан. Этим путем шли добровольцы.

Одна лестница спускалась вниз, в казармы, а по другой можно было подняться к рабочим местам на разных уровнях завода. Пахло резиной и химикатами, и чем ближе к центру завода они шли, тем резче становился запах.

— Слишком тихо, — заметил Ив. В голосе чувствовалось напряжение. — Не нравится мне это. Осмотрим сначала первый этаж.

Ив толкнул двери прямо за лестницей, и они оказались в следующем помещении, разделенном на секторы транспортерами. У дальней стены Мила опознала шредеры, котлы и теплообменники. От вони слезились глаза и першило в горле. Девушка невольно содрогнулась от мысли, что работа здесь могла бы стать ее единственным делом до конца жизни.

В помещении никого не было, только пятна крови ярко выделялись на грязном бетоне, а у стены сидел, завалившись на бок, неподвижный надзиратель в черном. Ещё один валялся чуть дальше, распластаный на полу.

Ив развернулся к выходу и бросил:

— Установки выключены. Должно быть, порченые в казармах. Держись за мной, ладно?

— Вообще-то это на мне броня, — напомнила Мила, однако послушно пошла позади.

Внизу запах химикатов и мусора был лишь чуть слабее. У дверей к нему примешивался другой, пока ещё не слишком яркий, но стоило открыть дверь — вонь застарелого пота и десятков немых человеческих тел тут же перебила все остальное. Ресурсы на порчей расходовали неохотно.

Брат и сестра вышли на пустую круглую площадку. У стен лежали плотные ряды голых матрасов, а в центре был проем в полу, огороженный полуметровыми перилами. Не отходя от двери, они быстро оглядели уровень. Лампа освещала только самый центр, а по краям сложно было что-то разглядеть, но Мила сразу поняла, что помещение пусто.

Ив, все более мрачный и хмурый, махнул Миле рукой, и они спустились еще на один уровень, такой же круглой формы с широким проемом по центру.

Десятки лиц обернулись к ним, частично скрытые в тени верхнего яруса. Изможденные, грязные, больные. Мила застыла в дверях, а сердце наполнилось такой болью при виде этих людей, что хотелось кричать. На нее глядели десятки мутных, покрасневших глаз, в которых не было ничего, кроме страха и смирения. Их тела покрывали свежие и зажившие ожоги электрических стеков, фиолетовые пятна от ударов, копоть и сажа. Женщины прижимали к себе тихих, безразличных ко всему детей, слишком уставших от работы. Вряд ли они были знакомы прежде, чем попасть сюда.

Лишние руки, выросты на теле, странной формы черепа. Были здесь и двухголовые, и альбиносы. Все, кто чем-то отличается от принятых в империи стандартов *нормального* человека. Мутанты. Порчи. Но Мила не замечала их непохожести. Она видела тех, кому не дали ни шанса на нормальную жизнь.

Несколько секунд прошли в полной тишине. Потом Мила услышала щелчок предохранителя у самой головы. Медленно обернулась. С обеих сторон к ним подступили надзиратели. Они поджидали в темноте у самого входа, четверо с одной стороны и трое с другой.

Мила проглотила поступающую панику. Сейчас не время, нужно срочно что-то придумать. Сосредоточиться. Она не мешкая кинулась бы под пули, будь она одна, но вокруг слишком много народа. Брат, в конце концов. Все они могут пострадать, если она поведет себя неразумно.

В ухе вдруг щёлкнул динамик. Аврора торопливо прокричала:

— Не идите в казармы! Мила, слышишь? Это ловушка!

— Поздно, — прошептала Мила.

Пальцы Авроры отбивали дробь по экрану планшета. Остаться в неведении она больше не могла. Тревога и плохое предчувствие не отпускали ни на секунду. Она решила хоть ненадолго разблокировать камеры и оценить обстановку. А чтобы сбить Чистильщиков, заранее начала транслировать кадры с лицом Милы на камеры в другом конце города. Так у друзей появится больше времени, прежде чем на базу нагрянут биомехи, если вдруг окажется, что Аврора зря подняла панику.

Она ввела последнюю часть кода в командую строку. Трансляция в режиме реального времени возобновилась — и девушка вздрогнула. Столько трупов! Кровь яркими пятнами тянется от одной камеры к другой, раскрашивая багровым серые коридоры. Мысленно Аврора ожидала чего-то такого, но когда увидела своими глазами, невольно поежилась.

А потом она взглянула на камеры в казармах.

— Вот дерьмо! — прошептала экрану, а потом взволнованно закричала по общей связи: — Не идите в казармы!

Но слишком поздно. Она увидела, как люди Тощего окружают Ива и Милу.

Нужно что-то сделать, нужно помочь им.

Аврора взяла планшет под мышку и побежала вниз по лестнице, к базе.

У стен вдруг зажглось дополнительное освещение. Внезапная яркость резанула по глазам, и в первый миг Ив зажмурился, а когда огляделся вновь, пальцы сами собой сжались в кулаки.

На верхнем ярусе, опираясь на перила, стоял Тощий. Всегдашняя полуулыбка на лице, синие глаза глядели презрительно и с торжеством. Прямо под его ногами к перилам были привязаны провода, три тела болтались на них, двое мужчин и женщина. Их ноги почти касались перил следующего яруса, белки выпученных глаз блестели в свете ламп, черные рты открыты в беззвучном крике.

Ив не удержался и сделал шаг к перилам — надзиратели тут же дернулись, но стрелять не стали. Мельком он глянул вниз, на третий и последний ярус. Десятки порчей сидели там на полу, одни смотрели вверх, на трупы и Тощего, другие прятали лица в ладонях. Ив снова поднял взгляд на теневого барона. Тот явно наслаждался ситуацией. Столько раз Ив наблюдал самодовольное выражение босса, но не думал, что сам окажется тем, кому это выражение предназначено.

— Сколько же от тебя проблем, Истислав! — вкрадчиво проговорил Тощий. Его тихий голос заставил несколько десятков порчей вздрогнуть. — Хотя я был бы разочарован, если бы ты так просто сдался. Не даёшь старику заскучать, а?

— Спускайся, — прорычал Ив, — а то стоишь далековато.

— На то есть причина. Например, мне нравится, когда на меня смотрят снизу вверх.

— Высокомерный ублюдок, — скривившись, бросил Ив, а Тощий только усмехнулся.

— Иронично, что тебя тоже так называют. Тихоня — высокомерный ублюдок. Интересно, почему? — Тощий картинно развел руками, и только теперь Ив обратил внимание, что тот держит в каждой по автомату. — Ты считаешь себя лучше других. Ты думаешь, что твои решения правильные. Прямо как Радомир, помнишь? В прошлый раз мы преподали ему хороший урок. Жаль, ты не захотел учиться на чужих ошибках.

Ив похолодел от пришедшей на ум догадки. Он бросился к перилам, едва не перегнувшись через них, и крикнул:

— Нет! Не делай этого!

Тощий глянул на него сверху с холодной улыбкой, от которой бежали мурашки по спине.

— Вот тебе ещё один бесплатный урок, мальчик мой. Учись достойно принимать последствия своих действий.

Тощий поднял автоматы, направил на нижний ярус и открыл огонь. Эхо выстрелов прокатилось по всему заводу. Крики испуганных людей, загнанных в ловушку, зазвенели в ушах. Ив медленно опустил голову, боясь того, что предстоит увидеть.

Тела мужчин, женщин и детей. Кто-то дёргается в предсмертных судорогах, кто-то пытается отползти подальше. Одни закрывают руками головы в бессмысленной попытке защититься, другие тянутся к родным, третьи просто ждут с безразличием. Глаза распахнуты в ужасе и глядят будто прямо на него. С мольбой, с укором. Это все из-за тебя. Ты виноват.

Когда автоматные очереди затихли, остались только стоны и тихий плач. Оставшиеся в живых на нижнем уровне жались к стенам и потрясённо глядели перед собой.

Мила упала на колени и опустила голову. Ив рад был, что не видит ее лица.

— Посмотри на них, — раздался в тишине безразличный голос. — Они совсем как та тварь, что ты недавно уничтожил. Неправильные, больные, уродливые. Это просто мусор. Забракованные детали, которые выдает повреждённая машина. Но они мои. И забрать их я не позволю.

— Сам ты тварь, — прошипела Мила.

Тощий усмехнулся и снова открыл огонь. Изрешеченные тела задергались под градом новых пуль. Затихли те, кто не успел отползти в укрытие.

Ив не имел понятия, что делать. В спину направлено оружие, Тощий слишком далеко. Оставалось только сжимать кулаки в бессильной ярости и смотреть. Смотреть, как по твоей вине гибнут люди, которых даже и не хотел спасать.

Руки Тощего медленно поползли вверх. Порченые на втором ярусе в ужасе жались к стенам. Ещё немного — и их тоже перестреляют. Вдруг сверху раздался новый звук, очереди смолкли, и Ив поднял глаза. На верхнем ярусе казарм стоял ещё кто-то, прямо над ними, так что он не мог видеть, кто. Неизвестный выстрелил в Тощего несколько раз. Теневой барон пошатнулся, отступил на полшага назад — и улыбнулся. В костюме на груди появились темные бескровные прорехи. Он направил оба автомата на противника. Прогремела короткая очередь, и патроны кончились сначала в одной обойме, затем и в другой. А неизвестный снова открыл огонь.

Надзиратели отвлеклись на секунду, замешкались, глядя вверх, на босса. В этот момент Ив кинулся к первому, вцепился в пистолет и направил его вверх, одновременно крутанулся вместе с противником так, чтобы тот оказался между ним и остальными надзирателями. Тут же раздались выстрелы — и живой щит Ива обмяк в его руках.

— Мила! — крикнул он в надежде, что сестра разберётся с остальными.

Выхватил пистолет из ослабевших пальцев и выстрелил, все ещё держа мёртвого перед собой.

Мила почти ничего не соображала. Мысли занимали мертвые порченые и Тощий, с улыбкой стреляющий по толпе. По людям, которых она мечтала освободить.

Это она виновата. Это она хотела свободу, а расплачиваться пришлось другим. От отчаяния хотелось кричать. Страх и скорбь вместе со слезами выплескивались наружу. Но сейчас не было времени для всего этого. Нужно спасти хотя бы тех, кто ещё жив.

Сквозь грохот выстрелов и крики раненых она услышала, как брат зовёт ее. Повернулась на звук и тут же все поняла. Она врезала модулем в бок ближайшему надзирателю, тот потерял равновесие, а остальные открыли огонь. Броня экзоскелета завибрировал от пуль. Мила прикрыла шею рукой и поднялась, потом сбила ещё одним боковым ударом двоих, третий отскочил назад, выстрелил в шлем, потом в ногу. Волна боли прошла по телу до самых зубов, нога одновременно горела и немела. Мила пошатнулась, но не упала — экзоскелет поддерживал ее, практически не нагружая. Сквозь сеть трещин на щитке шлема увидела, как брат подскочил к стреляющему сзади и проткнул шею клинком насквозь, потом направил его пистолет на лежащего.

Сбоку уже поднялся надзиратель, которого она ударила первым. Он выстрелил в грудь — полимерная пластина пошла трещинами. Мила дернула его за руки хватателями и перекинула через перила на нижний уровень. Когда обернулась — Ив выпустил из рук тело последнего. Из перерезанной глотки и открытого рта толчками вырывалась кровь.

Секунду отдышались и одновременно взглянули вверх. Стрельба на верхнем ярусе прекратилась. Тощего видно не было, но слышались звуки борьбы. Потом шуршание, с каким обычно тащат что-то по полу. Наконец, Тощий показался в зоне видимости. Он шел на прежнее место, а в его руках извивалась и брыкалась Аврора.

Ив моментально развернулся и кинулся к дверям и к лестнице наверх. Мила хотела тоже, но раненая нога подвела и подогнулись. Девушка тяжело оперлась на здоровую, высвободила руку из модуля и отбросила в сторону бесполезный погнутый шлем. Закричала: — Отпусти ее! — хоть и понимала, как это глупо и бессмысленно.

Тощий остановился прямо напротив нее. Он улыбался. Аврора дергалась у него в руках, пытаясь выскользнуть из железной хватки. Она молотила руками по воздуху, по ногам, царапала ногтями руку, держащую ее за горло.

Наверху грохнула дверь. Тощий поднял глаза на вошедшего, помедлил секунду, потом обхватил другой рукой голову Авроры и резко дёрнул. Раздался хруст. Тощий выпустил тело девушки из рук, оттолкнул. Аврора полетела вниз.

Казалось, время замедлилось. Мила следила, как падает ее подруга. Как она касается залитого красным бетоном, как отскакивают от пола и чужих тел руки и как безвольно шлепаются обратно. Аврора смотрела в сторону с удивлением, будто просто поскользнулась на мокром полу, вот-вот поднимется и рассмеется, потирая ушибленную макушку. Но она не поднялась.

Мила вскинула замутненный яростью и слезами взгляд к Тощему. Тот глядел на нее с чувством собственного превосходства и улыбался.

Захотелось стереть его ухмылку раз и навсегда. Мила подняла левый модуль и выстрелила.

Аврора сказала, что идёт в казармы, и Янош кинулся к выходу из туннеля, оставив Марека доделывать работу. Он бежал так быстро, как только мог. Он кричал в наушник, просил Аврору не делать глупостей, но она не отзывалась.

Выстрелы были слышны уже из просторного помещения для разгрузки. Янош слетел по лестнице, ориентируясь только на звуки. Сердце болезненно колотилось из-за плохого

предчувствия.

С грохотом открыл дверь. Под ногами валялись разряженные автоматы и пистолет. По другую сторону огромного огороженного проема в полу стоял Тощий, держа Аврору за горло. Он взглянул на Яноша, усмехнулся. И свернул девушке шею.

Янош с диким ревом кинулся к нему. Налетел с разбегу и повалил на бетон. С яростью замолотил кулаками по лицу. Затылком почувствовал, как совсем рядом просвистел разряд и ударился в стену, но продолжал бить. На лице Тощего появилась кровь. Не его кровь, Яноша. Парень вдруг понял, что не наносит противнику никакого вреда. Лицо Тощего было словно вырезано из камня.

Разбитые костяшки оставляли на лице противника кровавые следы, руки отзывались болью после каждого удара, но он не мог остановиться. Тощий вдруг перехватил одну его руку, потом вторую, и с лёгкостью скинул с себя, отбросив к стене казармы. Янош ударился боком и свалился на матрасы. Почувствовал, как немеет тело. Но нужно было подняться. Сделать хоть что-то. Тощий должен заплатить за смерть Ялана, Авроры и всех остальных.

Вспомнил, что к поясу пристегнут пистолет, и выстрелил. Пули застряли в теле Тощего, будто под кожей тот носил броню. Ещё один биомеханический андроид? Подобные слухи давно бродили по сети. Нет, скорее, все его тело было протезом, сочетанием живой ткани, металла и полимеров. И как такого убить?

Тощий наступал прямо на него. С застывшей на лице полуулыбкой ему играючи удавалось уклоняться от пуль с такой быстротой, какая недоступна простому человеку. Янош стрелял, пока не закончились патроны. Размахнулся пистолетом, когда противник подошёл совсем близко, но Тощий на лету перехватил его руку, быстрым движением вывернул — Янош выронил бесполезный пистолет. Тощий надавил ещё — раздался щелчок, и плечо прострелила боль, когда сустав вышел из суставной впадины. Пальцы моментально онемели, он не мог больше пошевелить рукой. Тощий дёрнул Яноша на себя, заехал острым коленом в живот и выпустил. Янош грохнулся на колени, едва сумев удержать кишки внутри. Отстраненно заметил, как Тощий заносит руку для удара.

Кулак остановился перед самым лицом. Янош повернул голову. Ив. Он перехватил руку Тощего и тут же врезал ему. На лице яростный оскал, в глазах чистая ненависть. Они сцепились, удары посыпались с треском и скрежетом, такие быстрые, что сложно было за ними уследить. В наполненной звоном голове Яноша промелькнула надежда, что Ив со своими протезами должен справиться, но скоро стало понятно, что даже его удары не могут заставить теневого барона отступить.

Зато отступал Ив. Он заметно прихрамывал, раненая рука слушалась хуже, из разбитой брови и носа текла кровь.

Янош медленно поднялся, пошатываясь. После удара о стену раскалывалась голова, рука болталась бесполезной плетью. Но он все же кинулся на Тощего.

Неожиданный удар сбоку сбил его с ног. Четырехрукий мутант, возникший словно из ниоткуда, навис над ним, сверкнул грозно янтарным глазом — второй закрывала накладка — и отвернулся. Молниеносно перехватил руку Ива, сначала одну, потом вторую. Завел обе за спину и оттеснил от Тощего.

Бой был окончен.

— А ты не спешил, — заметил теневой барон, опираясь на изрешеченный пулями и окровавленный костюм.

— Так вы хоть бы весточку прислали, босс, — прогудел громила. — Это меня Игрок

вызвал, когда сам по камерам увидел.

Ив задергался, попытался выдернуть руки. Тощий взглянул на него победоносно, собрался сказать что-то, но вдруг отвлекся, нахмурился — и в следующий миг сверкнула вспышка.

Ив зажмурился от яркого света, почувствовал, что хватка Шлака слабеет. Открыл глаза. Тощий стоял в нескольких метрах от него, сгорбившись, глядя куда-то в сторону. Левую руку напрочь смело энергетическим разрядом. Одежда на левом боку почернела и оплавилась, а из плеча капало нечто, очень похожее на кровь.

— Босс!

Шлак моментально подскочил к нему, встал впереди, загораживая от возможного следующего разряда. Он бесстрашно и даже с вызовом поглядел на Милу внизу, потом на Ива.

На секунду все вокруг замерло, остановилось. Ив смотрел на порченного, который был его единственным другом, а тот смотрел на него. Тощий за широкой спиной Шлака пошатнулся, но устоял. Ив был уверен, что смог бы убить его. Тощего, но не друга.

Он глубоко вздохнул, опустил голову. Действие инъекции заканчивалось. В плече пульсировала боль, и каждый ожог, каждая рана отзывались покалыванием. Времени осталось совсем немного.

Ив подошёл к Яношу, помог тому подняться. Потом в последний раз взглянул на Шлака. Спросил зачем-то:

— Пойдешь со мной?

Шлак покачал головой.

— Здесь мое место.

Ив кивнул. Нахмурился, чтобы скрыть горечь, и отвернулся.

Мила в странном оцепенении наблюдала, как брат и Янош медленно бредут по этажу. Потом взгляд скользнул вниз, на порченных, которые замерли у стен в ожидании. Все они были напуганы. Беззвучно плакали дети, стонали раненые. Нужно сказать им что-то, успокоить.

Мила немного помедлила, потом сняла шапку и бросила в сторону. Порченные смотрели на нее.

— Я знаю, — начала она хрипло. Дрожащий слабый голос едва не подвёл. Откашлялась, проговорила громче: — Знаю, что вы сейчас напуганы. Но времени мало. Я прошу вас пойти со мной. За стену. Туда, где мы, порченные, будем свободны.

Послышался тихий шепот. Люди начали поглядывать друг на друга, будто переговаривались без слов, но никто не сдвинулся с места.

— Мне тоже страшно, — продолжала Мила и почувствовала, что опора вот-вот уйдет из-под ног. Пальцы дрожали от волнения, и она крепко сжала их. — Я боюсь неизвестности, как и вы. Я не знаю, что ждёт нас там, за стеной. Но я знаю, что здесь нас не ждёт ничего.

Она не умела хорошо говорить, но понадеялась, что этого хватит. Окинула печальным взглядом толпу выживших порчей, развернулась и поплелась вниз, припадая на сторону. Не сразу, но услышала за спиной шорох, тихие шаги. Несколько человек потянулись за ней, потом и все остальные.

На нижнем ярусе их уже ждал Марек. Он искал раненых среди десятков расстрелянных

порченных. Их осталось совсем мало. Все молчали, глядя на убитых товарищей. Подавленные, напуганные, ничего не понимающие. Но все ещё живые.

— Отец со своими воинами ждёт нас на границе, — проговорил Марек хмуро. — Они помогут раненым и проведут нас через лес.

Его светлые глаза были печальными, но в глубине затаилась злость.

У Милы же не осталось сил злиться. Она просто кивнула. Может, всего этого можно было избежать, если бы она не кинулась спасать брата. Если бы вовремя сдалась.

Либо они, либо мы. Как жаль, что приходится выбирать.

Молчаливая процессия потянулась в туннель. Мила стояла у входа, пропуская вперёд людей, и каждый поднимал на нее глаза. В одних была надежда, в других покорность. Они словно задавали немой вопрос: что будет с нами теперь?

Мила не знала. Но все же надеялась, что после всего плохого, что ей и этим людям пришлось пережить, впереди будет ждать что-то хорошее.

В полутьму и сырость туннеля из открытого люка проникал яркий солнечный свет. Ив и Мила ждали, пока последний порченный покинет базу навсегда. Под ногами шуршал гравий, бурый кое-где от пятен засохшей крови. Ив глядел на эти пятна и думал, что все могло бы кончиться по-другому.

— Пойдешь с нами? — тихо спросила Мила.

— Нет, — покачал головой Янош. — В Огневе я буду полезнее. Осталось ещё так много порченных на других заводах. И Тощий.

Янош проводил их до самого выхода. Он выглядел потрепанным, как и все остальные. Но держался.

— Будем на связи, Охотник, — бледно улыбнулась Мила. — Спасибо тебе за все. Без вас с Авророй мы бы... — Голос дрогнул. Сестра закусил губу и часто заморгала, пытаясь сдержать слезы. — Сегодня она спасла жизни.

— Тощий за все ответит, — мрачно пообещал Янош и обернулся к Иву.

Они молча пожали руки. Ив не знал, что полагается говорить в таких случаях, но знал, что никаких слов недостаточно, чтобы облегчить чужое горе.

— Спасибо, что сберёг мою сестру, — в конце концов проговорил он. Слова давались с трудом. — Я в долгу.

Янош кивнул и коротко улыбнулся. Потом ещё раз взглянул на Милу, легонько хлопнул ее по металлическому наплечнику.

— Ну, теперь валите отсюда и никогда не возвращайтесь.

Брат и сестра тоже улыбнулись ему на прощание. Медленно пошли к свету, оставляя за спиной город, в котором для них не было места.

Мир снаружи поприветствовал свежим прохладным ветром. Ив вдохнул всей грудью. Пахло ржавчиной и землёй, и едва уловимо — лесом.

Больше книг на сайте - Knigoed.net